КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XVI.

Ноябрь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко. аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го октября 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г ШЕВЧЕНКА. III. НАЙМИЧКА *(Повѣсть) Окончаніе* 1

II. ШАГИНЪ-ГИРЕЙ, ПОСЛѢДНІЙ КРЫМСКІЙ ХАНЪ. (Историческій очеркъ). **Ѳ. Лашкова**. 37

III. ВѢДЬМА. (Полѣсскій разсказъ.) *(Окончаніе)* 81

IV. ЖИТІЕ СКОВОРОДЫ, ОПИСАННОЕ ДРУГОМЪ ЕГО, М. И. КОВАЛѢНСКИМЪ. Съ предисловіемъ **Н. Сумцова** . . . 103

V. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Русская православная старина въ Замостьѣ. Магистра священника Александра Будиловича. Изданіе холмскаго св. Богородичнаго братства. Варшава. 1886 г. —*П. Голубовскаго.*—б) Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII ст. (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива А. А. Андріевскимъ и изданные императорскимъ одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса. 1886 г.—*И. Каманина.*—в) Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., № 3-й, стр. 51—72.—Басня Богдана Хмельницкаго. Ст. Г. Ц.—*А. С—ка* 151

VI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О новооткрытомъ славянскомъ богѣ Раѣ.—*Д. Кравченка.*—б) Къ біографіи В. Н. Забѣлы.—*М. Комарова.*—в) Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. —Сообщ. *М. Комаровъ.*—г) Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ I-мъ въ Ахтыркѣ.—*А. Твердохлѣбова.*—д) Гетманъ Разумовскій въ нуждѣ.—*А. Т.*—е) Къ исторіи южно-русскихъ братствъ.—ж) Изъ записной книжки южно-русскаго священ-

ника 1725 г.—Сообщ. *В. А.*—з) Къ портрету Иліи Ѳедоровича Новицкаго 163
Приложенія: а) ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1754 г) (*Продолженіе*). . . . . 352—384
б) Портретъ полковника Иліи Ѳедоровича Новицкаго.

Октябрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. IV. БЛИЗНЕЦЫ 199
II. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ (*Продолженіе*). 252
III. МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 265
VI. ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА. (*Продолженіе*). 299
V. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО. (*Продолженіе*) 320
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва. 1886 г.—*В. Г.*—б) Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть III. Одесса. 1886 г.—*И. Каманина.*—в) Списокъ церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава. 1886 г.—*К. Цыбульскаго* 368
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гайдамацкій бандуристъ.—*В. Ястребова.*—б) По поводу «Турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности».—*О. L.*—в) Къ исторіи скельскаго монастыря.—*А. Твердохлѣбова.*—г) Раскольничьи слободы въ черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в.—д) Два слова о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей Гетманщины.—е)Цѣлебныя воды въ Константиноградѣ.—ж) Поимка Гаркуши въ Ромнѣ.—з) Двѣ сахарно-заводскія пѣсни.—Сообщ. *М. Васильевъ* . . 379
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1754 г.) (*Продолженіе* . . . . . 385—416

Ноябрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. IV. БЛИЗНЕЦЫ. (*Продолженіе*) 409
II. ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА. (*Окончаніе*) 445
III. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО. (*Продолженіе*) 472
IV. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ. (*Окончаніе*). 500
V. МАЗЕПА И ЕГО «ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА». **И. Каманина** . 522
VI. «КІЕВСКІЙ СТОЛЪ» РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА. **Н. Оглоблина**. 572
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Ród Gedimina, przez Józefa Wolfa. Krakow. 1885 г.—б) Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIV. Съ 6-ю литографированными листами. Одесса. 1886 г.—в) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала. Вильна, 1886 г.—*И. Каманина* . . 553
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ.—*О. П.*—б) Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII в.—*Николая Бакая.*—в) Еще о Гаркушѣ.—*А. Т.*—г) Два документа къ исторіи черниговской типографіи.—Сообщ. *А Лазаревскій.*—д) Рескриптъ императора Павла объ опредѣленіи малороссійскаео дворянства въ военную службу.—е) Ордеръ правителя малороссіи А. Румянцева объ устройствѣ пѣвческой школы въ Глуховѣ.—ж) Голодъ въ Полтавщинѣ въ 1833 и 34 гг. и мѣры принятыя противъ него.—Малорусскія пѣсни у велико-русскихъ крестьянъ.—*Н. А. Добротворскаго* 561
XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1278—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 417—465
XII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Декабрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. БЛИЗНЕЦЫ. (*Окончаніе*). 589

II. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Окончаніе)* 627
III. КІЕВСКІЯ СМУТЫ СРЕДИНЫ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ. **А. Андріевскаго**. 664
IV. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА Д. ПР. ТРОЩИНСКАГО КЪ КН. Я. И. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ. 709
V. РѢЧЬ АВТОРА «ЯБЕДЫ», В. В. КАПНИСТА, ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОБРАНІИ. 717
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Уніатское богослуженіе въ XVII и XVII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Изслѣдованіе И. Ѳ. Одинцова, Вильна. 1886 г.—*К. Цыбульскаго.*—Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею иодъ редакціей Б. Дѣдицкаго. Вып. I. Львовъ 1886 года.—*W.*—Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ Амфіана С. Лебедева. Москва. 1885 года.—*И. Каманина.*—г) Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края, Д. Л. Иванова («Извѣстія имп. рус. географ. общества, 1886. Т. III, стр. 225—255).—*Н. С.* . . . . , 723
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣсколько словъ польскому рецензенту малорусскихъ книжекъ. — *Б. Познанскаго.*—б) Историческая справка о глушковской суконной фабрикѣ.—*Н. Добротворскаго.*—в) Уцѣлѣвшіе остатки архива К. Г. Разумовскаго.—*Н. Бакая.*—г) Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій.—*Н. Сумцова.*—д) Колоколъ «Кизикерменъ».—*В. Е. Бучневича* — е) Эпизодъ изъ предсмертной борьбы Запорожья за цѣлость своихъ владѣній.—*А. Твердохлѣбова.*—ж) Къ одословной гетмана Ивана Мазепы.—з) «Мазепа» г. Чайковскаго.—*В. Г.* 747
IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Окончаніе)*. . . . . 465—524
XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

НА

1887 г. (VI ИЗДАНІЯ) 1887 г.

Журналъ **«Кіевская Старина»**, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1887-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа,** книжками **въ 12 и болѣе листовъ,** подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Въ наступающемъ 1887 году будетъ продолжено начатое съ іюня сего года печатаніе неизданныхъ повѣстей Т. Гр. Шевченка на русскомъ языкѣ и приступлено къ печатанію не вошедшихъ въ этотъ годъ нѣкоторыхъ статей и матеріаловъ, какъ-то: Исторіи козачества, проф. *В. Б. Антоновича*, Дневника *С. И. Лашкевича*, съ предисловіемъ *Θ. Д. Николайчика*, и проч. Сверхъ того вновь имѣются въ виду къ помѣщенію: Записки *Ярославскаго* о новороссійскомъ краѣ въ концѣ XVIII ст., сообщ. *П. С. Ефименкомъ*, Историческія Записки о войскѣ черноморскомъ, асаула *А. М. Туренка*, Переписка *В. Гр. Полетики* съ *А. И. Чепою* (1810—1811 гг.) и статьи: Колдовство въ юго-западной Руси конца XVIII и начала XIX ст., проф. *В. Б. Антоновича*, Историческій очеркъ рода Горленковъ, князя *А. В. Дабижи*, Вліяніе

южно-русской литературы XVII в. на раскольничью литературу XVIII в., проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, Апокрифическіе элементы южно-русской народной словесности, *его-же*, Объ уличныхъ малорусскихъ прозвищахъ, *его-же*, Поминка о турѣ въ малорусской народной поэзіи, *его-же*, Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, *Н. А. Добротворскаго*, Къ исторіи колонизаціи слоб. Украйны, *Д. И. Багалѣя*, Историко-географическій очеркъ г. Ямполя, *К. М.* и проч.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за эти годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за 3 15%, и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Лебединцевъ**.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

БЛИЗНЕЦЫ.

(Продолженіе) [1]).

Время близилось къ праздникамъ. Степанъ Мартыновичъ уже началъ распускать своихъ школяровъ по домамъ. Уже и кабана и другаго закололи на хуторѣ; Парасковья Тарасовна собственноручно взялась за колбасы и прочую начинку къ праздникамъ. Вездѣ и по всему видно было, что праздникъ на улицѣ ходитъ, а въ хату еще боится зайти.

Въ такой-то критическій вечеръ пріѣхалъ на хуторъ Карлъ Осиповичъ и привезъ письмо съ почты, и письмо то было изъ Полтавы отъ дѣтей и—какъ бы вы думали, отъ кого еще?—Отъ И. П. Котляревскаго. Парасковья Тарасовна, когда услышала, что письмо изъ Полтавы, вбѣжала въ комнату и колбасу забыла оставить въ кухнѣ.

— Гдѣ же это письмо? Голубчикъ, Карлъ Осиповичъ, гдѣ же письмо? прочитайте мнѣ, дайте мнѣ его, я хоть поцѣлую.

— Отнесите сначала колбасу на мѣсто, а потомъ уже приходите письмо слушать,—сказалъ Никифоръ Оедоровичъ, развертывая письмо.

— Ахъ, я божевильная, и не схаменуся! вскрикнула она и выбѣжала за двери.

Вскорѣ всѣ усѣлися вокругъ стола и началось торжественное чтеніе письма.

Такъ какъ уже начинало смеркаться, то догадливая Марина, безъ всякаго со стороны хозяйки распоряженія, внесла въ комнату свѣчу и поставила на столъ. Никифоръ Оедоровичъ развернулъ

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., октябрьск. кн., стр. 199—251.

писмо Ивана Петровича, сначала посмотрѣлъ на подпись и потомъ началъ читать.

«Ласковіи мои други, Никифоръ Ѳедоровичъ, Парасковія Тарасовна и Степанъ Мартыновичъ»!

Всѣ молча между собою переглянулись.

Но такъ какъ письмо было написано по-малороссійски, что не всякій пойметъ, а другой и понялъ бы, такъ устъ своихъ марать не захочетъ мужицкими словами, то потому я разскажу только содержаніе письма, отъ чего повѣсть моя мизерная много потеряетъ.

Послѣ обыкновенныхъ поздравленій съ наступающими праздниками Иванъ Петровичъ описываетъ добрыя качества дѣтей ихъ и удивляется ихъ необыкновенному сходству какъ физическому, такъ и нравственному и говоритъ, что онъ по мундирамъ ихъ только и узнаетъ. «Я за ними, говоритъ, посылаю каждую субботу. Воскресеніе они проводятъ со мною, и я не налюбуюсь ими. Не желалъ-бы и у себя имѣть лучшихъ дѣтей, какъ ваши дѣти. Моя муза наполняется еженедѣльно описаніемъ ихъ дѣтскихъ прекрасныхъ качествъ». Далѣе онъ пишетъ, что лучше было бы повести ихъ по одной какой нибудь дорогѣ: по военной или по гражданской. А дальше пишетъ, что нѣтъ худа безъ добра, что отъ различнаго ихъ воспитанія выйдетъ психическій опытъ, который и покажетъ, какая произойти можетъ разница отъ воспитанія между двумя субъектами, совершенно одинаково организованными. А дальше пишетъ, что онъ не мало удивился, когда узналъ, что они хорошо читаютъ по нѣмецки и еще лучше по латыни, и спрашиваетъ, кто ихъ училъ (тутъ, молча, переглянулись Карлъ Осиповичъ и Степанъ Мартыновичъ). Потомъ пишетъ, что Гапка ихъ тоже полюбила и снабжаетъ ихъ каждое воскресеніе пирожками и бубликами на цѣлую недѣлю. «Разъ у меня Зося попросилъ гривенникъ на какую-то кадетскую требу, но я ему не далъ: по опыту знаю, что не хорошо давать дѣтямъ деньги».

— А можетъ оно бѣдненькое учителю хотѣло дать, чтобы лучше показывалъ, проговорила Парасковія Тарасовна; но Никифоръ Ѳедоровичъ взглянулъ на нее по своему, и она умолкла.

И говоритъ: «вы объ нихъ не безпокойтесь: праздники они у меня проведутъ, а на свять-вечеръ съ вечерею пошлю ихъ къ моему другу Н. У него тоже есть дѣти, они тамъ весело встрѣтятъ

праздникъ Рождества Христова». Дальше пишетъ, чтобы они не забывали его стараго и чтобы на время каникулъ пріѣзжали въ Полтаву, и что въ Полтавѣ квартиры очень дешевы, а что Гапка его варитъ отличный борщъ изъ карасей сушеныхъ. «Ужъ какъ это она дѣлаетъ, говоритъ, Богъ ее знаетъ.

Оставайтеся здоровы, не забувайте одинокого И. Котляревскаго.

P. S. Поклонитесь, якъ побачитесь, доброму моему Степану Мартыновичу Левицькому».

По окончаніи письма Карлъ Осиповичъ всталъ, понюхалъ табаку и сказалъ: «ессе homo!» Степанъ Мартыновичъ тоже всталъ и заплакалъ отъ умиленія. Да и какъ не заплакать? Ему, ничтожному дьячку, пишетъ поклонъ, и кто же? Попечитель гимназіи. Парасковія Тарасовна тоже встала и, обратясь къ образамъ и крестясь, со слезами на глазахъ говорила: «благодарю тебя, милосердный Господи, за твое милосрдіе, за твою благодать святую! Послалъ ты ангела-хранителя моимъ малымъ сиротамъ на чужинѣ!» И она молча продолжала молиться, а Никифоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ, облокотясь надъ письмомъ, и хранилъ глубокое молчаніе. Потомъ свернулъ письмо, поцѣловалъ его, глубоко вздохнулъ, всталъ изъ-за стола и молча вышелъ въ другую комнату. Чрезъ полчаса онъ вышелъ, и глаза его какъ будто покраснѣли. Парасковія Тарасовна обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Есть-ли у него пасѣка? Я тогда, какъ была въ Полтавѣ, и забыла спросить у Гапки. А то послать бы ему хоть бочку меду. Къ празднику уже не успѣемъ, то хоть къ великому посту.

— Пошлемъ двѣ, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ и началъ ходить молча по комнатѣ.

Гости простились и пошли во-свояси съ миромъ, дивяся бывшему.

Прошли и праздники, и зима проходитъ, а весна наступаетъ, вотъ уже и Великъ-день черезъ недѣлю. Степанъ Мартыновичъ распустилъ своихъ учениковъ въ дома родительскіе и наказываетъ, чтобы прибывали въ школу не раньше Вознесенія Христова. По примѣру семинарскому онъ тоже сдѣлалъ вакаціи своимъ школярамъ. Послѣ праздника, распорядившись хорошенько домомъ, т. е. препоручивъ смотрѣніе за школою и за меньшими братьями старшимъ братьямъ: двумъ богословамъ, а третьему философу и нака-

завъ, чтобы въ часы досуга рыли ровъ не весьма глубокій, около древъ насажденныхъ, Степанъ Мартыновичъ позычилъ у знакомаго ему мѣщанина «бѣду», разумѣется, не такую франтовскую, какъ у Карла Осиповича, а такъ-себѣ простенькую, а у другого, тоже знакомаго, мѣщанина нанялъ коня съ хомутомъ на двадцать дней и нощей, запрегъ коня въ бѣду и въ одно прекрасное утро, простившись съ хуторомъ и со школою, сѣлъ и поѣхалъ легонькою рысцею въ Полтаву.

Парасковія Тарасовна послала чрезъ него дѣтямъ свое, хотя заочное, родительское благословеніе и мѣшокъ бубличковъ, какъ-то особенно испеченныхъ, а Зосѣ своему и полкарбованца денегъ, которыя онъ долженъ былъ ему передать тихонько отъ Ивана Петровича. Степанъ Мартыновичъ обѣщался все это исполнить, но не исполнилъ. Онъ за полкарбованца отслужилъ молебенъ, а Зосѣ крѣпко-на-крѣпко наказалъ, чтобы онъ не осмѣливался просить гривенничковъ у Ивана Петровича.

Въ Полтавѣ съ нимъ не случилось ничего необыкновеннаго, кромѣ развѣ того, что онъ присутствовалъ въ соборѣ при рукоположеніи во діакона его стараго знакомаго баса и что новый діаконъ зазвалъ его къ себѣ, напоилъ пьянымъ и въ добавокъ поколотилъ слегка, изъ чего и заключилъ Степанъ Мартыновичъ, что его пріятеля никакой санъ не исправитъ, что онъ, какъ былъ басомъ, такъ и останется имъ даже до могилы.

По возвращеніи во-свояси изъ далекаго и неисполненнаго приключеній странствія, школу свою нашелъ онъ благополучною, благодарные братья обрыли кругомъ новый вертоградъ его, да еще и лозою огородили. Поблагодаривъ ихъ прилично, т. е. купивъ имъ по парѣ юфтовыхъ сапогъ и демикитону на жилеты, онъ просилъ ихъ же пособить ему перенести изъ хутора пчелы въ свою пасѣку, что на другой же день и было исполнено. Теперь онъ, кромѣ того, что стихарный дьякъ, учитель душъ до тридцати учениковъ, да еще и пасѣчникъ не малый.

Проходили невидимо дни, мѣсяцы и годы. Зося и Ватя росли душою и тѣломъ въ Полтавѣ, а Никифоръ Ѳедоровичъ и Парасковія Тарасовна старились себѣ безмятежно на хуторѣ и получали исправно каждый праздникъ поздравительныя письма отъ дѣтей. Потомъ стали получать ежемѣсячно, потомъ и чаще, и уже не на-

ивныя дѣтскія письма, а письма такія, въ которыхъ началъ опредѣляться характеръ пишущихъ. Такъ, напримѣръ, Зося писалъ всегда довольно лаконически, что онъ почти нищій между воспитанниками и что по фронту онъ изъ числа первыхъ, а Ватя писалъ пространнѣе. Онъ скромно писалъ о своихъ успѣхахъ, о нищетѣ своей и не упоминалъ, а о добромъ и благородномъ своемъ покровителѣ исписывалъ цѣлыя страницы. Изъ его писемъ можно было узнать костюмъ, привычки, занятія, словомъ ежедневный бытъ автора «Полтавки Наталки», «Москаля чаривника» и перелицеванной «Энеиды».

Въ концѣ четвертаго года получены были отъ дѣтей письма такого содержанія:

«Дражайшіе родители!

Выпускной экзаменъ я сдалъ прекрасно: получилъ хорошіе балы во всѣхъ наукахъ, а по фронту вышелъ первымъ. Меня посылаютъ въ дворянскій полкъ въ Петербургъ, а потому и прошу прислать мнѣ, сколько можете на первый разъ, денегъ на непредвидѣнные расходы. Вашъ покорный сынъ З. Сокиринъ».

— Сокиринъ, Сокиринъ, худой знакъ! говорилъ тихо Никифоръ Ѳедоровичъ и развертывалъ другое письмо.

«Мои нѣжные, мои милые родители!

Богъ благословилъ ваше обо мнѣ попеченіе и мои посильные труды: я сдалъ свой экзаменъ почти удовлетворительно къ великой моей радости и радости нашего всѣми любимаго и уважаемаго благодѣтеля, который кланяется вамъ и достойному Степану Мартыновичу. По экзамену я удостоился драгоцѣнной для меня награды. мнѣ публично вручилъ самъ ректоръ въ изящномъ переплетѣ Виргиліеву «Энеиду» на латинскомъ языкѣ и тутъ же публично объявилъ, что я удостоился быть посланнымъ въ университетъ, который я самъ изберу, на казенный счетъ, по медицинскому факультету. И я теперь прошу вашего родительскаго благословенія и совѣта, какой именно избрать мнѣ университетъ: харьковскій или ближайшій кіевскій. Я желалъ бы послѣдній, потому что тамъ профессора хорошіе, особенно по медицинскому факультету, а болѣе желалъ бы потому, чтобы быть ближе къ вамъ, мои безцѣнные, мои милые родители. Жду вашего благословенія и совѣта и цѣлую

ваши родительскія руки. Остаюсь любящій и благодарный вашъ сынъ С. Сокира.

P. S. Поцѣлуйте за меня незабвеннаго моего Степана Мартыновича. Вчера и сегодня благодѣтель нашъ жалуется на боль въ ногахъ и поясницѣ и третій день уже изъ дому не выходитъ. Помолитесь вмѣстѣ со мною о его драгоцѣнномъ здравіи».

По прочтеніи письма Никифоръ Ѳедоровичъ сказалъ:

— Ну, слава тебѣ, Господи, хоть одинъ походитъ на человѣка.

— Да еще на какого человѣка! прибавилъ Карлъ Осиповичъ. Я вамъ предсказываю, что изъ него выйдетъ докторъ, магистръ, профессоръ и знаменитый профессоръ медицины и хирургіи, а въ добавокъ членъ многихъ ученыхъ обществъ. Увѣряю васъ, что такъ будетъ. Ай да юный эскулапъ! воскликнулъ онъ, щелкая по табакеркѣ.

— А изъ Зоси, вы думаете, не выйдетъ ничего путнаго? съ такимъ вопросомъ обратилась Парасковія Тарасовна къ Карлу Осиповичу.

— Боже меня сохрани такъ думать! Изъ него можетъ выйдти хорошій офицеръ, полковникъ, генералъ и даже фельдмаршалъ. Это будетъ зависѣть отъ него самого.

— Толците и отверзется, просите и дастся вамъ, проговорилъ въ полголоса Степанъ Мартыновичъ.

— Что было, то видѣли, а что будетъ, то увидимъ, сказалъ сухо Никифоръ Ѳедоровичъ и ушелъ къ себѣ въ пасѣку.

Долго ходилъ онъ около пасѣки, волнуемый какимъ-то смѣшаннымъ, неопредѣленнымъ чувствомъ между радостью и грустью, и, успокоивъ себя надеждою на всеблагое Провидѣніе, возвратился въ хату, повторяя изреченіе Богдана Хмельницкаго: «що буде, то те й буде, а буде те, що Богъ намъ дасть».

На другой день написалъ онъ самое искреннее и благодарное письмо Ивану Петровичу, послалъ дѣтямъ по 25 рублей, всепокорнѣйше прося Ивана Петровича вручить ихъ дѣтямъ и чтобы онъ величайшую милость для него сдѣлалъ,—извѣстилъ его, какое дѣти сдѣлаютъ употребленіе изъ денегъ, потому, говоритъ, что деньги въ молодыхъ рукахъ вещь весьма опасная и ему, какъ отцу, извинительна подобная просьба. Саватію онъ совѣтовалъ избрать уни-

верситетъ кіевскій, а Зосимѣ просилъ Ивана Петровича сдѣлать наставленіе, какое Господь внушитъ его добродѣтельному сердцу.

Чрезъ мѣсяцъ они имѣли великое счастіе обнимать Ватю у себя на хуторѣ. Онъ проѣздомъ въ Кіевъ уговорилъ товарищей своихъ пробыть сутки въ П—вѣ, чтобы повидаться ему съ родными, на что товарищи охотно согласились, тѣмъ болѣе, что онъ и ихъ пригласилъ на хуторъ. Зося тоже отправился съ товарищами изъ Полтавы, но только по харьковской дорогѣ, а потому и не могъ заѣхать на хуторъ.

Послѣ первыхъ привитаній Ватя побѣжалъ въ школу съ завѣтною «Энеидою» въ рукахъ и, найдя своего наставника въ школѣ между жужжащими школярами, какъ матку между пчелами, бросился къ нему на высокую шею. Послѣ перваго, втораго и третьяго поцѣлуя онъ подалъ ему драгоцѣнную книгу, говоря:

— Вы первый раскрыли мнѣ завѣсу латинской мудрости,—вамъ и принадлежитъ сія мудрѣйшая и драгоцѣннѣйшая для меня латинская книга.

Съ умиленіемъ принялъ и облобызалъ книгу Степанъ Мартыновичъ. Любуясь переплетомъ, онъ развернулъ ее и увидѣлъ между страницами красную бумажку. Это были десять карбованцевъ благодарнаго Вати.

— Вы въ книгѣ забыли деньги. Вотъ онѣ.

— Нѣтъ, это вамъ Иванъ Петровичъ посылаетъ чрезъ меня, чтобы вы потрудились передать ихъ вашимъ бѣднымъ родителямъ (а въ самомъ дѣлѣ это были оставшіеся отъ 25 рублей, присланныхъ ему въ Полтаву).

На радости Степанъ Мартыновичъ распустилъ учениковъ гулять, а самъ съ Ватей пошелъ на хуторъ, держа въ рукахъ развернутую книгу и декламируя стихи знаменитаго поэта. И еслибы Ватя также внимательно слушалъ, какъ Степанъ Мартыновичъ читалъ, то очутились бы оба по колѣни въ лужѣ, а то испыталъ это только одинъ педагогъ.

Погостивши сутокъ двое-трое на хуторѣ, Ватя началъ собираться въ дорогу; а товарищи такъ были довольны угощеніемъ гостепріимной Парасковіи Тарасовны, что и не думали о продолженіи пути, а потому не мало удивились, когда онъ сталъ прощаться съ своими, такъ называемыми, родителями. Дѣлать было нечего, и они

простились. А черезъ нѣсколько дней, прогуливаясь въ Шулявщинѣ, готовились держать экзаменъ для поступленія въ университетъ.

Во время пребыванія своего въ университетѣ Саватій каждыя каникулы пріѣзжалъ на хуторъ и превращался въ пасѣчника. Тогда начали уже показываться статьи въ журналахъ Прокоповича о пчеловодствѣ; онъ ихъ внимательно прочитывалъ и не безъ успѣха примѣнялъ къ дѣлу, къ величайшей радости Никифора Ѳедоровича. Иногда вмѣстѣ съ Карломъ Осиповичемъ они дѣлали химическіе и физическіе опыты и даже лягушку по методѣ Межанди. А по вечерамъ собирались всѣ на крылечкѣ, и Саватій читалъ вслухъ Энеиду Котляревскаго, или настоящую Виргиліеву Энеиду, а такъ какъ онъ любилъ страстно музыку, особенно свои родные заунывные напѣвы, то съ большимъ успѣхомъ бралъ у Никифора Ѳедоровича уроки на гусляхъ, и послѣ десяти уроковъ пѣлъ уже, самъ себѣ, акомпанируя:

Стала хмара наступать,
Ставъ дощикъ ити.

Въ Кіевъ онъ всегда возвращался съ порядочно набитой портфелью мѣстной флоры и нѣсколькими ящиками мотыльковъ и разныхъ букашекъ.

Впродолженіи пребыванія своего въ дворянскомъ полку Зося писалъ ежемѣсячно аккуратно письма содержанія почти однообразнаго. Нѣкоторыя или, лучше сказать, большую часть своихъ писемъ онъ варьировалъ фразой: «Я скоро Божіею милостью прапорщикъ, а у меня денегъ ни копѣйки нѣтъ», на что обыкновенно говорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ: «а будетъ офицеромъ, и гроши будутъ».

Однажды писалъ ему Ватя, чтобы онъ прислалъ ему литографированный эстампъ съ картины «Послѣдній день Помпеи» и для сей требы послалъ ему три рубля денегъ, но Зося благоразумно разсудилъ, что три рубля деньги, а эстампъ что такое?—листокъ испачканной бумаги, больше ничего, и безъ обиняковъ написалъ брату, что объ этакой картинѣ въ Петербургѣ онъ и не слышалъ, а что деньги онъ ему послѣ вышлетъ, а если хочетъ, то на Невскомъ проспектѣ много разныхъ картинъ продается, то можно будетъ купить одну и переслать. Ватя написалъ ему, чтобы онъ купилъ какой-нибудь эстампъ, если ужъ нельзя достать «Послѣдній день Помпеи». Онъ и купилъ ему московское литографированное

грошовое произведеніе «Тѣнь Наполеона на островѣ св. Елены». Ватя, получивъ сіе произведеніе, не могъ надивиться эстетическому чутью родимаго братца, и знаменитый кунштъ полетѣлъ въ пещь огненную.

Вскорѣ послѣ всесожженія «Тѣни Наполеона» съ шумомъ явилися на свѣтъ «Мертвыя души». «Библіотека для чтенія», въ томъ числѣ и солидные благомыслящіе люди, разругали книгу и автора, называя книгу грязною и безнравственною, а автора просто сѣятелемъ плевелъ на почвѣ воспитанія благороднаго юношества. Не смотря однако же на блюстителей нравственности и блюстительницъ русскаго слова, «Мертвыя души» разлетѣлись быстрѣе птицъ небесныхъ по широкому царству русскому. Прилетѣло нѣсколько экземпляровъ и въ древній Кіевъ и дебютировали, разумѣется, въ университетѣ. Инспекторъ съ неудовольствіемъ и даже страхомъ замѣтилъ, что студенты собираются въ кружки и что-то съ хохотомъ читаютъ. Сначала онъ подумалъ: вѣрно какая-нибудь каналія сочинила на меня пасквиль; но замѣтивши, что студенты читаютъ печатную книгу, почувствовалъ, что отъ сердца отлегло; и какъ человѣкъ, мало слѣдившій за движеніемъ отечественной литературы, притомъ не принадлежащій къ бандѣ блюстителей нравственности, узнавши, что книга титулуется «Мертвыя души» и, «должно быть, страшная, махнувши рукою, сказалъ: «пускай ихъ себѣ читаютъ, лишь бы не пьянствовали, да на Кресты окону бить не ходили». Саватій сначала со вниманіемъ прослушалъ «Мертвыя души», потомъ съ большимъ вниманіемъ прочиталъ, а прочитавши возымѣлъ страсть, во чтобы то ни стало, пріобрѣсть эту книгу, чтобы во время каникулъ читать вслухъ на хуторѣ. Собравшись съ послѣдними крохами и призанявши рубля съ полтора, отправился онъ въ «Контору застрахованія жизни», она же и книжный магазинъ. Приходитъ и спрашиваетъ «Мертвыя души», а книгопродавецъ и глаза вытаращилъ: ему показалось, что посѣтитель спрашиваетъ мертвыя души тѣ, которыя застраховали свое земное бытіе въ его конторѣ, и онъ, обратясь къ посѣтителю, сказалъ, что есть только двѣ.

— Пожалуйте мнѣ одинъ экземпляръ, сказалъ Саватій.

Книгопродавецъ снова сталъ втупикъ. Саватій замѣтилъ:

— Вы меня не такъ понимаете. Получена-ли у васъ книга подъ названіемъ «Мертвыя души», сочиненіе Н. Гоголя?

— Никакъ нѣтъ-съ: еще и объявленія не читали, отвѣчаютъ ему.

— Значитъ, нѣтъ надежды и имѣть отъ васъ ее когда-нибудь, сказалъ Саватій и вышелъ на улицу. Онъ хотѣлъ было сходить къ Глюзберу, да вспомнилъ, что тамъ не продаютъ русскихъ книгъ, зашелъ на минутку домой, написалъ брату письмо, вложилъ въ него деньги и отнесъ на почту. Бѣднякъ! Ему и въ голову не пришла «Тѣнь великаго Наполеона».

Черезъ мѣсяцъ получаетъ онъ повѣстку изъ почтовой конторы, что получена на его имя посылка на 6 руб. сер. Въ восторгѣ бѣжитъ онъ къ инспектору, отъ него прямо въ почтовую контору и спрашиваетъ посылку. Ему подаютъ; пощупалъ—мягкое. «Она!» проговорилъ онъ и вышелъ изъ конторы. На улицѣ разрѣзалъ веревочку перочиннымъ ножикомъ, распоролъ клеенку, развернулъ обертку и съ ужасомъ прочиталъ: «Никласъ—Медвѣжья лапа». Потемнѣло въ глазахъ у бѣдняка, и полураскрытая посылка вывалилась изъ рукъ. Простоявъ съ минуту, пошелъ онъ грустный, самъ не зная куда, а посылка такъ и осталась на улицѣ, пока ее не поднялъ какой-то нищій; осмотрѣвши внимательно, онъ пошелъ прямо въ кабакъ, а цѣловальникъ имѣлъ счастье за шкаликъ пріобрѣсть бсзцѣнное твореніе, и какъ человѣкъ грамотный и любознательный и теперь коротаетъ счастливые досуги, а иногда и вслухъ читаетъ своимъ запоздалымъ посѣтителямъ. При посылкѣ письма не было, а была вынута лаконическая записка пренаивнаго содержанія: «Мертвыя души» запрещены; и цензоръ, и авторъ сидятъ въ крѣпости, а посылаю тебѣ дивную книгу «Медвѣжью лапу». Твой братъ такой-то».

Не смотря на то, что и цензоръ, и авторъ сидѣли въ крѣпости, «Мертвыя души» вскорѣ явились въ «Конторѣ застрахованія жизни» и продавались публично. И Ватя, проходя однажды мимо конторы, увидѣлъ экземпляръ, выставленный въ окнѣ. Хорошо, что онъ не читалъ братней записки, а то, пожалуй, брата назвалъ-бы безсовѣстнымъ лгунишкой. Прочитавши нѣсколько разъ обертку и полюбовавшись ею, Ватя рѣшился, во что бы то ни стало, пріобрѣсти великую книгу, тѣмъ болѣе, что каникулы близились. Послѣ акта въ тотъ же день снесъ онъ мундиръ свой, какъ вещь теперь совершенно ненужную, къ одолжителю презрѣннаго металла за умѣренные проценты и, пріобрѣтя за вырученныя деньги экзем-

пляръ великой книги, имѣлъ потомъ неизъяснимое наслажденіе читать ее вслухъ на хуторѣ—вечеромъ на крыльцѣ, а днемъ подъ липою въ пасѣкѣ. Въ сотый разъ уже прочитывалъ онъ почти наизустъ внимательно слушавшей его Парасковіи Тарасовнѣ повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ, когда въѣхалъ на дворъ на своей бѣдѣ Карлъ Осиповичъ и издали показалъ письмо. Чтеніе о Копейкинѣ, разумѣется, было прервано, а чтеніе письма было начато самимъ Никифоромъ Ѳедоровичемъ и, разумѣется, про себя. Прочитавши письмо, онъ бросилъ его на полъ и въ досадѣ сказалъ: «только и знаетъ, что денегъ проситъ. Шутка сказать, трѝста рублей», и онъ ушелъ въ покои, а за нимъ и Карлъ Осиповичъ. Парасковія Тарасовна, поднявши осторожно письмо, передала его Ватѣ и просила прочитать (сама она скорописи не читала, а только печать), только не такъ громко, какъ про того капитана. И Ватя прочелъ въ полголоса слѣдующее:

«Драгоцѣнные мои родители!

Божіею милостію я теперь прапоръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а вы должны сами знать, какъ долженъ себя держать гвардейскій офицеръ: здѣсь не Полтава и не тщедушный П—въ, а, люди добрые говорятъ, столица, а потому-то мнѣ и нужно на первое обзаведеніе по крайней мѣрѣ 300 рублей серебромъ. Затѣмъ остаюсь вашъ сынъ З. Сокиринъ».

Ватя, прочитавши письмо, сложилъ его и подалъ Парасковіи Тарасовнѣ.

— Да ты все прочитай и тогда отдай уже мнѣ; я его спрячу.

— Да я все и прочиталъ.

Она бѣдная не повѣрила, развернула письмо, пересчитала строчки и, убѣдившись въ горькой истинѣ, бросила письмо подъ столъ и, закрывъ лицо руками, горько-горько зарыдала. Бѣдная ты, бѣдная! Это еще цвѣты, а ядовитый плодъ еще и не завязывался.

Чрезъ нѣсколько дней со слезами вымолила она 300 руб. у Никифора Ѳедоровича и, такъ какъ онъ отказался писать письмо, а Ватя уѣхалъ, то она сама церковными буквами написала письмо такое: «Зосю мой, орле мой! выплакала, вымолила я и посылаю тебѣ деньги, а Никифоръ Ѳедоровичъ на тебе гнѣвается». Завернула въ письмо деньги и сама повезла на почту. Почтмейстеръ немало удивился, принявши письмо съ деньгами и безъ адреса на конвертѣ.

Поѣхала она къ Карлу Отиповичу, тотъ написалъ адресъ, и письмо было отправлено.

Получивши деньги, гвардейскій прапорщикъ не обратилъ вниманія на письмо или, лучше сказать, на обертку, а другой, тоже гвардейскій прапорщикъ, поднялъ эту обертку и, прочитавши, спряталъ въ карманъ, а на другой день въ экзерцисъ-гаусѣ показалъ ее полковой братіи, и пошла потѣха. Сначала не понималъ Зосимъ, въ чемъ дѣло, а когда понялъ, то въ одно прекраснѣйшее утро послѣ ученья пригласилъ честную кампанію къ Сенъ-Жорсу, задалъ великолѣпный завтракъ и полупьяный разсказалъ братіи на счетъ лаконическаго письма, что у него въ Полтавѣ осталась амика, т. е. любовница - богатая и безграмотная купчиха, крадетъ у мужа деньги и снабжаетъ ими ихъ покорнѣйшаго слугу. Ура!... заревѣла компанія.

— За здоровье всѣхъ безграмотныхъ любовницъ!.. Тосты повторялись до самаго вечера. Въ вечеру вся компанія отправилась смотрѣть Тальони, разумѣется, на счетъ счастливаго любовника.

Не прошло и полгода, какъ отъ счастливаго любовника было получено на хуторѣ письмо такого содержанія:

«Черезъ васъ, нѣжные, попечительные родители, долженъ я оставить гвардію и просить перевода въ армію, потому что я нищій, а у васъ сундуки трещатъ отъ золота. Вашъ благодарный сынъ Сокиринъ».

А причина перевода его въ армію была вотъ какая. Однажды у Марцинкевича въ танцклассѣ (который Зосимъ посѣщалъ каждую пятницу неукоснительно) за какую-то измѣнницу завязалъ онъ пьяный и тоже съ пьяными черкесами драку. Въ дѣло вмѣшалась полиція, и кончилось тѣмъ, что черкесамъ, какъ азіатцамъ, извинили, а его, какъ европейца, перевели въ армію съ тѣмъ же чиномъ. Послѣ этого перевода послѣдовалъ другой, только безъ всякаго извѣщенія со стороны моего забубеннаго героя, потому что онъ прекратилъ всякую корреспонденцію со скаредами, какъ онъ выражался, т. е. съ своими благодѣтелями.

Для писателя болѣе плодовитаго, нежели азъ грѣшный, и болѣе знакомаго съ военнымъ бытомъ нашей многочисленнѣйшей благородной молодежи, здѣсь открывается обширнѣйшее поле, усѣянное такими горькими сѣменами, что плодъ ихъ, когда со-

зрѣетъ, то потомкамъ нашимъ не нужно будетъ покупать сабура.... Талантливый писатель, какъ хорошій огородникъ, могъ бы по немногу вырывать плевелы изъ пшеницы, и было бы благо; но талантливые писатели, вѣдающіе этотъ бытъ, обращаютъ болѣе свое наблюдательное вниманіе на солдатскія поговорки и ихъ безотрадныя, хотя и кажущіяся удалыми, пѣсни.

Волей-неволей, а я долженъ объяснить причину перевода моего героя изъ арміи во внутреннюю стражу, т. е. въ астраханскій гарнизонный баталіонъ. Въ городѣ Нѣжинѣ квартировалъ армейскій пѣхотный полкъ NN. Въ этотъ полкъ былъ переведенъ мой пріятель и поселился въ бѣлой хаткѣ съ садикомъ и цвѣтникомъ, какъ разъ противъ греческаго кладбища. Въ первый же день онъ замѣтилъ въ цвѣтникѣ такой цвѣтокъ, что у него и слюнки потекли. Этотъ очаровательный цвѣтокъ была красавица на самой зарѣ жизни и одно единственное добро бѣднѣйшаго вдоваго старика мѣщанина Макухи. Продолженіе и конецъ повѣсти вамъ извѣстенъ, терпѣливые читатели, и я не намѣренъ утруждать васъ повтореніемъ тысячи и одной, къ несчастью, невымышленной повѣсти или поэмы въ этомъ плачевномъ родѣ, начиная съ оды Баратынскаго и кончая «Катериной» Ш. и сердечной »Оксаной» Основьяненка. Продолженіе и конецъ рѣшительно одинъ и тотъ же, съ тою только разницею, что пріятеля моего чуть было не заставили тотъчасъ-же жениться на мѣщанкѣ Якилынѣ, дочери Макухи. Тутъ вступился за своего офицера добрый старикъ, полковой командиръ; но и этотъ ничего лучше не могъ придумать, какъ велѣть подать ему немедленно въ переводъ, и концы въ воду. Офицеръ на завтра же подалъ въ переводъ; а между тѣмъ, навѣщая Якилыну, едва движущуюся, увѣрялъ старика-отца, что съ каждой почтой ожидаетъ родительскаго благословенія. Пришелъ переводъ, и Зосимъ для такой радости зашелъ въ такъ называемую кондитерскую Неминая и порядкомъ кутнувъ передъ выѣздомъ, началъ разсказывать какому-то, тоже нетрезвому, но богатому, Попандопуло свое рыцарское похожденіе съ Якилиною и такъ увлекательно разсказывалъ, что богатый эллинъ не вытерпѣлъ и заѣхалъ ему всей пятерней въ благородный портретъ, а онъ эллина, а эллинъ опять его, и пошла потѣха. Но какъ эллинъ былъ постарѣе лѣтами и силами послабѣе, то онъ и изнемогъ, а къ тому времени подоспѣлъ блюститель мира въ видѣ го-

родничаго и повелѣлъ борящихся взять подъ арестъ. Завязалось дѣло. Богатаго торгаша эллина оправдали, а благороднаго неимущаго офицера оженили на мѣщанкѣ Якилынѣ и перевели въ астраханскій батальонъ.

О, моя бѣдная Якилыно! Если бы ты могла провидѣть свое безталанье, свою горькую будущую долю, ты убѣжала бы въ лѣсъ или утопилась бы въ гниломъ Острѣ, но не вѣнчалась бы съ благороднымъ офицеромъ. Но ты, простодушная мѣщанка, въ глубинѣ непорочной души своей вѣрила пустой фразѣ, что любовь нѣжная укрощаетъ и звѣря лютаго. Это только фраза, и больше ничего. А ты дурочка думала, что въ самомъ дѣлѣ такъ. Бѣдная, какъ же ты страшно поплатилась за свое простодушіе! Ты погибла, и не спасла тебя отъ горькой участи ни нѣжная любовь твоя къ пьяному чудовищу, ни даже единая твоя золотая надежда—твой первенецъ, твое прекрасное дитя. Вы оба валялись на грязной астраханской улицѣ, пока васъ не прибрала и не похоронила великодушная полиція.

Не смотря на всѣ проказы, пріятель мой близился уже къ чину капитана, а братъ его только что кончилъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра. По экзамену удостоился Саватій скромнаго званія лекаря съ чиномъ 12 класса, а послѣ акта объявлено ему, что онъ, по волѣ правительства, какъ казеннокоштный воспитанникъ, назначается въ оренбургскій первоклассный госпиталь. Получивъ въ канцеляріи треть жалованья впередъ, прогоны и подорожнюю, Савана другой день безъ особенной грусти оставилъ древній Кіевъ, быть можетъ, навсегда. Товарищи хотѣли было проводить его по крайней мѣрѣ до Рязанова [1]), но вѣроятно проспали, потому, что Саватій переправился черезъ Днѣпръ до восхода солнца, а въ Бровары пріѣхалъ къ тому самому часу, какъ туркеня-смотрительша раздувала въ сѣняхъ на очагѣ огонь для кофейника. Выпивши за умѣренную цѣну стаканъ кофе и взявши, тоже за умѣренную цѣну, бутылочку броварскаго ликеру (изобрѣтеніе той же туркени-смотрительши), онъ въ вечеру уже весело разсказывалъ о своемъ экзаменѣ благосклоннымъ слушателямъ на ганку уединеннаго хутора. Саватій рѣшился провести недѣли двѣ на хуторѣ, быть можетъ, послѣднія, проведенныя имъ въ кругу самыхъ милыхъ, самыхъ доро-

[1]) Трактиръ Рязанова за Днѣпромъ въ Никольской Слободкѣ.

гихъ его сердцу людей. Не смотря на однообразіе сельской, а тѣмъ болѣе хуторянской жизни, дни мелькали какъ секунды. Такъ они вообще быстры въ радости и такъ-же медленны въ печали. Если бы на хуторѣ всѣ, не исключая и Марины, желали скораго конца двумъ роковымъ недѣлямъ, то онѣ продлились бы по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, но такъ какъ общее желаніе было отдалить роковой день разставанія, то онъ къ досадѣ каждаго и близился такъ быстро.

Наканунѣ отъѣзда послѣ обѣда Никифоръ Ѳедоровичъ взялъ подъ руку Саватія и по обыкновенію повелъ его въ пасѣку. Не доходя шаговъ нѣсколько, онъ остановился и показалъ на двѣ роскошныя липы передъ самымъ входомъ въ пасѣку и сказалъ:

— Эти два дерева привезъ я изъ архіерейскаго гаю, что въ Андрушахъ, въ тотъ самый годъ, какъ вы были найдены на моемъ хуторѣ, и посадилъ на память той великой радости. Смотри, какія они теперь широкія и высокія и какой роскошный цвѣтъ даютъ. Васъ же съ братомъ не судилъ мнѣ Господь на старости лѣтъ видѣть такими одинако прекрасными, какъ эти липы. Братъ твой оскорбилъ благородную природу человѣка. Онъ поругалъ все святое на землѣ въ лицѣ вашей нѣжнѣйшей, хотя и не родной, матери, а моей доброй жены. Меня онъ могъ забыть: я человѣкъ суровый и не люблю излишнихъ нѣжностей съ дѣтьми, но она, моя бѣдная великомученица, она глазъ съ него не спускала, и теперь что же!.. пятый годъ хоть бы какую-нибудь вѣсточку о себѣ подалъ, какъ въ воду канулъ, а она бѣдная день и ночь за него молится и плачетъ. Правда, я самъ виноватъ... Но это было ея желаніе, чтобы видѣть его офицеромъ, а не благороднымъ человѣкомъ; жни, что посѣяла.

И они тихо вошли въ пасѣку и сѣли подъ липою. Никифоръ Ѳедоровичъ продолжалъ:

— Да, тяжело, Ватя, очень тяжело кончать дни свои и не видѣть своихъ надеждъ осуществившимися. Ты, Ватя, ѣдешь теперь въ такую далекую страну, которой у насъ и по слухамъ не знаютъ. Пиши намъ со старухою. Не лѣнись: описывай все, что увидишь и что съ тобою ни случится. Пиши! все это для насъ, почти отчужденныхъ стариковъ, будетъ и ново, и поучительно; а если встрѣтятся тебѣ нужды какія въ чужой далекой сторонѣ, пиши ко мнѣ, какъ въ ломбардъ, изъ котораго выслали бы тебѣ твои собственныя деньги. У меня для тебя всегда найдется четверикъ-другой карбованцевъ, а пока вотъ тебѣ 300 ихъ, такихъ са-

мыхъ, какъ и Зосѣ послала моя старуха. Дорога далека, а дорога любитъ гроши.

И онъ подалъ пачку ассигнацій. Саватій отказался отъ денегъ, говоря, что для дороги у него есть прогоны и треть жалованья, что если на мѣстѣ ему нужны будутъ деньги, то онъ напишетъ, а что въ дорогѣ лишнія деньги—лишняя тяжесть.

— Ну, какъ знаешь. Тебя учить нечего. Кто не нуждается въ деньгахъ, тотъ богаче богатаго. Теперь я тебѣ, Ватя, все сказалъ, что у меня было на сердцѣ. И еще разъ прошу, не забывай насъ стариковъ, особенно ее: она бѣдная совершенно убита молчаніемъ Зоси.

Послѣ этого старикъ отправился отдохнуть по обыкновенію подъ навѣсъ, а Саватій взялъ «Энеиду» и прочиталъ нѣсколько страницъ вполголоса, какъ бы убаюкивая старика. Увидя, что монотонное чтеніе произвело желаемое дѣйствіе, онъ закрылъ книгу, всталъ, тихо вышелъ изъ пасѣки и до самого вечера бродилъ вокругъ хутора, туманно размышляя о своей одинокой будущности.

Вечеромъ, когда собрались всѣ на ганкѣ, пришелъ и Саватій и послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ почти на обумъ, какъ бы вспомнилъ что-то важное и, обратясь къ Никифору Ѳедоровичу, сказалъ:

— Мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть на вашу скрипку, да все забываю, а вы какъ-то говорили, что это скрипка дорогая.

— Да таки и очень дорогая, и тѣмъ болѣе дорогая, что на ней игралъ благодѣтель мой, покойный отецъ Григорій и мнѣ завѣщалъ ее по смерти.

— Позвольте мнѣ хоть взглянуть на нее.

— Взгляни, пожалуй, да только что ты въ ней увидишь?

— А можетъ быть и увижу.

Съ этимъ словомъ Саватій пошелъ въ комнату Никифора Ѳедоровича, вынулъ изъ ящика скрипку, попробовалъ струны и выйдя въ большую свѣтлицу, заигралъ сначала мелодію, а потомъ варіаціи Липинскаго на извѣстную червоно-русскую пѣсню.

Чи я така уродилась,
Чи безъ доли охрестилась.

Эффектъ былъ совершенный. Минуты двѣ сидѣли слушатели молча, какъ бы очарованные. Первый вскочилъ Никифоръ Ѳедоро-

вичъ, вбѣжалъ въ свѣтлицу, со слезами обнялъ виртуоза и проговорилъ:

— Сыну мой, радость моя, надежда моя золотая! Когда ты, гдѣ ты выучился на скрипкѣ играть эту божественную пѣсню?

Саватій въ отвѣтъ разсказалъ ему слѣдующее:

— Случайно я встрѣтилъ въ Кіевѣ, по правдѣ сказать, на Крестахъ, нищаго старика-скрипача и такъ играющаго, что у меня волосы дыбомъ становились. Я познакомился съ нимъ, просилъ его заходить ко мнѣ, и онъ выучилъ меня не только играть на скрипкѣ, но и чувствовать и понимать музыку.

— Напиши въ Кіевъ, чтобы пріѣхалъ ко мнѣ этотъ Божій человѣкъ. Я все ему отдамъ и даже мою пасѣку.

— Его ужъ нѣтъ между живыми. Я самъ его на своихъ плечахъ вынесъ на Скавику.

— Благодарю тебя, чадо мое единое, воскликнулъ Никифоръ Ѳедоровичь, что покрылъ ты землею прахъ великаго человѣка! Вотъ что,—продолжалъ онъ съ разстановкою: я долго думалъ, кому я оставлю, кому я завѣщаю мое дорогое наслѣдіе, мою скрипку, гусли и книги. Думалъ было, грѣшный, въ гробъ положить съ собою, потому что не видѣлъ вокругъ себя человѣка, достойнаго владѣть такимъ добромъ, а теперь я вижу такого человѣка, и человѣкъ этотъ—ты, моя золотая надежда! Возьми же скрипку себѣ теперь, а книги и гусли наслѣдуй мнѣ вмѣстѣ со всѣмъ добромъ моимъ, а пока пускай они услаждаютъ нашу одинокую старость.

И онъ подошелъ къ гуслямъ, раскрылъ ихъ, попробовалъ струны и расправилъ обѣими руками свою густую, широкую, серебристую бороду (онъ уже 3 года носитъ ее) и, какъ нѣкій Оссіанъ, ударилъ по струнамъ

И вѣщіе зарокотали.

Послѣ прелюдіи запѣлъ онъ своимъ старческимъ, дребезжащимъ, но вдохновеннымъ голосомъ. Къ нему присоединилъ свой свѣжій теноръ Саватій, и они запѣли.

У степу могила
Зъ витромъ говорила:
Повій, витре буйнесенькій,
Щобъ я не чорнила

Карлъ Осиповичъ, уже на что тугой на слезы, и тотъ не выдержалъ и вышелъ изъ свѣтлицы, вынимая изъ кармана платокъ, а когда запѣли они:

Летитъ орелъ черезъ море:
Ой, дай, море, пити!
Тяжко, важко сиротыни
На чужбини жити,

то Карлъ Осиповичъ уже и въ свѣтлицу не могъ войти, такъ и остался на ганку до того часу, пока не сѣлъ въ свою бѣду и не уѣхалъ въ городъ.

На другой день къ обѣду было приглашено покровское и благовѣщенское духовенство. Сначала самъ протоіерей прочиталъ акафистъ Пресвятой Богородицѣ, при чемъ Степанъ Мартыновичъ съ своими школярами хоромъ пѣлъ «О всепѣтая мати»; потомъ соборнѣ служилъ молебенъ, а Степанъ Мартыновичъ, облачась въ стихарь, читалъ апостола. По окончаніи молебна пропѣто было хоромъ трижды многолѣтіе.

Духовенство трапезовало въ свѣтлицѣ, а школярамъ поданъ былъ обѣдъ на доскахъ на дворѣ, а послѣ обѣда сама Парасковья Тарасовна выдала имъ по кнышу, по стѣльнику меду и по пятаку деньгами; а къ вечеру Саватій Никифоровичъ перемѣнялъ уже лошадей на первой станціи и, къ немалому своему удивленію, при перекладкѣ вещей увидѣлъ кадушку съ медомъ и мѣхъ яблокъ.

Въ Полтавѣ зашелъ онъ поклониться домику покойнаго Ивана Петровича. Его встрѣтилъ молодой, довольно неуклюжій человѣкъ и слѣпая Ганка. Отслуживъ панихиду въ домикѣ за упокой души своего благодѣтеля, грустный, выѣхалъ онъ изъ Полтавы, благословляя память добраго человѣка.

Объѣхавши соборъ и спустившись съ горы какъ разъ противъ темной, треглавой деревяной церкви, Мартыномъ Пушкаремъ построенной, Саватій остановилъ почтаря и долго смотрѣлъ на этотъ памятникъ XVII вѣка и на противуположную сторону улицы, на бѣленькую съ зеленымъ садикомъ хату. Прохожіе думали, что онъ просилъ напиться и что ему долго не выносятъ воды. Хатка ему показалась пусткою, и онъ хотѣлъ уже сказать почтарю «поѣхалъ», какъ вдругъ въ разбитомъ окнѣ хатки показалась молодыця съ ребен-

комъ на рукахъ. Онъ вздрогнулъ, глядя на молодыцю, и едва проговорилъ: можно войти?—Можно, отвѣтила молодыця, и онъ соскочилъ съ телѣги, перешагнулъ перелазъ и очутился въ хаткѣ.

— Здравствуй, Настя! Узнала ли ты меня?

— Ни,—а сама вспыхнула и вздрогнула.

Долго и грустно смотрѣлъ онъ на прекрасную и граціозно опущенную на грудь голову Насти. Она тоже молчала, и если бы не шевелившіяся на груди складки бѣлой сорочки, то ее можно было бы принять за окаменѣлую. Мгновенно румянецъ смѣнился блѣдностью и бѣлокурый ребенокъ казался играющимъ на плечахъ мраморной Пенелопы. Саватій взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Такъ ты мене и не узнала, Насте?

— Узнала... я на дворѣ еще узнала, да только уже стыдно было сказать, отвѣчала Настя, и изъ карихъ прекрасныхъ очей ея выкатывались медленно крупныя слезы, а ребенокъ протягивалъ ручку къ Саватію и лепеталъ: «тату, тату!»

— Я ѣду далеко, Насте, и заѣхалъ къ тебѣ проститься.

— Спасыби вамъ! проговорила она шопотомъ.

— Прощай же, моя Настусю! сказалъ Саватій и, поцѣловавъ ее въ щеку, быстро вышелъ на улицу, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ.

Настя долго стояла на одномъ мѣстѣ и только шептала: «прощайте, прощайте!», а взглянувши на ребенка, горько, горько заплакала.

Переѣхавъ мостъ на Ворсклѣ, Саватій обернулся лицемъ къ Полтавѣ и, казалось, искалъ глазами бѣленькой хатки, давно уже спрятавшейся въ зелени. «Уже и не видно ея», проговорилъ онъ тихо и сталъ смотрѣть на домикъ, лѣпившійся на горѣ около собора и на каменную башенку, Богъ знаетъ для чего, поставленную противъ завѣтнаго домика на другой сторонѣ оврага. Многое напомнила эта полуразрушенная башенка моему грустному герою. Глядя на нее, онъ вспомнилъ то время, когда онъ по воскресеньямъ приходилъ изъ гимназіи и часто прятался въ ней, играя въ жмурки съ рѣзвой бѣлокурой внучкой Гапки, Настусею, теперь матерью такого прекраснаго бѣлокураго ребенка, какъ сама была когда-то.

Хороша была тринадцатилѣтняя Настуся, очень хороша, особенно по воскресеньямъ, когда приходила она къ своей бабушкѣ

на цѣлый день погостить. Повяжетъ, бывало, на голову красную ленту, натыкаетъ за ленту красныхъ цвѣтовъ, а коли черешни поспѣли, то и черешень и, чуть свѣтъ, бѣжитъ къ бабушкѣ, сядетъ себѣ, какъ взрослая, подъ хатою и задумается. О чемъ же могло задумываться тринадцатилѣтнее дитя? А оно задумывалось о томъ, что скоро-ли паничи встанутъ и пойдутъ и она пойдетъ съ ними.

— А когда выйдутъ изъ церкви и пообѣдаютъ, мы и начнемъ играть въ жмурки; я спрячусь въ той коморкѣ, что на горѣ, а Ватя прибѣжитъ да и найдетъ меня, думала Настя и при этомъ краснѣла краснѣе своей ленты, цвѣтовъ и черешень и, забывшись, вскрикивала: «ахъ»!

— Чого ты тамъ ахаешъ? спрашивала Гапка, высунувши голову въ окно.

— Жаба, бабо!

— Вона не кусае, тилько якъ на ногу скочить, то бородавка буде. Иди въ хату: ты змерзла.

— Ни, бабо, я не змерзла,—говорила Настуся, и оставалась подъ хатою и снова задумывалась.

Ватѣ минуло уже шестнадцать, а Настусѣ пятнадцать лѣтъ, когда, бывало, спрячутся они отъ Зоси куда-нибудь въ буръянъ или убѣгутъ ажъ за Ворсклу и насобираютъ разныхъ, разныхъ цвѣтовъ и сядутъ подъ дубомъ. Ватя сплететъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, положитъ на головку Настуси и смотритъ на нее цѣлый день до самаго вечера. Потомъ возьмутся себѣ за руки и придутъ домой и никто ихъ не спроситъ, гдѣ были, что дѣлали, развѣ Зося иногда скажетъ: «ишь, убѣжали отъ меня, не взяли съ собой»!

Прошелъ еще годъ и дѣтская любовь приняла уже характеръ не дѣтскій. Уже Настуся была стройная, прекрасная шестнадцатилѣтняя дѣвушка, а Ватя семнадцатилѣтній красавецъ-юноша. Онъ долго уже по ночамъ не могъ заснуть, Настуся тоже. Она подъ горою у себя въ садикѣ до полуночи пѣла:

Зійшла зоря изъ вечора
Не назорилася...

А онъ, стоя на горѣ, до полуночи слушалъ, какъ пѣла Настуся.

Вскорѣ началося трепетное пожиманіе рукъ, поцѣлуи на лету и продолжительное вечернее стояніе подъ вербою. Правда, что эти

свиданія оканчивались только продолжительнымъ поцѣлуемъ. Ватя въ этомъ отношеніи былъ настоящій рыцарь... но сатана силенъ.... и Богъ знаетъ, чѣмъ бы могло кончиться ночное стояніе подъ вербою, если бы Ватя не сдалъ отлично своего экзамена и скоропостижно не уѣхалъ въ Кіевъ.

То была его первая и, можно сказать, послѣдняя любовь.

Въ Кіевѣ бывало, гуляя передъ вечеромъ въ саду по большой аллеѣ, встрѣтитъ онъ красавицу,—такъ холодомъ его и обдастъ, и онъ, ошеломленный, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ на мелькавшую въ толпѣ красавицу, а придя въ себя, шепталъ: «не пара» и отводилъ глаза на освѣщенную заходящимъ солнцемъ панораму стараго Кіева; потомъ спускался внизъ по террасѣ и выходилъ на Крещатикъ, приходилъ домой, зажигалъ свѣчу и садился за какую-нибудь энциклопедію, или окуналъ въ чернила вмѣстѣ съ перомъ и свѣтлый пламенникъ своей одинокой юности.

У Зоси точно также рано проснулись эти страстишки къ Олимпіадѣ Карловнѣ, уже взрослой дѣвушкѣ, дочери инспектора, и точно также были прерваны внезапнымъ отъѣздомъ его въ дворянскій полкъ. Но когда этотъ стройный прекрасный юноша надѣлъ гвардейскій мундиръ, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ таинственную силу магнита для прекрасныхъ очей, и уже не останавливался въ священномъ трепетѣ при видѣ женской красоты, а прекрасные его глаза покрывались мутною влагою или горѣли огнемъ бѣшенаго тигрёнка, и онъ, была-ли то дѣвушка или замужняя женщина, не задавалъ себѣ вопроса: съ какою цѣлью? а просто начиналъ ухаживать и почти всегда съ успѣхомъ. Зося былъ настоящій Донъ-Жуанъ съ зародышемъ еще кое-какихъ мерзящихъ человѣка страстишекъ.

По прибытіи въ Астрахань Зося скоро между морскими и гарнизонными офицерами прослылъ фатомъ на всѣ руки, т. е. плутомъ на всѣ же руки, но въ военномъ словарѣ это тривіальное слово замѣнено словомъ *фатъ*.

Прибывши въ Астрахань, онъ спряталъ свою Якилину вмѣстѣ съ сыномъ въ грязномъ переулкѣ на Свистунѣ, а себѣ нанялъ квартиру въ городѣ и увѣрялъ ее, что этого служба требуетъ, а она, простосердечная, и повѣрила. Одинъ только баталіонный командиръ и его адъютантъ знали изъ формуляра, что онъ женатый,

да еще, и то только догадывался, квартальный, потому что во ввѣренномъ ему кварталѣ жила штабсъ-капитанша Сокирина; прочая же астраханская публика и не догадывалась, а маменьки такъ даже смотрѣли на Зосю, какъ на приличную партію своимъ уже позеленѣвшимъ Катенькамъ и Сашенькамъ. Но онъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы и неистово гнулъ на *пэ*, еще неистовѣе пилъ голякомъ ромъ, а на чихирь и смотрѣть не хотѣлъ, называя его армянскимъ квасомъ. Ко всему этому онъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ являлъ свою, можно сказать, геніальную способность дѣлать долги и не платить ихъ, за что его нерѣдко величали—не Ноздревымъ,—астраханской просвѣщенной публики еще не касались «Мертвыя души»,—а просто шарамыжникомъ, за что онъ нисколько не былъ въ претензіи. Счастливый темпераментъ! или лучше сказать, до чего можетъ усовершенствовать себя человѣкъ въ кругу порядочныхъ людей.

По воскресеньямъ и по праздникамъ началъ онъ прилежно посѣщать армянскую церковь и загородныя армянскія гульбища, гдѣ не замедлилъ пріобрѣсть себѣ не одно *матаха*, особенно между молодыми сынами богатыхъ и старыхъ отцевъ, и гдѣ послѣ безчисленныхъ возліяній являлись картишки и начиналась потѣха, кончавшаяся почти всегда дракой, такъ что нерѣдко Зося возвращался въ городъ съ поврежденнымъ портретомъ, и только послѣ этой неудавшейся спекуляціи навѣщалъ свою бѣдную Якилину, увѣряя ее, что онъ хотѣлъ купить для нея туркменскаго аргамака, приведеннаго изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, сѣлъ попробовать и вотъ что вышло. Та, разумѣется, вѣрила, а онъ себѣ рапортовался больнымъ и въ ожиданіи, пока портретъ приметъ настоящій видъ, подрѣзывалъ на досугѣ карты, чему Якилина также дивилась не мало. Съ починеннымъ портретомъ, а также съ подрѣзанными картами онъ исчезалъ и въ скоромъ времени являлся опять портретъ чинить, а иной разъ увѣрялъ Якилину, что онъ хотѣлъ купить для нея у купца NN вятскую тройку и вотъ что надѣлала проклятая тройка. Исторія съ портретомъ повторялась такъ часто, что и простодушная Якилина начала подозрѣвать, что тутъ кроется что-то не хорошее.

Зимою 1847 года не являлся онъ мѣсяца три къ Якилинѣ съ поврежденнымъ портретомъ. Она прождала еще мѣсяцъ—нѣтъ,

еще мѣсяцъ—нѣтъ и нѣтъ, она уже думала, что, можетъ быть, его кони убили, Боже сохрани; какъ въ одно прекрасное утро явился къ ней вѣстовой съ главной гауптвахты и сказалъ ей: его благородіе приказали вамъ, чтобы ваше благородіе пожаловали имъ двугривенный или вещами что-нибудь.

— Какое благородіе? воскликнула она въ испугѣ.

— Его благородіе, штабсъ-капитанъ Зосимъ Никифоровичъ.

— Де-жъ винъ?

Вѣстовой сначала улыбнулся; но какъ самъ былъ малороссіянинъ, то Якилина безъ большаго труда поняла, въ чемъ дѣло, наскоро причепурилась, взяла за руку Гриця и сказала вѣстовому: «ходимо!»

Бѣдная! ты положила конецъ и слѣдствію и суду, сама того не подозрѣвая. Твой Зося содержался на гауптвахтѣ и судился за различныя преступленія, слѣдствіемъ почти недоказанныя, а ты своимъ явленіемъ все кончила: ты при всемъ караулѣ назвала его своимъ мужемъ, тогда какъ всему городу извѣстно, что онъ зять армянина N N и всему городу также извѣстно, что прекрасная армяночка позволила себя похитить и обвѣнчаться на ней тайно въ Черномъ Яру, что онъ, какъ истинный герой романа, и совершилъ безпрекословно, воспламенясь не столько прекрасными глазками своей возлюбленной, сколько червончиками ея почтеннаго родителя. Честолюбивый армянинъ охотно простилъ, но на счетъ прилагательнаго лаконически сказалъ: *чека*. «Не хорошо! подумалъ мой рыцарь: «маленько далъ маху, надо будетъ зайти съ другаго боку» и придя домой, принялся сначала ругать, а потомъ уговаривать и просить свою армяночку, чтобъ она обокрала отца, увѣряя ее, что для ея же счастья это необходимо сдѣлать, что онъ старый скряга умретъ съ голоду, а деньги кухарка украдетъ. Но не смотря на всѣ доводы о необходимости обокрасть отца, армяночка рѣшительно сказала: *чека*.—«А! чека, такъ чека! я приму свои мѣры», сказалъ тогда Зося и выгналъ свою армяночку изъ квартиры, снявши съ нея салопъ и дорогія бусы за проторы и убытки, какъ самъ онъ выразился.

Послѣ этой катастрофы мой герой началъ умножать свои мерзости паче всякаго писанія и дошелъ наконецъ до того, что его на сохраненіе на гауптвахту посадили. Пока доказано было законнымъ порядкомъ, что онъ фатъ на всѣ руки и въ добавокъ двоеженецъ,

и пока онъ находился на сохраненіи, бѣдная Якилина ходила въ поденщицы «облу» чистить и въ вечеру приносила своему заключенному мужу заработанный гривенничекъ.

Пока опредѣляется достойное возмездіе моему рыцарю, я перенесу мой нехитростный разсказъ въ неисходимыя Киргизскія степи; но для этого заглянемъ прежде въ нашъ благодатный хуторъ.

— Отъ чего же это такъ премудро, Господи Боже мой милосердный, ты устроилъ все на свѣтѣ? Не передумаю, не перегадаю! Въ одинъ день и даже, можетъ быть, и часъ они узрѣли свѣтъ Божій животворящій, а теперь Зося уже капитанскаго ранга, а Ватю только вчера изъ школы выпустили. И не передумаю, не перегадаю, какъ это воно все на свѣтѣ Божьемъ творится?

Такой вопросъ задала себѣ Парасковія Тарасовна въ тотъ самый день, какъ проводилаВатю изъ П., и много дней она его себѣ задавала; но не находя въ себѣ самой отвѣта на свой хитрый вопросъ, подумала было сначала обратиться къ Никифору Ѳедоровичу, но подумавши раздумала. «Къ Карлу Осиповичу развѣ?» и тоже раздумала. Онъ нѣмецъ, думала она, такъ что нибудь непутное и скажетъ по своей нѣмецкой натурѣ. Степанъ Мартыновичъ развѣ? Да нѣтъ, онъ не вразумитъ меня; а, можетъ, и вразумитъ: вѣдь я простая дура, а онъ по крайней мѣрѣ книги читаетъ, то можетъ быть, что и вычиталъ. Не знаю, прійдетъ ли онъ въ вечеру къ намъ, или нѣтъ. Развѣ самой сходить къ нему такъ, будто пасѣку посмотрѣть?

И повязавши хорошую хустку на голову, а въ другую завязавши десятокъ бубликовъ, Парасковья Тарасовна отправилась за Альту.

Проходя мимо школы, она остановилась и послушала, какъ школяры учатся, и уходя шопотомъ сказала:

— Бѣдныя дѣти! имъ бы надо хоть обѣдъ когда нибудь сдѣлать.

Степанъ Мартыновичъ, увидя въ окно свою дорогую посѣтительницу, выбѣжалъ изъ школы съ непокрытою головою, только въ бѣломъ полотняномъ халатѣ, и въ два прыжка нагналъ ее у входа въ садъ и пасѣку, сказавши: «привѣтствую васъ въ нашей Палестинѣ»...

— Ахъ! какъ вы меня перепугали!

— Смиренно прошу прощенія моихъ прегрѣшеній, говорилъ Степанъ Мартыновичъ, отворяя калитку въ садъ.

— А я сегодня сижу себѣ дома одна, какъ палецъ: Никифоръ Ѳедоровичъ въ пасѣкѣ, а Марина огородину поле. Такъ я сижу себѣ да думаю: пойду-ка я посмотрю, что тамъ за садъ и что за пасѣка у Степана Мартыновича, да и его таки провѣдаю, онъ что-то насъ цурается.

— И подумать меня Боже сохрани такое грѣшное! Да вѣдь я вчера и позавчера и всякій вечеръ у васъ сижу, ну и сегодня зайду, дастъ Богъ, управлюся.

— А я какъ не вижу васъ цѣлый день, то мнѣ кажется, что цѣлый годъ.

Съ этими словами Парасковья Тарасовна и Степанъ Мартыновичъ вошли въ курень или подъ навѣсъ изъ древесныхъ вѣтвей и соломы. Въ куренѣ на землѣ сверхъ соломы раскинуто бѣлое рядно и подушка,—это было смиренное ложе Степана Мартыновича. Около ложа стоялъ глиняный глечикъ съ водою и такой-же кухоль, а изъ-подъ подушки выглядывалъ уголъ неизмѣнной «Энеиды». Парасковья Тарасовна съ минуту посмотрѣла на все это съ участіемъ и сказала:

— Прекрасно, все прекрасно; только вотъ что, сказала она, садясь на лежащій пустой улей: зачѣмъ вы книгу бросаете въ пасѣкѣ? Ну, Боже сохрани, худого человѣка: придетъ да и украдетъ, а книга-то, сами знаете, дорогая.

— Дорогая, дорогая книга, Парасковья Тарасовна! Она мое единственное назиданіе,—пошли, Господи, царствіе твое незлобивой душѣ нашего благодѣтеля Ивана Петровича!

— Мы думаемъ съ Никифоромъ Ѳедоровичемъ, дастъ Богъ дождать, послѣ Сёмена служить панихиду по Иванѣ Петровичѣ и обѣдъ тоже для нищей братіи, такъ нельзя ли вамъ будетъ съ вашими школярами «Со святыми упокой» пѣть при панихидѣ?

— Можно и паче можно.

— Какъ это у васъ все скоро выросло! Посмотрите, какая липа, просто прекраспая!

— Да, это липа будетъ высокая, но все тики не будетъ такая, какъ я видѣлъ за Днѣпромъ около самыхъ воротъ Мошнинскаго монастыря. На той липѣ братъ вратарь и ложе себѣ соорудилъ на случай отъ мухъ прятаться.

— Да я думаю, тамъ за Днѣпромъ все такія липы?

— Нѣтъ, есть и меньшей мѣры.

— А не читали ли вы въ какой нибудь книгѣ о такой притчѣ, какая теперь случилась съ нашими Зосей и Ватей?—спросила вдругъ Парасковія Тарасовна Степана Мартыновича и разсказавъ ему свои недоразумѣнія на счетъ карьеры Бати и Зоси, прибавила:

— Я думаю, что Зося генераломъ будетъ, а бѣдный Ватя и капитанскаго ранга не опануе. Отчего это, не знаете вы? Не читали?

— Не знаю, не читалъ, съ минуту подумавши, сказалъ Степанъ Мартыновичъ и, еще минуту спустя, прибавилъ:

— Думаю, объ этомъ пространно есть писано у Ефрема Сирина или же у Іустина Философа, но у Тита Ливія нѣтъ.

— Оставайтесь здоровы!—сказала Парасковья Тарасовна, быстро поднявшись съ улья. Вотъ я вамъ гостинчика принесла, да заговорилась съ вами и забыла.—Говоря это, она торопливо вывязывала бублички изъ хустки.

— Минуточку подождали-бъ, я досталъ бы вамъ своего медку «стильничокъ».

— Благодарствую, другимъ разомъ,—уже за калиткою проговорила Парасковья Тарасовна, а Степанъ Мартыновичъ намѣревался еще только приподымать правую ногу, чтобъ проводить ее хоть до Альты.

Въ продолженіи свиданія въ пасѣкѣ, школа какъ бы опустѣла и стояла себѣ, какъ самая обыкновенная хата. Въ это непродолжительное время школяры переговаривали между собою шопотомъ о собственныхъ интересахъ, но когда часовой школяръ проговорилъ: «двери ада разверзаются»,—значитъ въ пасѣкѣ калитка растворяется, то при этомъ возгласѣ всѣ разомъ загудѣли, какъ будто испуганный рой пчелъ. Парасковья Тарасовна, проходя мимо школы, уже не останавливалась, а на ходу проговорила:

— Бѣдныя дѣти! какъ они прекрасно читаютъ, а онъ, я думаю, ихъ бѣдныхъ еще бьетъ, настоящій вовкулака.

— Если не удалось проводить до Альты, то хоть човенъ придержу, пока она сядетъ въ него, и перепихну на другой берегъ,—говорилъ про себя Степанъ Мартыновичъ, выходя изъ пасѣки. Но увы! его кавалерскому намѣренію не суждено было исполниться: Парасковья Тарасовна не расчитывала на такую неслыханную вѣж-

ливость, прыгнула въ челнъ, какъ приднѣпровскій рыбакъ, махнула весломъ, и челнъ уперся уже о другой берегъ рѣчки. Степанъ Мартыновичъ только успѣлъ ахнуть, и больше ничего.

Подходя къ дому, Парасковья Тарасовна замѣтила «бѣду» Карла Осиповича и лошадь почти въ мылѣ, а когда у такого хорошаго хозяина, какъ Карлъ Осиповичъ, да лошадь въ поту, то это значитъ, что-нибудь да не такъ. Только что успѣла она подумать это, какъ увидѣла скоро идущаго изъ пасѣки Никифора Ѳедоровича,— только борода бѣлая вѣтромъ развѣвается, а Карлъ Осиповичъ за нимъ въ своемъ синемъ фракѣ, съ металическими, безъ всякаго изображенія, пуговицами. Завидя свою Парасковію, Никифоръ Ѳедоровичъ воскликнулъ обрадованно:

— Параско! и когда при этомъ поднялъ правую руку, она ясно увидѣла письмо въ рукѣ и тоже воскликнула:

— Отъ котораго?

— Отъ Вати, изъ самаго Оренбурга.

Парасковья Тарасовна на минуту какъ бы онѣмѣла, а Карлъ Осиповичъ, поздоровавшись и ни къ кому собственно съ вопросомъ не обращаясь, спросилъ:

— Что, мѣсяца два будетъ, какъ выѣхалъ?

— На Пречисту буде симъ недиль,—отвѣтила Парасковья Тарасовна.

— Скоренько, право, скоренько,—говорилъ онъ скороговоркою. Я не думалъ такъ скоро. Хорошо, очень хорошо!

И всѣ они взошли на крыльце.

Никифоръ Ѳедоровичъ пошелъ къ себѣ въ комнату за окулярами и тутъ же послалъ Марину за Степаномъ Мартыновичемъ, чтобъ шелъ скорѣе письмо читать,—«отъ Вати», скажи, «получили». Не успѣлъ онъ протереть въ очкахъ стеколъ и выйти на ганокъ, какъ Степанъ Мартыновичъ уже переправлялся черезъ Альту. Удивительная быстрота!

Когда всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ, Никифоръ Ѳедоровичъ вооружилъ свои старыя очи окулярами, вскрылъ письмо, развернулъ его и, немного прокашлявшись, началъ читать.

«Мои незабвенные, мои дражайшіе родители!

Голосъ Никифора Ѳедоровича задрожалъ, и онъ сталъ жаловаться, что очки его совершенно ослабѣли или просто запылились

такъ, что и письмо читать нельзя. Поэтому онъ поредалъ письмо Карлу Осиповичу, прося читать неторопко. Карлъ Осиповичъ въ свою очередь вооружился очками и вмѣсто того, чтобы кашлянуть, понюхалъ табаку и началъ:

«Мои незабвенные, мои дражайшіе родители!»

Никифоръ Ѳедоровичъ затаилъ дыханіе, а Парасковья Тарасовна превратилась вся въ слухъ и даже слезъ не утирала. Карлъ Осиповичъ продолжалъ:

«Цѣлую заочно ваши добродѣтельныя руки и молю Бога Жизнодавца, да продлитъ онъ вашу драгоцѣнную для меня жизнь. Въ продолженіе дороги и здѣсь на мѣстѣ я постоянно пользуюсь, слава Богу, хорошимъ здоровьемъ, только все еще какъ-то чудно: ни къ кому и ни къ чему еще не присмотрѣлся. Еще и недѣли не прошло со дня прибытія моего сюда. Простите мнѣ великодушно, мои незабвенные родители, я хотѣлъ было писать вамъ на другой день, но за хлопотами никакъ не успѣлъ: нужно было явиться по начальству, то то, то се, такъ недѣля и пролетѣла. Теперь же я, слава Богу, поуспокоился, нанялъ себѣ маленькую о двухъ комнаткахъ квартиру, какъ разъ противъ госпиталя въ Старой Слободкѣ. Вчера я былъ дежурнымъ, а сегодня совершенно свободный день и чтобъ не потратить его всуе, я взялся за перо и думалъ описать вамъ мимолетное мое путешеттвіе; но какъ подумалъ хорошенько, то оказалось, что и писать нечего, что все пространство, промелькнувшее передъ моими глазами, теперь также само въ памяти моей мелькаетъ, ни одной черты не могу схватить хорошенько. Смутно только припоминаю то непріятное впечатлѣніе, которое произвели на меня заволжскія степи.

Переправясь чрезъ Волгу, я въ Самарѣ только пообѣдалъ и сейчасъ же выѣхалъ; тутъ послѣ волжскихъ прекрасныхъ береговъ передо мною раскрылась степь, настоящая калмыцкая степь. Первая станція отъ Самары была для меня тяжела, вторая легче и глаза мои начали осваиваться съ безконечными равнинами.

Въ первые три переѣзда показывались еще кой-гдѣ вдали неправильными рядами темные кустарники въ степи по берегамъ рѣчки Самары. Наконецъ и тѣ исчезли. Пусто, хоть шаромъ покати. Въ трехъ только мѣстахъ я видѣлъ,—надъ большой дорогой строятся новые переселенцы, а около нихъ шляются въ че-

тыреугольныхъ шапкахъ красныхъ, на подобіе кучерскихъ, безобразныя калмычки съ грудными дѣтьми на плечахъ: совершенно цыганки, только что не ворожатъ. Проѣхавши городъ Бузулукъ, начинаютъ на горизонтѣ въ туманѣ показываться плоскія возвышенности Общаго-Сырта; любуясь этимъ величественнымъ горизонтомъ, я незамѣтно въѣхалъ въ Татищеву крѣпость. Тутъ отдалъ я подорожную смотрителю, а самъ остался на улицѣ, и пока перемѣняли лошадей, я припоминалъ «Капитанскую дочку», и мнѣ, какъ живой, представился грозный Пугачевъ въ черной бараньей шапкѣ и въ красной епанчѣ на бѣломъ конѣ, совершенно нашъ старинный палачъ. Солнце только что закатилось, когда я переправился черезъ Сакмару, и первое что я увидѣлъ вдали, это было розоваго цвѣта огромное зданіе съ мечетью и прекраснѣйшимъ минаретомъ. Это зданіе называется здѣсь «Караванъ-сарай», недавно воздвигнутое по рисунку А. Брюлова. Проѣхавши караванъ-сарай, мнѣ открылся городъ, т. е. земляной высокій валъ, одѣтый красноватымъ камнемъ, и неуклюжія сакмарскія ворота, чрезъ которыя я и въѣхалъ въ Оренбургъ.

На мой взглядъ въ физіономіи Оренбурга есть что-то антипатичное; но наружность иногда обманчива бываетъ, и я лучше сдѣлаю, если не буду вамъ писать объ немъ, пока къ нему не присмотрюсь. Я намѣренъ вести здѣсь дневникъ и посылать къ вамъ по листочку каждую недѣлю, вы и будете видѣть меня, какъ бы передъ собою, прочитывая мои листочки.

А пока простите, извините меня, что я не пишу вамъ о себѣ поподробнѣе. Поклонитесь Карлу Осиповичу и скажите Степану Мартыновичу, что я люблю его великую душу всѣмъ сердцемъ моимъ и помышленіемъ моимъ. Цѣлую ваши благодатныя руки, мои незабвенные, мои безцѣнные родители... Не забывайте вѣчно любящаго васъ сына Вати».

Прочитавши письмо, Карлъ Осиповичъ бережно сложилъ и, подавая его Никифору Ѳедоровичу, проговорилъ: «прекрасный молодой человѣкъ»! А тотъ принялъ молча письмо, поцѣловалъ его, положилъ въ лежащую на столѣ лѣтопись Конисскаго и молча сошелъ съ крылечка. Парасковія Тарасовна помолилась Богу и заплакала, а Степанъ Мартыновичъ, глубоко вздохнувши, задумался, а надумавшись до сыта, всталъ со скамьи и мигнулъ глазами Карлу

Осиповичу, давая знать, что онъ что-то важное выдумалъ и, отведши его въ сторону, говорилъ ему шопотомъ:

— Я по себѣ знаю, когдя я странствовалъ въ Полтаву, какъ трудно на чужой сторонѣ безъ грошей, а онъ теперь, я добре знаю, что нуждается; а что онъ не проситъ, то это ничего. Я прошлаго года продалъ немного воску и меду московскимъ купцамъ. Школа меня кормитъ и одѣваетъ, а деньги гніютъ, какъ талантъ въ землю зарытый. Пошлю я ему мое достояніе. Какъ вы скажете? Послать?

— Нѣтъ, подождите, говорилъ, тоже шопотомъ, Карлъ Осиповичъ.

— Если у васъ есть лишнія деньги, то на нихъ можно найти лучшую дырочку.

И съ этимъ они разстались.

Переправившись черезъ Альту, Степанъ Мартыновичъ не пошелъ въ школу, чтобъ школяры не помѣшали ему думать, какую дырочку нашелъ Карлъ Осиповичъ его деньгамъ. Думалъ онъ, лежа и сидя и стоя въ своей пасѣкѣ до самого вечера, и все-таки не могъ придумать, что бы это за дырочка могла быть. А дѣло было вотъ въ чемъ. Карлъ Осиповичъ получилъ изъ Астрахани два письма въ одномъ конвертѣ, одно на свое имя, а другое на имя сотника Сокиры, если онъ живъ еще, или же на имя Парасковіи Тарасовны. Зося въ письмѣ своемъ къ Карлу Осиповичу описывалъ въ общихъ выраженіяхъ свое горестное положеніе и просилъ, если старики здравствуютъ, то чтобъ онъ улучилъ добрый часъ и вручилъ бы имъ письмо и самъ ходатайствовалъ о добромъ къ нему расположеніи, т. е. просилъ бы о присылкѣ денегъ; въ случаѣ же отказа онъ просто въ петлю полѣзетъ.

Карлъ Осиповичъ хорошо зналъ, что письмо Зоси не понравится Никифору Ѳедоровичу, и потому раздумалъ даже показывать ему письмо, а рѣшилъ прочитать его одной Парасковіи Тарасовнѣ и Степану Мартыновичу и общими силами сложиться и послать на выручку бѣдному Зосѣ На эту то дырочку и намекалъ онъ недогадливому Степану Мартыновичу.

Случай не замедлилъ представиться прочитать письмо Зоси наединѣ, именно, когда Никифоръ Ѳедоровичъ по обыкновенію отдыхалъ въ пасѣкѣ послѣ обѣда. Письмо было такого не хитраго содержанія:

«Великодушные мои родители!

Четыре года я находился въ плѣну у немилосердныхъ горцевъ и наконецъ щедротами великодушныхъ людей освобожденъ изъ онаго и теперь нахожусь въ г. Астрахани въ крайнемъ положеніи. По случаю разстроеннаго на службѣ здоровья, я хлопочу теперь себѣ отставку хоть съ третью жалованья. А пока не оставьте вашего покорнаго сына: пришлите мнѣ хоть сто рублей пока, за что буду вамъ вѣчно благодаренъ. Остаюсь вашъ несчастный сынъ Зосимъ Сокиринъ. Карлъ Осиповичъ знаетъ мой адресъ».

Парасковья Тарасовна не дослушала письма, ахнула и грохнулась на землю. Карлъ Осиповичъ засуетился около нея, а педагогъ мой тоже ахнулъ при видѣ сей трагедіи, да такъ и остался съ разинутымъ ртомъ до тѣхъ поръ, пока не очнулась Парасковья Тарасовна. Простакъ! Онъ совершенно не знакомъ былъ съ сими женскими слабостями.

Придя въ себя, Парасковія Тарасовна вскрикнула:

— Зосю мой, дитя мое!—и снова упала безъ чувствъ. Педагогъ началъ было дѣлать проэктъ на улыбку, но не успѣлъ и остался при прежнемъ выраженіи. Парасковья Тарасовна снова пришла въ себя и попросила воды, прошептала что-то и зарыдала бѣдная, какъ малое дитя. Къ этому времени Никифоръ Ѳедоровичъ, отдохнувши въ пасѣкѣ, пришелъ въ свѣтлицу, чтобы попросить напиться у Парасковьи Тарасовны яблочного квасу, который они на прошлой недѣлѣ только начали; но, увидя сидящую на полу и неутѣшно рыдающую свою Парасковью, спросилъ у предстоящаго о причинѣ такого горькаго рыданія. Карлъ Осиповичъ разсказалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе всей трагедіи и подалъ ему роковое письмо, а тотъ, вооружившись очками, медленно и внимательно прочиталъ его и также медленно сложилъ, а подавая Карлу Осиповичу сказалъ: «бреше»!—но такъ тихо, что Парасковья Тарасовна не могла слышать. Карлъ Осиповичъ былъ почти такого же мнѣнія, тѣмъ болѣе, что Зося въ письмѣ своемъ къ нему ничего не говоритъ о плѣнѣ своемъ у горцевъ, но на сей разъ не высказалъ своего мнѣнія, а только почесалъ носъ и понюхалъ табаку. Неужели онъ, донеръ-ветеръ, вздумалъ употребить его, почтеннаго старца, орудіемъ своей гнусной лжи?—такъ или почти такъ думалъ простодушный добрякъ.

Между тѣмъ Парасковья Тарасовна начала понемногу утихать и уже не плакала, а только всхлипывала. Окружающіе, какъ могли, утѣшали ее; а чтобъ совершенно ее успокоить, Никифоръ Ѳедоровичъ вынулъ изъ своей шкатулки стокарбованную ассигнацію и вручилъ ее неутѣшной своей Прасковьѣ, сказавши:

— На, пошли ему!

— Мой голубе сизый,—говорила Парасковья Тарасовна, принимая деньги;—напиши ты ему, хоть одно слово, обрадуй ты его безталаннаго.

— Пиши сама.

— Да какъ же я буду писать, коли я и писать не умѣю?

— Какъ хочешь, а я писать не буду.

— Развѣ вы, Карлъ Осиповичъ, напишете?

— Попросите Степана Мартыновича, пускай они напишутъ: у меня нехорошій почеркъ.

— Вы его учитель, Степанъ Мартыновичъ; напиши, голубчику, хоть одно словечко, я за тебя денно и нощно буду Бога молить и пистри на халатъ возьму, а то вы все въ полотняномъ ходите.

Степанъ Мартыновичъ изъявилъ желаніе писать, а Никифоръ Ѳедоровичъ досталъ изъ той же шкатулки перо, чернильницу и бумагу и, положивъ все это на столъ, вышелъ изъ свѣтлицы вмѣстѣ съ Карломъ Осиповичемъ.

Оставшись вдвоемъ въ свѣтлицѣ, Степанъ Мартыновичъ сѣлъ за столъ, положилъ предъ собою бумагу, взялъ перо въ руку и принялъ такую позу, какую обыкновенно даютъ живописцы сочинителямъ, когда изображаютъ ихъ безсмертные лики, осѣненные сапфирными крыльями генія творчества. Принявши такую позу, онъ просилъ диктовать. Парасковья Тарасовна сѣла тоже за столъ противъ писателя и безсознательно приняла позу самой скорбной матери.

— Пишите такъ, сквозь слезы проговорила она: Зосю мой, дитя мое единое!

Степанъ Мартыновичъ долго, долго думалъ и наконецъ написалъ:

Единственный сынъ мой, милостивый государь
Зосимъ Никифоровичъ!

Онъ очень хорошо зналъ, что неприлично писать такія слова, какія будетъ говорить неграмотная баба. Написавши титулъ, онъ спросилъ, что писать далѣе.

— Далѣе пишите такъ: орле мой. Зосю! Посылаю тебѣ сто карбованцевъ.

Онъ, разумѣется, и эту и всѣ послѣдующія фразы писалъ по своему. Письмо вышло довольно оригинальное и нельзя сказать, краткое, потому что оно кончилось тогда только, когда исписанъ былъ весь листъ кругомъ, а другаго листа боялась просить Парасковія Тарасовна у Никифора Ѳедоровича.

Когда громогласно и не борзяся прочелъ Степанъ Мартыновичъ письмо, то Парасковья Тарасовна подумала: а я то, дура, мелю себѣ, что на языкъ попало, а вотъ оно, какъ надо было говорить, и она посмотрѣла на писателя съ благоговѣніемъ. Къ вечеру было кончено письмо и деньги были вручены Карлу Осиповичу съ просьбою подать на завтра же на почту. Карлъ Осиповичъ, принявши на себя эту коммисію, простился съ хозяевами и, садясь въ свою бѣду, подозвалъ къ себѣ Степана Мартыновича и сказалъ ему на ухо:

— Ваши рубли свободны: дырочка заткнута! а затѣмъ хлыснулъ своего буланого и былъ таковъ. А Степанъ Мартыновичъ побрелъ въ свою школу, недоумѣвая, что это за дырочка проклятая, а хитрый нѣмецъ не хочетъ объясниться просто.

Деньги были получены въ Астрахани, какъ нельзя болѣе кстати, потому что бѣдная Якилина занемогла лихорадкою и лежала въ городской больницѣ, слѣдовательно дневное пропитаніе для моего героя прекратилось. И вдругъ будто манна съ неба упала. Ему выдавали, какъ арестанту, понемногу, но и за этимъ немногимъ стали втихомолку навѣдываться товарищи и прорицали ему, не какъ прежде, хламиду поруганія, но совершенную свободу и полное удовлетвореніе. Этого онъ ужъ и самъ не понималъ. Подъ словомъ совершенная свобода онъ разумѣлъ волчій паспортъ, но полное удовлетвореніе, какъ ни бился, а не могъ разжевать.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, хуторяне мои были обрадованы первымъ недѣльнымъ листкомъ, полученнымъ изъ Орен-

бурга. Ватя назвалъ свой недѣльный дневникъ, въ подражаніе своему благодѣтелю Ивану Петровичу Котляревскому, «Оренбургская Муха». Хуторяне мои его также называли, говоря напримѣръ: къ намъ прилетѣла оренбургская муха, или мы ожидаемъ оренбургскую муху и т. д.

Покойнаго Котляревскаго «Полтавская Муха» была настоящая пчела, а это было только невинное подражаніе въ одномъ названіи. Эта муха ни на какую пошлость или низость людскую не нападала, подобно полтавской. Это было просто описаніе вседневной прозаической жизни честнаго и скромнаго молодаго человѣка; а для хуторянъ моихъ это было выше всякой поэзіи. Прочитывая недѣльный отчетъ своего милаго Вати, они съ любовью слѣдили каждое его движеніе. Они видятъ его, какъ онъ идетъ по большой улицѣ, а ему встрѣчаются эполеты да каски, каски да эполеты козаки да солдаты, солдаты да козаки, даже бабы ходятъ по улицѣ въ солдатскихъ шинеляхъ, чего онъ не видалъ даже на «крамныци» въ Кіевѣ. Или видятъ его, какъ сидитъ онъ на горѣ и смотритъ на Уралъ и на рощу за Ураломъ, а за рощей на мѣновой дворъ, а за дворомъ степь и степь, хоть и не смотри, далѣе ничего не увидишь, а онъ все смотритъ, да о комъ-то думаетъ. И видятъ его, какъ онъ скучный возвращается къ себѣ на квартиру, молится Богу и ложится спать, а завтра рано встаетъ, надѣваетъ мундиръ и идетъ дежурить въ госпиталь. Все, совершенно все видятъ; даже и то, какъ ему дѣлаетъ словесный выговоръ главный докторъ за то, что у него на мундирѣ одна пуговица разстегнулась. При этомъ Парасковія Тарасовна говорила, что у этихъ главныхъ хоть ангеломъ будь, а все-таки безъ выговора не обойдется. Оренбургская Муха исправно являлась каждую недѣлю и чѣмъ далѣе, тѣмъ однообразнѣе. Наконецъ до того дошло, что всѣ дни недѣли были похожи точь-въ-точь на понедѣльникъ; воскресенье только и отличалось отъ понедѣльника тѣмъ, что Ватя, если не былъ дежурнымъ, бывалъ у обѣдни. Старики съ наслажденіемъ читали «Муху», никакъ не подозрѣвая ея убійственно однообразнаго содержанія; а Ватя дошелъ уже до того, что открыто началъ жаловаться на скуку и однообразіе. «Хотѣлъ бы на гауптвахтѣ хоть разъ посидѣть для разнообразія, писалъ онъ, а то и того нѣтъ». На орен-

бургское общество смотрѣлъ онъ какъ-то непріязнено, а дамъ высшаго полета называлъ просто безграмотными кокетками, словомъ, онъ начиналъ хандрить. Отправляясь въ оренбургскій край, онъ думалъ было на досугѣ приготовиться защищать диссертацію на степень доктора медицины и хирургіи; но вскорѣ имъ овладѣла такая тоска, что онъ готовъ былъ забыть и то, что зналъ, а объ обширнѣйшихъ знаніяхъ и думать было нечего.

Болѣе полутора года длился для него этотъ нравственный застой. Одинъ видъ Оренбурга наводилъ на него сонъ. Думалъ было просить перевода, ссылаясь на климатъ: но отъ основанія Оренбурга не было еще человѣка, который бы жаловался на его климатъ. Климатъ отличнѣйшій, хотя лукъ и прочія огородныя овощи и не родятся; но это, я думаю, больше отъ того, что все это добро изъ Уфы получаютъ, для кого оно необходимо, а до Уфы, замѣтьте, не болѣе, ни менѣе, какъ 500 верстъ. Однажды Ватя, скуки ради, посѣтилъ Каргалу. Все-таки, думалъ онъ, село, слѣдовательно не безъ зелени. И представьте его разочарованіе: дома, ворота да мечети, а зелени только и есть, что крапивы кусточки подъ заборомъ, а вонь такая, что онъ не могъ и чаю напиться. Вотъ тебѣ и село! Ну, это не диво; сказано татаринъ, ему былъ бы кумысъ да кусокъ дохлой кобылятины,—онъ и счастливъ. Поѣдемъ въ другую сторону. Поѣхалъ онъ въ Нѣженку, это будетъ по Орской дорогѣ. Чтоже? И тамъ дома, да ворота, только мечетей не видно, за то не видно церквей. Но какъ день былъ іюльскій, жаркій, то онъ поневолѣ долженъ былъ измѣнить проэктъ, плюнуть и возвратиться вспять. Постучалъ онъ въ тесовыя ворота, ему отворила молодка, недурная собой, но удивительно заспанная и грязная, не смотря на день воскресный.

— Можно у васъ остановиться отдохнуть полчаса? спросилъ онъ.

— Можно, для ца не можно! сказала она протяжно.

Онъ взошелъ на дворъ и хотѣлъ было въ избу зайти, но на него изъ дверей пахнуло такой тухлятиной, что онъ только носъ заткнулъ; на дворѣ расположиться совсѣмъ было негдѣ. Велѣлъ онъ своему возницѣ раскинуть котомку подъ телѣгой на улицѣ и принялся помечтать о блаженствѣ сельской жизни, пока лошади вздо-

хнутъ. А между тѣмъ вышла къ нему та самая заспанная, грязная молодка и, щелкая арбузныя сѣмячки, смотрѣла или, лучше сказать, ни на что не смотрѣла. Онъ повелъ къ ней такую рѣчь.

— А какъ бы ты мнѣ, моя красавица, состряпала чего нибудь перекусить.

— Да рази я стряпка какая?

— Ну, хоть уху, напримѣръ. Вѣдь у васъ Уралъ подъ носомъ: чай рыбы пропасть?

— Нѣту-ти: мы эфтимъ не занимаемся.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Бахчи сѣемъ.

— Ну, такъ сорви мнѣ пару огурчиковъ.

— Нѣту-ти, мы только арбузы сѣемъ.

— Ну, а еще что сѣете? Лукъ напримѣръ?

— Нѣту-ти, мы лукъ изъ городу покупаемъ.

Вотъ на! подумалъ онъ, деревня изъ города зеленью довольствуется.

— Что же вы еще дѣлаете?

— Калицы стряпаемъ и квасъ творимъ.

— А ѣдите что?

— Калицы съ квасомъ, покамѣстъ бахца поспѣетъ.

— А потомъ бахчу?

— Бакцу.

— Умѣрены, нечего сказать, и онъ замолчалъ, размышляя о томъ, какъ немного нужно, чтобы сдѣлать человѣка похожимъ на скота. А какая благодатная земля! Какіе роскошные луга и затоны уральскіе! И чтоже? Поселяне изъ города лукъ получаютъ! И онъ не додумалъ этой тирады: извощикъ прервалъ его, сказавши: лошади, баринъ, отдохнули.

— А, хорошо! закладывай—поѣдемъ.

И пока извощикъ затягивалъ супони, онъ уже сидѣлъ на телѣгѣ. Черезъ минуту только пыль взвилась и, разстилаясь по улицѣ, заслонила и ворота и стоящую у воротъ молодку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

(Окончаніе) [1]).

IV.

Знакомство А. Я. Стороженка съ литераторами его времени, по своей продолжительности и обилію сохранившихся писемъ, даетъ гораздо болѣе матеріала для уясненія личности этого дѣятеля, для опредѣленія его литературнаго и вообще нравственнаго характера и значенія и для пониманія одушевлявшихъ его стремленій и симпатій.

Въ ряду пріятелей Андрея Яковлевича изъ круга литераторовъ первое мѣсто, по продолжительности связи, по обширности переписки, принадлежитъ Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину [2]). По разно-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., октябрьск. кн., стр. 299—229.

[2]) Булгаринъ (род. 1789 г., † 1839 г.), полякъ по происхожденію, получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ (нынѣ 1-й) корпусѣ, въ рядахъ русской арміи участвовалъ въ первыхъ войнахъ нашихъ съ Наполеономъ, а также въ войнѣ въ Финляндіи 1808—1809 гг. Будучи отставленъ отъ службы въ 1811 г., „по худой аттестаціи въ кондуитныхъ спискахъ", онъ поступилъ въ сформированный французами уланскій полкъ и сражался противъ русскихъ во время похода Наполеона въ Россію и въ кампаніи 1813 и 1814 гг., былъ взятъ въ плѣнъ и, по низложеніи Наполеона и объявленіи полякамъ амнистіи, явился сперва въ Варшавѣ, потомъ въ Вильнѣ и наконецъ въ Петербургѣ, гдѣ съ 1820 г. помѣщалъ статьи въ „Сынѣ Отечествѣ" и „Соревнователѣ Просвѣщенія", съ 1822 г. началъ самъ издавать журналъ „Сѣверный Архивъ", прибавивъ потомъ къ нему „Литературные Листки", а съ 1825 г. сталъ, совмѣстно съ Гречемъ, издавать „Сѣверную Пчелу", „Сынъ Отечества" и „Сѣверный Архивъ". Написавъ

сторонности таланта и знаній, бойкости пера, ловкости и предпріимчивости, онъ десятки лѣтъ занималъ выдающееся положеніе въ русской журналистикѣ и литературѣ. Знакомство его съ Андреемъ Яковлевичемъ Стороженкомъ относится ко времени воспитанія обоихъ въ корпусахъ. Кадеты 1-го и 2-го корпусовъ коротко знали другъ друга, ихъ часто сводили во время смотровъ, парадовъ и лагерныхъ сборовъ. Дружба Андрея Яковлевича съ Булгаринымъ продолжалась до перехода послѣдняго въ ряды французской арміи, послѣ чего всякія сношенія его съ нимъ, конечно, прекратились. По возвращеніи въ Россію, Булгаринъ пожелалъ возобновить порванныя связи и написалъ съ этою цѣлью къ Андрею Яковлевичу, находившемуся въ Гамбургѣ, по взятіи котораго русскія войска простояли тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Андрей Яковлевичъ примирился съ Булгаринымъ и послалъ ему изъ Гамбурга слѣдующее стихотворное посланіе, помѣченное 2 мая 1814 г.:

Вы просите меня стихами къ вамъ писать,
Вашъ вызовъ дружескій охотно принимаю,
Хотя давнымъ-давно бумаги не мараю
Я виршами, но къ нимъ не потухаетъ страсть.
Не смѣйтесь съ бѣдныхъ рифмъ, богатыя нейдутъ
Мнѣ въ голову теперь, я занятъ не стихами,
Заваленъ скучными служебными дѣлами:
Къ намъ изъ Богеміи снарядовъ не везутъ,
Все стало тамъ въ горахъ и бѣдный вашъ поэтъ
Часъ отъ часу грознѣй бумаги посылаетъ,
Резервные отряды, горы проклинаетъ.
Въ бѣдѣ такой на умъ стихъ гладкій не вспадетъ.
Что нужды, думаю, принявшись за перо,
Что въ сочетаньи рифмъ найдете вы ошибку—
У музы не ищу лукавой я улыбки
И мѣдь не выдаю за чистое серебро.

три романа: „И. И. Выжигинъ“, „Дмитрій Самозванецъ“ и „Мазепа“, Булгаринъ съ 1837 г. предпринялъ большое, не доведенное до конца, изданіе: „Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи“; съ 1843 г. издавалъ еженедѣльникъ „Экономъ“, а съ 1846 г. сталъ помѣщать въ „Библіотекѣ для чтенія“ свои „Воспоминанія“, которыя вышли также отдѣльно и вызвали строгія цензурныя мѣры.

Не мыслю удивлять кудрявымъ слогомъ васъ,
Въ бесѣдѣ дружеской витійствовать некстати,
Какъ аванпостами командовать въ халатѣ,
Или съ приказами тащиться на Парнасъ.
Термейскій ручеекъ за тридевять земель,
Не скоро выпишешь маршрутъ ты къ Геликону,
Не мудрено попасть изъ Гамбурга въ Альтону,
Но дивный ручеекъ не близокъ вѣдь отсель.
Не знаю, утолялъ ли жажду изъ него
Прославившійся бардъ, воспѣвшій намъ героевъ
И павшихъ, и живыхъ, во станѣ русскихъ воевъ,
Безсмертію предавъ всѣхъ ихъ до одного.
Хотя реляціей онъ пѣснь и растянулъ,
Но видно, что онъ пилъ потоковъ инокрены;
Гармонію стиховъ и чувствa возвышенны
Самъ Аполлонъ, какъ кажется, ему вдохнулъ.
Ни Феба я, ни водъ волшебныхъ и во снѣ
Не видывалъ, пишу, любя свою свободу.
За даръ надъ всѣмъ шутить благодарю природу,
Она дала его при колыбели мнѣ.
Иной бы занемогъ отъ тягостныхъ трудовъ
По сдачѣ Гамбурга, я веселюсь съ другими,
Всѣ затрудненія мнѣ кажутся пустыми—
Французъ, сдающій все, немного безтолковъ;
Я думалъ, что у насъ однихъ писанья тьма,
А вижу, что у нихъ графныхъ раппортовъ вдвое.
О многодѣліе ненужное, пустое!
Послушайте теперь о балѣ: оный данъ
Въ честь русскихъ гамбургскимъ сенатомъ въ воскресенье,
Весь городъ праздновалъ свое освобожденье,
На пиръ сей съ прочими и я былъ также званъ.
Въ той залѣ, гдѣ совѣтъ ганзейскихъ городовъ
Не мало сотень лѣтъ на откупъ бралъ свободу,
Столпилось множество различнаго народу
И раздалось ура въ честь сѣвера сыновъ:
Раздвинулась толпа, образовался кругъ,
Въ огромномъ парикѣ сенаторъ появился,
Сказалъ предлинну рѣчь и межъ народомъ скрылся,
Хоръ пѣвчихъ, музыка, вдругъ поразили слухъ;
За симъ, какъ водится, начался полонезъ—

Паръ тысяча гуськомъ вдоль залы потянулась
И Терпсихора часъ спустя лишь улыбнулась,
Какъ послѣ польскаго пустились въ экосезъ.
Но я не могъ забыть сенаторовъ плывущихъ
Въ какихъ-то шлафрокахъ съ узорами по швамъ,
Они подобились индѣйскимъ пѣтухамъ,
Равно какъ не могу забыть старухъ поющихъ.
Представьте, голоса, съ оркестромъ на разладъ,
Кричащіе стихи, хватило лишь бы силъ;
Прибавьте же къ тому, камъ нѣмецъ въ нѣньи милъ,
Вы расхохочетесь, я былъ въ томъ виноватъ,
Смѣялся отъ души; но это ли одно
Могло смѣшить меня, я видѣлъ много дива!

Свидѣлись ли пріятели, по возвращеніи Андрея Яковлевича въ Россію, и вели ли потомъ переписку, остается неизвѣстнымъ; сохранившіяся письма относятся къ позднѣйшему времени, именно къ концу 20-хъ годовъ и началу 30-хъ, когда Стороженко служилъ уже въ Елисаветградѣ, въ должности начальника штаба военныхъ поселеній, а Булгаринъ достигъ виднаго положенія въ журналистикѣ. Ихъ связывали интересы научные и литературные, что очевидно изъ слѣдующаго напр. письма Стороженка къ Булгарину отъ 6-го апрѣля 1829 г.

«Когда перечитываешь дружескія письма твои, доотойный Ѳаддей Венедиктовичъ, то совѣсть укоряетъ меня за неисполненіе обѣщанія отозваться къ тебѣ изъ Малороссіи. Я недолго пробылъ на родинѣ. Судьба опять увлекла меня въ дикія степи, и зеленые курганы посреди необозримыхъ равнинъ, покрытыхъ сѣдымъ ковылемъ, привѣтствовали возвратившагося. Нѣсколько дней тому назадъ я пріѣхалъ изъ Одессы въ мѣсто службы моей, въ Елисаветградъ. Если Одесса не представляетъ теперь одушевленнаго торговлею города, то гавань ея, наполненная траспортными судами, приходящими и отходящими съ продовольствіемъ для побѣдоносныхъ войскъ нашихъ къ берегамъ Болгаріи, напомнила мнѣ славу отважныхъ украинскихъ козаковъ, дерзнувшихъ для славы и добычи пуститься на своихъ чайкахъ по бурному морю на завоеваніе Трапезунта и Синопа, подходить къ самому Цареграду, предавая огню и мечу гнѣзда бусурманскія.

Твои статьи о Сербахъ и Черногорцахъ воспламеняютъ мрачныхъ капитановъ корабельныхъ въ Одессѣ, кои почти всѣ изъ славянскихъ народностей. Одинъ Рагузинецъ по складамъ читалъ мнѣ болѣе нравя-

щіяся ему мѣста, и бесѣда съ нимъ меня восхищала. Отъ турокъ, находящихся здѣсь съ Юсуфомъ-пашею, я не могъ добиться никакого толку о взятіи нашими Варны. Они съ восточной страстностью приписываютъ все сверхъестественной силѣ, боятся нашихъ козаковъ, прославляютъ своихъ павшихъ героевъ, которые, по ихъ словахъ, рубили непріятеля, какъ огурцы, и отрицательно качаютъ головой, щелкая языкомъ, при разговорахъ о взятіи Шумлы и переходѣ черезъ Балканы.

Въ бытность мою въ Малороссіи, мнѣ много разъ случалось видѣться съ оставившимъ лѣтъ девять тому назадъ въ с. Мельникахъ (верстахъ въ 12 отъ Елисаветграда) жену и дѣтей, пошедшимъ на заработки отъ нищеты и содѣлавшимся нынѣ извѣстнымъ, Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ, бывшимъ двухъ-бунчужнымъ пашею и кошовымъ передавшихся намъ запорожцевъ. Похожденія его любопытны и по самой уже простотѣ разсказа. Когда нибудь спишу тебѣ ихъ для печати.

Занимаюсь теперь изученіемъ собранныхъ мною историческихъ матеріаловъ объ Украинѣ XVI в. Есть много крайне интереснаго.

Прощай! Вспоминай иногда о твоемъ почитателѣ и обрадуй его нѣсколькими строками». А. С—ко.

Когда Булгаринъ сталъ продолжительнѣе проживать въ своемъ имѣніи, Карловѣ, близъ Дерпта, а Стороженко въ Варшавѣ, переписка между двумя пріятелями стала болѣе частою и правильною. Къ сожалѣнію, у насъ въ рукахъ письма лишь Булгарина и ни одного письма къ нему Стороженка. Письма Булгарина весьма любопытны: пиша къ человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточены были дѣла по умиротворенію и переустройству Царства Польскаго послѣ недавняго возстанія, Булгаринъ самъ полякъ, то и дѣло говоритъ о Польшѣ, о характерѣ поляковъ, о политикѣ русскаго правительства, въ частности князя варшавскаго и его ближайшихъ помощниковъ, по отношенію къ нимъ; съ другой стороны, играя видную роль въ русской журналистикѣ и занятый въ то время обширнымъ изданіемъ: «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи», онъ часто и много трактуетъ въ письмахъ къ варшавскому своему пріятелю о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ, въ особенности о «Россіи», проситъ у него содѣйствія, свѣдѣній, матеріаловъ, касается вообще положенія современной русской литературы и цензуры. При всемъ интересѣ этихъ писемъ, помѣщеніе ихъ цѣликомъ и даже въ большихъ выдержкахъ не отвѣчало бы цѣли нашего очерка, такъ какъ они рисуютъ больше самаго

Булгарина и близкій ему кругъ; поэтому мы ограничимся приведеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ мѣстъ, которыя такъ или иначе касаются Стороженка и круга его интересовъ и дѣятельности, въ особенности по такъ называемому польскому вопросу.

Служебное положеніе Андрея Яковлевича въ Варшавѣ было таково, что неизбѣжно вызывало многоразличные толки и скорѣе всего не въ пользу его. Толки эти доходили до Петербурга и, какъ кажется, послужили поводомъ къ возобновленію переписки его съ Булгаринымъ. Но объ нихъ и по поводу ихъ неудобно было распространяться въ письмахъ, и это оговариваетъ Булгаринъ въ началѣ и въ концѣ перваго изъ сохранившихся писемъ его, отъ 9 сент. 1833 г. Извиняясь въ замедленіи отвѣта на письмо Стороженка, Булгаринъ пишетъ:

«Мнѣ бы хотѣлось побесѣдовать съ тобой *сердечно*, а бумагѣ я повѣряю только то, что можетъ быть напечатано. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, узнаешь, люблю-ли я тебя. Грудью отражалъ я стрѣлы клеветы и злобы, устремленныя на тебя».

Сказавъ далѣе о себѣ и семьѣ своей, Булгаринъ продолжаетъ:

«Князь Варшавскій въ пріѣздъ свой въ Петербургъ и на обратномъ пути призывалъ меня къ себѣ и обласкалъ превыше моего достоинства и заслугъ. По памяти моего друга и его любимца, Грибоѣдова, онъ такъ добръ былъ со мною, что я душевно привязанъ къ нему и увѣренъ, что когда мои земляки отрекутся отъ злого бѣса крамолы, то будутъ счастливы подъ управленіемъ князя Варшавскаго. Тьфу ты пропасть! Неужели не пора образумиться! У меня сердце разрывается на части и гортань заливается желчью, когда слышу о поступкахъ (безсмысленныхъ и злодѣйскихъ) людей, осмѣливающихся называться либералами и патріотами! Изверги, зарѣзали мать свою, отчизну.

Ты писалъ ко мнѣ, что Варшава нынѣ скучна. Вѣрно! Однако-жъ думаю, что съ правымъ сердцемъ и не глупою головою въ Варшавѣ можно болѣе чѣмъ гдѣ либо жить пріятно. Польскій народъ отъ природы гостепріименъ и общежителенъ. Просвѣщенныхъ людей тамъ также довольно, климатъ пріятный, все дешево, чего-же болѣе? Взгляни-ка безпристрастно на Петербургъ! Что-за радости и у насъ?».

Письмо заканчивается фразой: «а что хотѣлось бы высказать, то на бумагѣ было бы тяжко», и просьбой «любить и не забывать стараго и неизмѣннаго друга».

Въ письмѣ отъ 7-го февраля 1834 г., послѣ сообщеній частнаго, семейнаго характера, пообѣщавъ выслать Андрею Яковлевичу просимыя имъ книги и прислать свой новый романъ «Мазепа», Булгаринъ даетъ такой отзывъ о князѣ варшавскомъ, полякахъ и политикѣ, какой относительно ихъ держаться слѣдуетъ:

«Въ Петербургѣ я всякій день бывалъ у вашего князя, который по прежнему милостивъ ко мнѣ. Добрый и благородный человѣкъ! Другой-бы давно разозлился на меня, если-бы послышалъ ту правду, что я говорю ему, привыкнувъ судить и говорить громко, когда есть случай, т. е. когда хотятъ знать мой образъ мыслей. Черное называю я всегда чернымъ, а бѣлое бѣлымъ, хоть-бы пришлось лопнуть! Дорого заплатилъ я за это, а теперь поздно отвыкать. Но твой князь единственный, можетъ быть, человѣкъ въ Россіи, который съ рыцарскою душею гнушается лести и лжи и любитъ откровенность. Послѣ смерти Максима Яковлевича (фонъ-Фока, начальника III отд.), не думаю, чтобы онъ часто встрѣчался съ людьми, любящими правду для правды. Дай Богъ ему силъ и терпѣнья! Много про него говорятъ пустого злые люди, а пусть бы попробовалъ кто быть на его мѣстѣ!

Всѣ вы говорите, что знаете Польшу и поляковъ, а мнѣ кажется, что я знаю болѣе васъ всѣхъ. Я, какъ говорится, посвященъ въ тайны польскаго характера, и вотъ тебѣ въ одной чертѣ вся характеристика народа: во время прусскаго господства запрещено было ѣздить въ Варшавѣ въ шесть лошадей, за каждую лошадь сверхъ пары должно было платить червонецъ штрафу; польскіе паны нарочно ѣздили въ шесть лошадей, чтобы имѣть удовольствіе посвоевольничать и охотно платили штрафъ! Смѣшно, а правда. Дѣлай съ поляками, что хочешь, осыпай ихъ золотомъ, но если имъ нельзя *поврать* и посвоевольничать,—они все будутъ почитать себя несчастными. Что-жъ дѣлать, когда Богъ создалъ такое племя! Но Польша существуетъ теперь только въ полонезахъ и мазуркахъ, слѣдовательно объ этомъ и толковать нечего. Надѣлали пакостей и глупостей, пусть же и отвѣчаютъ по дѣломъ. Доказано, что никогда имъ не было лучше, какъ предъ гадкимъ ихъ бунтомъ, а имъ захотѣлось *похвастать*, по примѣру французовъ. Разтерзалъ бы своими руками этихъ проклятыхъ карбонаріевъ, губящихъ несчастную страну. Истыя гіены и бѣшеные волки! Если ты другъ человѣчества, преслѣдуй ихъ безъ милосердія, только, разумѣется, не по подозрѣніямъ, а по доказательствамъ. Объ этомъ прошу тебя, какъ другъ».

Въ заключеніе письма Булгаринъ желаетъ Стороженку «терпѣнія на его безпокойномъ посту», увѣряя въ своей неизмѣнной на вѣки вѣрности и дружбѣ.

Въ послѣдующихъ письмахъ Булгаринъ удѣляетъ много мѣста вопросу объ изданіи сочиненія: «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Онъ предполагалъ первоначально издать его въ восьми и даже 12-ти томахъ и открылъ подписку по 5 рублей ассигн. за томъ, не требуя денегъ впередъ. Желающихъ оказалось до 4,000 человѣкъ; но, не смотря на такой успѣхъ, изданіе прекратилось на 6-ти томахъ и право изданія было продано Плюшару, что подало поводъ извѣстному книгопродавцу А. Ф. Смирдину сказать слѣдующій каламбуръ, очень позабавившій Пушкина и другихъ писателей: «Полякъ французу Россію продалъ», хотя потомъ эта сдѣлка и не была исполнена [1]). Для этого то изданія онъ просилъ у Стороженка матеріаловъ историческихъ и свѣдѣній статистическихъ, закидывая вмѣстѣ и о томъ, «нельзя ли въ Царствѣ Польскомъ собрать подписку». «Книга моя, говоритъ Булгаринъ, будетъ чрезвычайно полезна для поляковъ; узнавъ Россію, они по-неволѣ выбросятъ изъ головы бредъ о своей независимости отъ нея». Для вящшаго успѣха онъ пытался, хотя тщетно, «посвятить этотъ національный и общенародный трудъ свѣтлѣйшему (т. е. Паскевичу), какъ *первому сыну* Россіи, матери всѣхъ славянскихъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу земли». Оставляя въ сторонѣ эти подходы ловкаго издателя мы извлечемъ изъ его писемъ лишь болѣе существенное.

«Ради Бога, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 21 марта 1836 г., пришли мнѣ, если у тебя есть что важное для исторіи козаковъ. Эту часть отдѣлываю я *con amore*.

Еще прошу тебя всепокорнѣйше, нельзя ли прислать мнѣ какихъ либо новыхъ статистическихъ извѣстій о Царствѣ Польскомъ.

Университетъ варшавскій уничтоженъ. Какое же у васъ заведеніе для окончательнаго курса наукъ и какъ раздѣлено народное просвѣщеніе: есть ли гимназіи или что-нибудь подобное? О Польшѣ мы не имѣемъ понятія! Что было до бунта, мнѣ извѣстно, а теперь ничто не публикуется, а толкъ идетъ, якобы все уничтожено и мракъ носится надъ бездною. Право, не знаешь чему вѣрить! Вѣдь всѣ вѣсти, толки разсказываются нашими же русскими! Варшавскаго поляка я видомъ не видалъ отъ несчастнаго бунта. Ради Бога, Россіи, наукъ и дружбы сообщи, что можно, о новомъ состояніи Царства Польскаго.

Что тебѣ много дѣла, это можно предполагать. Что дѣлать! Много хлопотъ, тяжкій трудъ, но за то можно дѣлать много добра, а для

[1]) Русскій Архивъ, 1870 г. Изъ Записокъ Н. И. Греча, стр. 1267.

этого Христосъ далъ себя распять на крестѣ. Жизнь коротка, добро вѣчно! Подвизайся, друже, на поприщѣ блага, да укрѣпитъ тебя Провидѣніе! Тебѣ не нужно сказывать, что и поляки *люди* и что земля и человѣчество существовали прежде отечества и политики. Поляки въ человѣчествѣ есть то, что больные въ обществѣ. Лихорадку надобно вылѣчить и баста»!

Въ письмѣ отъ 30 мая того же года Булгаринъ пишетъ между прочимъ:

«Ты меня обрадовалъ извѣстіемъ, что ты отыскалъ Pamiętniki Chrysostoma Paska [1]) о Мазепѣ. Обрадовалъ, такъ какъ я надѣюсь получить копію. Хотя Очкинъ [2]) и называетъ польскій народъ подлымъ за то, что княгиня Сангушко бросилась къ ногамъ князя Варшавскаго *изъ благодарности за сдѣланное ей добро*, но я право, брошусь тебѣ въ ноги, если ты сообщишь мнѣ рукопись Мазепы—не для напечатанія, но для прочтенія и внесенія сущности изъ нея въ мою исторію. Я упомяну, что ты отыскалъ этотъ важный документъ. Обѣщалъ ты мнѣ еще пѣсни червонорусскія, статистику Польши и извѣстіе о происхожденіи козаковъ, о которыхъ Мацѣевскій обѣщалъ сказать то, что намъ и не снилось, но, по занятіямъ твоимъ и недостатку времени, вѣрно, забылъ. Ради Бога пришли рукопись о Мазепѣ».

Сказавъ затѣмъ въ нѣсколькихъ строкахъ объ успѣхахъ своего изданія «Россія», онъ снова напоминаетъ о Мазепѣ, восклицая:

«Мазепу, Мазепу!... Грѣшенъ, этотъ историческій характеръ мнѣ очень нравится».

Въ томъ же письмѣ Булгаринъ сообщаетъ любопытные отзывы свои какъ о Паскевичѣ и его помощникахъ по управленію Царствомъ Польскимъ, такъ и о самомъ характерѣ этого управленія.

«Князь Варшавскій удостоилъ меня чести разговаривать о тебѣ и къ величайшей моей радости я удостовѣрился, что онъ тебя любитъ и уважаетъ. Онъ мнѣ разсказалъ о твоемъ благородномъ обхожденіи съ подсудимыми во время нашествія глупыхъ эмиссаровъ на Польшу и т. п. Поляки любятъ князя, но жалуются, что свита его обходится съ ними съ величайшей надменностью, какъ египтяне или ассиріяне съ іудеями.

---

[1]) Изданы лишь въ 1877 г. Любопытныя для бытовой исторіи записки польскаго шляхтича второй половины XVII вѣка, въ которыхъ, между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія о молодыхъ лѣтахъ Мазепы во время его пребыванія въ Польшѣ.

[2]) Петръ Николаевичъ Очкинъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Варшавскомъ.

Образчикъ этихъ ассиріянъ или египтянъ видѣлъ я въ фигурѣ Очкина. Это польскій вельможа (по нынѣшнему) есть сынъ обанкрутившагося русскаго купца. «Вельможа» имѣлъ при себѣ француза-гувернера и былъ помѣщенъ затѣмъ въ горный корпусъ, откуда и былъ изгнанъ за какіе-то подвиги. Послѣ этого я же вынужденъ былъ усиленной просьбой его родныхъ порекомендовать его Грибоѣдову, который и помѣстилъ его при князѣ. Теперь встрѣтился я съ этимъ *польскимъ паномъ* и пустилъ бомбу на счетъ дурнаго обхожденія русскихъ съ поляками.

Рыжій «вельможа» высказалъ всѣ гнусности на счетъ поляковъ, разумѣется, съ оговоркою на счетъ моего руссизма. Въ другое время я бы сдѣлалъ другое, но теперь сказалъ только: „горе народу, управляемому такими людьми, какъ Очкинъ, и горе правительству, употребляющему такихъ людей"! Что за тонъ, что за манера, что за чванство! Воля твоя, а большаго наказанія за бунтъ быть не можетъ, какъ быть управляемымъ такими людьми! Непостижимо!

Твоего пріятеля Н. И. Ушакова (адъютанта князя) видѣлъ я въ канцеляріи; онъ такъ озабоченъ, что не имѣлъ времени переговорить со мною. Вообще всѣ пріѣзжающіе изъ Варшавы такъ холодны, такъ важны, такъ насобачились на полякахъ играть роль побѣдителей, что не хочется подходить. Богъ съ ними! Хотѣлъ, было, ѣхать погостить въ Варшаву, но теперь ни за милліоны не поѣду! Въ Петербургѣ я избалованъ пріемами и ласкою первѣйшихъ въ государствѣ. Графъ Бенкендорфъ, графы Чернышевы, Орловъ и проч —все это превѣжливые, премилые, прекрасные люди, понимающіе достоинство и званіе литератора и принимающіе людей не по чинамъ».

Въ письмѣ отъ 4 февраля 1837 г. Булгаринъ, говоря о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, сдѣланныхъ имъ въ своемъ изданіи «Россія», проговаривается слѣдующими, въ высшей степени характерными для него, словами:

«Замѣчательно, что я развилъ одну идею, идею свѣтлѣйшаго. Онъ сказалъ мнѣ мелькомъ: кажется мнѣ, что ляхи не славяне. Я давай искать и рыться, и точно убѣдился въ этомъ. Увидишь».

Поговоривъ и еще о своемъ любимомъ изданіи, Булгаринъ переходитъ къ полякамъ и управленію ими и пишетъ слѣдующее:

«Впервые сошелся я покороче съ твоимъ другомъ, полковникомъ Ушаковымъ. До сихъ поръ видѣлъ я его только мелькомъ при фельдмаршалѣ или за канцелярскими бумагами. Въ немъ узнаю я человѣка съ умомъ и образованностью отличными, а за сердце его ручается твоя

къ нему дружба. Хотя я не согласенъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но это вовсе не мѣшаетъ мнѣ питать къ нему полное уваженіе. Мнѣ все кажется, что немногіе между вами, т. е. правителями Польши, знаютъ *въ точности* характеръ и духъ польского народа. По мнѣ, такъ изъ него лаской можно сдѣлать, что угодно, а дѣтской побрякушкой повести на конецъ свѣта. По моему, вся бѣда отъ того, что дворянство и вообще образованный классъ *не знаютъ нашей общей матери, Россіи*, этого неприступнаго гнѣзда славянскаго. Если-бы польское юношество воспитывать въ томъ духѣ, что Россія есть благо для нихъ, что братство съ русскими для нихъ честь, слава и *матеріальная выгода*, что одно средство загладить прошлое—быть полезными Россіи службою и талантами, то другая генерація въ Польшѣ была бы иная. Но въ этомъ случаѣ надобно убѣждать умъ и серце, а *не приказывать*. Оттого ваши поляки не будутъ русскими, что имъ велятъ учиться писать по-русски, когда и въ Россіи нѣтъ даже *посредственныхъ* учителей русскаго языка. Надобно, чтобы ваши поляки *думали* по-русски а, для этого нужно воспитаніе. Я обрадовался, напечатавъ въ Пчелѣ извѣстіе объ экзаменѣ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Варшавѣ! Вотъ, это такъ славно! А велѣть забыть польскій языкъ, польскую исторію и литературу, воля ваша, невозможно. Царство Польское высунулось носомъ въ Европу. Въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, вездѣ печатаются польскія книги. Что прибыли, что вы запретите въ Варшавѣ печатать и писать по-польски! Книги перенесутъ изъ-за границы. По мнѣ, пустьбы печатали по-польски въ Варшавѣ, но только въ такомъ духѣ, чтобъ измѣнить зловредное направленіе умовъ нашего несчастнаго вѣка, отравленнаго Франціей. Поляковъ истребить нельзя совершенно, но должно стараться приготовить *новую генерацію* поляковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что имъ безъ Россіи и внѣ Россіи нѣтъ спасенія. Еслибы у васъ былъ директоръ училищъ такой, какимъ я себѣ воображаю, т. е. полякъ преданный Россіи не за награды, а по убѣжденію—дѣло пошло-бы ладно! Да откуда взять его»!

Письмо отъ 6-го марта того же года начинается похвалами тому же Ушакову и нѣкоему Корвелю, а со словъ послѣдняго и самому Стороженку.

„Ушакова видѣлъ я нѣсколько разъ. Какъ близкій къ тебѣ человѣкъ, онъ мнѣ чрезвычайно дорогъ, но мы не имѣли времени сойтись съ нимъ ближе. Онъ по природѣ, какъ нѣмцы говорятъ, zurück haltend, что въ нашъ вѣкъ необходимо. Притомъ-же всѣ ваши варшавскіе чиновники здѣсь такъ осторожны, что отъ нихъ не допытаешься даже, бываютъ-ли въ Варшавѣ сѣверные вѣтры. Пекинъ гораздо ближе къ

намъ. чѣмъ Варшава. Не знаю, нужно ли это и хорошо ли, но такъ есть.

Благодарю тебя за доставленіе знакомства съ Корвелемъ. Многоли у васъ такихъ чиновниковъ? У насъ немного. Уменъ, благороденъ, способенъ. Для одного даже много. Онъ страстно привязанъ къ тебѣ и знаетъ тебя въ тонкости, т. е. проникъ въ душу твою, гдѣ на днѣ— золотой рудникъ. Что онъ здѣсь разсказываетъ о тебѣ, то мы просто захлебываемся отъ удовольствія. Между прочимъ онъ говоритъ, что вся Варшава въ отчаяньи, узнавъ, что ты хочешь оставить службу, и разсказываетъ анекдоты, которые дѣлаютъ честь уму твоему и сердцу".

Извѣщая затѣмъ объ отправленіи Плюшаромъ по почтѣ Стороженку и свѣтлѣйшему по экземпляру веленевому и съ раскрашенными картинами «Россіи», Булгаринъ прибавляетъ:

«Подписчикамъ вышлетъ онъ на твое имя всѣ разомъ въ ящикѣ. Чудно, что русскія книги въ Польшу должны проходить чрезъ таможни и съ большею трудностью, нежели иностранныя входятъ въ Россію; а велятъ учиться по-русски»!

Далѣе онъ пишетъ:

«Возобновляю просьбу мою о манускриптѣ о Мазепѣ. Одолжи на всю жизнь! Еще прошу крайняго одолженія. Вели справиться, сколько въ Царствѣ Польскомъ учебныхъ заведеній, какъ называются главныя, есть-ли у васъ лицей или какая высшая школа, сколько вообще въ Царствѣ Польскомъ учащихъ и учащихся? Это мнѣ необходимо нужно для 3-го тома статистики. Нельзя-ли также получить какихъ либо свѣдѣній о фабрикахъ, мануфактурахъ, торговлѣ и промышленности. Какъ великъ у васъ вывозъ и привозъ товаровъ, сколько производства на фабрикахъ? По твоему желанію тебѣ дадутъ въ министерствахъ всякія возможныя свѣдѣнія. Въ Россіи печатаются въ министерскихъ журналахъ отчеты по всѣмъ отраслямъ управленія Россіи; у васъ то, что было написано надъ дверьми классовъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ: «молчаніе, тишина, вниманіе и напряженіе ума»... А право стоило-бы, чтобы у васъ, *по примѣру Россіи*, завести хотя одинъ журналъ казенный, гдѣ-бы печатались отчеты министерствъ, банковъ и проч. Нынѣ уже и въ Турціи печатаютъ объ этомъ въ Оттоманскомъ Монитерѣ. Если тебя не обременитъ, пришли мнѣ Kalendarz Wnrszawski na rok 1837 i administr. Kalendarzyk, изъ коего я узнаю, какія есть у васъ присутственныя мѣста».

Послѣ приведенныхъ здѣсь нами писемъ Булгарина былъ, очевидно, довольно продолжительный перерывъ въ перепискѣ на-

шихъ пріятелей. Слѣдующее сохранившееся письмо Булгарина помѣчено 15-мъ мая 1844 г. Затѣмъ переписка продолжалась, по видимому, до конца 1847 г. Послѣднее письмо помѣчено 7-мъ марта 1847 г. Писемъ Булгарина за этотъ періодъ времени сохранилось семь. Они представляютъ преимущественно частный интересъ, а потому мы приведемъ лишь тѣ мѣста изъ нихъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о литературѣ и политикѣ, помѣщая ихъ, какъ и выше, въ хронологической послѣдовательности:

1. «С.-П.-Б. 15 мая 1844 г. Жаль, что вмѣсто назначенія тебя главнымъ директоромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, тебя не взялъ Перовскій себѣ въ товарищи вмѣсто пустѣйшаго Сенявина. Въ каждомъ номерѣ Полицейской Газеты находимъ великіе подвиги! Чиновники министерства внутр. дѣлъ ежедневно ловятъ обвѣшивающихъ *на золотники* и обмѣривающихъ *на вершки*, а, какъ говоритъ Крыловъ, «слоновъ-то и не примѣчаютъ». Я все держусь моихъ старыхъ воззрѣній, что надобно въ народѣ водворить сперва любовь къ закону и порядку, а тамъ уже заводить порядки. Народное воспитаніе, воспитаніе! Вѣрю, что если-бы въ Польшѣ лучше знали Россію и духъ русскаго народа, то не ухватились бы за нелѣпую мысль воевать съ Россіей или искать невозможной независимости! Только грубое невѣжество можетъ питать эти идеи! Если-бы я былъ профессоромъ въ Польшѣ, я бы повторялъ каждый день съ каѳедры: «хотите быть счастливыми, будьте добрыми и вѣрными сынами *матери всѣхъ славянскихъ народовъ*, Россіи! Если вамъ что не нравится въ ней *теперь*, вспомните, что 50 и 100 лѣтъ въ исторіи—*миг*ъ, а народъ польскій вѣченъ и безъ Россіи нѣтъ ему спасенія! Польша могла существовать независимо, когда Пруссія вовсе не существовала, Австрія была слаба, а Россія была азіатскимъ ханствомъ; но теперь безъ Россіи Польшѣ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, а нѣмцы сдѣлаютъ изъ васъ тоже, что сдѣлали съ поморянами и др., т. е. нѣмцевъ. Все зло есть невѣжество»!

2. «С.-П.-Б. 22 сентября 1845 г. Мечты твои о благѣ, устройствѣ края, въ которомъ ты занимаешь самую важную должность, прекрасны и достойны тебя, но это только фантазія! Безъ людей одному можно только творить *писаное* и *бумажное* благо, а не *существенное*, *осязаемое*! Хотя-бы ты и успѣлъ что сдѣлать, другіе разрушатъ. Знаемъ мы здѣсь многихъ русскихъ, которымъ ввѣрено управленіе краемъ! Много ли ты найдешь между ними такихъ, которые-бы любили край, ввѣренный ихъ попеченію и имѣли понятіе о томъ, что есть *человѣчество*, что есть *высшее назначеніе человѣка* и наконецъ что такое само *добро*! Ой, козаче, козаче, ты все еще юнъ! Перестань думать о невозможномъ!

Ты завидуешь участи русскаго писателя! Шутка это или насмѣшка? Наказываютъ вора, если онъ похищаетъ у меня носовой платокъ, а не хотятъ слушать, когда я жалуюсь, что меня лишили моей драгоцѣннѣйшей собственности, *идей*, заключающихъ въ себѣ сѣмена блага отечества, пользы царской, добра человѣчества! Уваровъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, когда я умаливалъ его дать просторъ (разумѣется, законный) русскому уму, указалъ мнѣ на бронзовое изображеніе центавра, стоявшее на каминѣ и сказалъ: «вотъ народъ!»— «Правда, отвѣчалъ я; но если хотите, чтобы животное везло и было здорово, не погоняйте его *по голо-ть*».—Пожилъ бы ты, напримѣръ, съ цензоромъ Крыловымъ, который вымазываетъ въ повѣсти слова «синій фракъ» потому только, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія *синіе* мундиры!!! Для меня все равно, потому что я дожилъ уже до апатіи, удостовѣрясь въ невозможности добра. Не завидуй мнѣ; право, не стоитъ!»

3. «С.-П.-Б. 19 марта 1846 г. Ты далъ мнѣ коммиссію о пріисканіи человѣка для выписки документовъ въ Швеціи;—я искалъ и не нашелъ! Документы эти, особенно Dziennik Jana Sapiehi, я самъ видѣлъ въ Швеціи, въ замкѣ Скоклостеръ, принадлежавшемъ покойному графу Браге и говорилъ объ нихъ въ моемъ «Путешествіи въ Швецію». Писаны они такимъ почеркомъ, что надобно умѣть разобрать. Вышли Мацѣевскаго на казенный счетъ: надобно человѣка ученаго, а не кого-нибудь. А преважныя вещи для эпохи самозванцевъ!

Удивительны и непостижимы сношенія съ Варшавой! Не могу до сихъ поръ выслать тебѣ моихъ «Воспоминаній». Надобно посылать въ *вашу цензуру*. Обѣщали мнѣ однакожъ переслать въ видѣ казенной посылки. Сынъ Н. И. Греча послалъ отцу въ Парижъ книги чрезъ служащаго въ русской службѣ француза Оже, котораго государь лично знаетъ и жалуетъ, ибо онъ служилъ въ измайловскомъ полку. Изъ письма Оже, къ сему прилагаемаго, усмотришь, что книги у него отняты на границѣ. Ужели и русскіе календари—вещи запрещенныя?

Собрался я писать къ тебѣ не въ пору и не кстати. Воображаю, сколько у тебя теперь хлопотъ и заботъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ! Ахъ, что это за скоты! На границѣ Польши слѣдовало бы надписать: «страна сумасшедшихъ». Не Польшей ей называться, а *Безуміей*. Да тутъ понять нельзя ничего! Ужели пьяная и глупая шляхта хотѣла воевать съ тремя державами? Это, право, жалкій фарсъ. Я бы просто безъ церемоніи поролъ нагайками! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Мы здѣсь въ Петербургѣ читаемъ и глазамъ не вѣримъ. Хороша и французская палата—нечего сказать! Поджигатели и смертоубійцы эти французскіе

депутаты, а Чарторыйскій высоко комическое лицо, политическій Фальстафъ, а по русски—шутъ гороховый. Воображаю, что это долженъ быть за народъ эти *wojownikі*, собравшіеся ниспровергнуть три царства! Искренно сожалѣю о тебѣ, что ты долженъ бороться съ этими дикими звѣрями. Если бы тебя не было въ Варшавѣ, то я забылъ бы, что Польша существуетъ. Она только терзаетъ душу мою, отравляя счастье невинныхъ, которымъ судьба повелѣла родиться и жить въ этой безумной странѣ»!

4. «С.-П.-Б. 12 января 1847 г. Литература наша жалка. Журналы глупые, какъ гуси, вопятъ безъ смысла и потчиваютъ Русь безграмотными переводами или безсмысленными сказками. Языкъ искаженъ, какъ во время столпотворенія. Все—денежная спекуляція, по несчастью поддерживаемая интригою. О благѣ литературы никто и не помышляетъ. Историки близоруки и пишутъ по заказу. Ученый міръ, состоящій изъ нѣсколькихъ нѣмцевъ, повторяетъ сказанное въ другомъ мѣстѣ. Въ одномъ Дерптѣ свѣтится еще огонекъ. Скучно, тошно, тяжело»!

5. С.-П.-Б, 7 марта 1847 г. Ты видишь одну глупость въ русскихъ журналахъ, а я вижу больше, но молчу. Чистый *коммунизмъ*, проповѣдуемый *явно*, безъ всякихъ обиняковъ. Напр., въ «Отеч. Запискахъ», въ 1844 г., № 2, стр. 98, въ статьѣ «Іезумъ» напечатано: «Богъ на крестѣ, освящающій *свободу и равенство* не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного человѣчества, присущаго его божественности, вотъ что побѣдило древній міръ и *не престаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ*». Каково это тебѣ покажется? И этотъ журналъ покровительствуется и продается въ провинціи жандармами и чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, по предписанію директоровъ департаментовъ, восхваляется съ каѳедръ и проч.

Поляковъ я хорошо знаю, какъ будто самъ сотворилъ ихъ. Истребить ихъ можно, но передѣлать никакъ! Дѣлай съ ними, что хочешь, но позволь *врать* и носить какую нибудь *особую ленточку*, въ видѣ кокарды, и они будутъ счастливы, хоть запряги ихъ вмѣсто воловъ. Ужъ такая натура! Будутъ говорить: *ciężkie czasy, ale życie wesołe* и околѣвать подъ тяжестью работы, распѣвая narodowe piosenki. Послѣдняя ихъ попытка воевать съ *тремя* державами, не имѣя даже ни одного регулярнаго барабанщика, доказываетъ, что тутъ приходится имѣть дѣло не съ мозгомъ.

Лелевеля я зналъ лично и былъ съ нимъ въ корреспонденціи. Онъ даже печаталъ у меня въ Сѣверномъ Архивѣ. Лелевель—теоретикъ. Онъ зналъ мидянъ и ассирійцевъ, но до сихъ поръ не знаетъ ни Россіи, ни Польши. Лелевель есть математическое доказательство, что тео-

рія безъ практики—мыльный пузырь. Именъ и чиселъ онъ знаетъ много, а людей никогда не зналъ. Въ политикѣ онъ тоже, что извѣстный французскій революціонеръ Анахарсисъ Клоцъ, который подписывался: ennemi personel du Iésus Christ, а отъ роду не читалъ Евангелія».

Съ Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ [1]), издателемъ «Русскаго Инвалида» и «Славянина», Стороженко познакомился у Булгарина. Они сошлись характерами и воззрѣніями и стали въ самыя хорошія отношенія другъ къ другу. Когда Стороженко осѣлся въ Елисаветградѣ, то написалъ Воейкову, чтобы не прерывать съ нимъ связей, слѣдующее письмо:

«Высокочтимый Александръ Ѳедоровичъ! Переѣзды и новое мое назначеніе все не давали мнѣ возможности отозваться къ вамъ. Нынѣ же, пріютившись покуда въ Елисаветградѣ, я спѣшу выполнить свое обѣщаніе, спѣшу воспользоваться позволеніемъ вашимъ отрывать васъ иногда отъ занятій вашихъ своимъ незатѣйливымъ писаніемъ.

Листки «Инвалида» и «Славянинъ» извѣщаютъ меня о вашемъ здоровьи, судя по трудамъ вашимъ надъ ними. Они доходятъ ко мнѣ чрезъ Золотоношу. Сдѣлайте одолженіе, прикажите дать имъ направленіе въ настоящее мое мѣстопребываніе.

Я только что возвратился изъ Одессы. Что тамъ дѣлается, вамъ извѣстно изъ тамошняго, хотя впрочемъ скуднаго газетнаго листка [2]). Здѣсь весна уже. Скоро зеленѣющіе курганы заговорятъ съ вѣтрами. Они заставляютъ меня вспоминать унылую украинскую пѣсню «Ой, у поли могила зъ витромъ говорила»... Всякій всадникъ на необозримой степи представляется мнѣ удалымъ запорожцемъ. Я люблю степь, но признаюсь желалъ бы прожить нѣсколько времени въ столицѣ для собранія хотя нѣкотораго духовнаго запаса для скучной старости. Здѣсь не съ кѣмъ разговориться, некому прочитать написанное, не съ кѣмъ забыть на минуту трудовъ служебныхъ, и душа хладѣетъ для изящнаго. Одна старина украинская теперь въ свободный часъ занимаетъ и утѣшаетъ меня.—Поручаю себя вашей благосклонной памяти и остаюсь васъ уважающій А. Стороженко. Елисаветградъ, 8 апрѣля 1829 г.».

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ (род. 1779 г. † 1839 г.), старинной дворянской фамиліи, воспитанникъ московскаго университета, въ свое время перворазрядный литературный критикъ, написалъ множество стихотвореній, славился переводами, составилъ 4 сборника образцовыхъ сочиненій русскихъ писателей и былъ издателемъ пяти журналовъ.

[2]) Разумѣется „Одесскій Вѣстникъ“ (Journal d'Odessa), съ французскимъ и русскимъ текстомъ.

На это письмо Стороженко вскорѣ получилъ самый любезный отвѣтъ съ побужденіемъ писать и присылать написанное для прочтенія и напечатанія:

«Очень было мнѣ прискорбно молчаніе ваше, милостивый государь Андрей Яковлевичъ, и тѣмъ болѣе, что генералъ Засядко [1]) и невѣдомый мнѣ маіоръ поселенныхъ войскъ хвалились часто предо мною вашимъ къ нимъ благорасположеніемъ и полученіемъ отъ васъ грамотокъ. Теперь и я буду хвалиться вашими милостями. Итакъ, вы въ Елисаветградѣ? Вы недалеко отъ Ново-Миргорода и жалуетесь на скуку, на нищету въ собесѣдникахъ умныхъ, образованныхъ? Но видно, вы не знаете, что у васъ подъ бокомъ три золотые человѣка, три сокровища? Генералъ Николай Алексѣевичъ Столыпинъ, командиръ 3-го украинскаго уланскаго полка Юрій Осиповичъ Лахманъ и юнкеръ того-же полка Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ. Вамъ стоитъ только съ ними сблизиться и вы найдете въ нихъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ.

Не желайте возврата въ Петербургъ; опытомъ дознано, что въ этомъ болотѣ, холодномъ во всѣхъ отношеніяхъ, никто еще не написалъ ни пяти строчекъ для безсмертія, всѣ удаляются отсюда или въ горы кавказскія, или въ долины таврическія, или въ степи екатеринославскія, гдѣ раздолье уму и просторъ воображенію. Даже самъ Карамзинъ писалъ или дописывалъ свою исторію въ Царскомъ Селѣ, гдѣ живалъ онъ до зимы; Жуковскій творитъ иногда свои стихи въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ; Пушкинъ всякую осень удаляется въ дремучіе лѣса псковскіе и возвращается весною съ новою поэмою. Пишите и привезите намъ на судъ готовое: вотъ вамъ мое благословеніе.

Вы обѣщали мнѣ прислать отрывки изъ жизни Потемкина; увѣренъ, что вы сдержите свое слово:

Et je la crois plus pure,
Que l'autel des dieux entouré du parjure.

Обнимаю васъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю длинныхъ писемъ; у васъ есть досугъ, мысли, чувствованія—вамъ легко писать. Всей душой вамъ преданный Воейковъ. 18 IV/80 29. С.-П.-Б. № 174».

Но ожиданія Воейкова не исполнились; Стороженко долго не писалъ ему и наконецъ разразился 6-го октября 1829 г. коротенькимъ письмомъ. Причину этого мы увидимъ изъ самого письма послѣдняго:

---

[1]) Александръ Дмитріевичъ, землякъ и другъ А. Я—ча, былъ начальникомъ штаба ген.-фельдцейхмейстера, умеръ въ отставкѣ, въ Курскѣ, въ 1838 г.

«Виноватъ предъ вами, истинно почитаемый мною Александръ Ѳедоровичъ! Скакавши по свѣту съ апрѣля по августъ, неоднократно принимался за перо, чтобы хотя кратко написать вамъ, но путешествіе по неволѣ разобщало мысли; думалъ возвратясь описать все, что видѣлъ въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и за Дунаемъ, но то то, то другое перебивало. Впрочемъ, я заносилъ дорожныя впечатлѣнія въ записную книжку [1]) и если случай броситъ меня въ Петербургъ, то я попрошу васъ прослушать записанное. Одесса все еще въ оцѣпенѣніи: въ ней теперь ничего не пишутъ, кромѣ карантинныхъ записокъ, паспортовъ и объявленій о продажѣ съ публичнаго торга домовъ.

Вашъ Владиславлевъ, по полученіи мною отъ васъ письма, въ которомъ вы похвалили его, взятъ въ штабъ, занимается здѣсь письменными дѣлами и бываетъ у меня; я нашелъ въ немъ молодаго человѣка, достойнаго вашей похвалы. Истинно васъ уважающій А. Стороженко».

Оставивши въ 1831 году службу по военнымъ поселеніямъ и прикомандировавшись къ министерству полиціи, Стороженко переѣхалъ въ Петербургъ, на свободѣ занялся усерднѣе исторіей и подновилъ свои литературныя связи: «время въ литературныхъ занятіяхъ проходило быстро, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ; субботы Воейкова, въ которыя собиралось къ нему много пишущей братіи, дружескія бесѣды у стариннаго пріятеля моего Булгарина и сношенія со многими людьми мыслящими почти ставили уже меня на дорогѣ умственныхъ занятій, которая стлалась къ уединенію, къ пріюту и къ жизни частнаго гражданина».

Но судьбѣ угодно было иначе распорядиться: въ 1832 г. Стороженко былъ назначенъ состоять при намѣстникѣ Царства Польскаго и до 1850 г. не оставлялъ трудной дѣятельности въ этомъ краѣ. Переѣхавши въ Варшаву, Андрей Яковлевичъ продолжалъ переписку съ Воейковымъ. Первое письмо его къ послѣднему изъ Варшавы относится къ 24 октября 1832 г.:

«Обязанность моя неразлучна съ большими хлопотами, такъ что мало остается времени для отдыха и пріятныхъ занятій. Собрался, было, уже совсѣмъ писать къ вамъ, но толпа жидовъ, шляхтичей помѣшала. Пожалѣйте меня, напишите хотя нѣсколько строкъ о петербургской

[1]) Путевыя замѣтки эти вошли потомъ въ составъ статьи: „Два мѣсяца въ дорогѣ“. См. „Кіевская Старина“ 1886 г., май.

жизни, ибо въ этой Варшавѣ, которую я уподоблю огромной *кавярнѣ*, имѣя дѣло съ гордо-пресмыкающимися, ни о чемъ не мыслящими, скоро и самъ мыслить забудешь. Вы спросите, что такое кавярня? Кавярня или кофейня, ихъ въ Варшавѣ столько же, сколько и домовъ въ городѣ, не исключая и самыхъ монастырей. Для прислуги въ оныхъ и для приманки посѣтителей употребляются ловкія, безстыдныя и смазливыя женщины, одѣтыя по послѣдней модѣ парижскихъ субретокъ. Въ кавярняхъ сидитъ съ утра до вечера большая часть жителей Варшавы и вымышляетъ новости; патетическія восклицанія и вздохи упившихся о временахъ прошедшихъ, яко-бы лучшихъ, увлекаютъ и трезвыхъ въ разговоры вредные. Такая уличная жизнь поселяетъ безнравственность и въ самыхъ семействахъ.

Я все перечиталъ, что было написано здѣсь въ теченіе прошлыхъ 9 мѣсяцевъ безумія и ужасовъ, и ничего не нашелъ такого, чтобы не отдавало кавярней: гдѣ же тутъ просвѣщеніе? Если бы не скорбь о всеобщей деморализаціи, если бы не масса хлопотъ, то мнѣ жилось бы недурно, такъ какъ я имѣю счастіе служить при такомъ начальникѣ, съ какимъ не случалось мнѣ встрѣчаться за 27 лѣтъ».

Изъ писемъ Воейкова къ Стороженку за варшавскій періодъ жизни послѣдняго сохранилось въ бумагахъ только три; въ нихъ Воейковъ сообщаетъ различныя новости изъ культурной жизни Петербурга; одно посвящено разсказу о неожиданной кончинѣ Пушкина. Первое письмо помѣчено 23 сентября 1834 г.; въ немъ Воейковъ пишетъ между прочимъ:

«Вы оживили своимъ письмомъ дряхлаго старичишку, который пять мѣсяцевъ страдаетъ изнурительною болѣзнью! Вы изъ числа тѣхъ немногихъ людей, которыхъ любовь для меня драгоцѣнна и для пріобрѣтенія добраго мнѣнія которыхъ я готовъ сражаться съ великанами и захватить луну зубами.

Въ отсутствіе ваше изъ Петербурга со святою Русью множество чудесъ понадѣлалось. Доселѣ мы въ Европѣ блистали только штыками, гремѣли пушками, удивляли побѣдами; теперь знаменитѣйшій въ Европѣ живописецъ—русскій, Брюловъ; примадонна, получающая въ Большой оперѣ 40 т. франковъ жалованья,—россіянка, Шоберлехнеръ, урожденная Далл'окъ; превосходнѣйшій въ Парижѣ оперный пѣвецъ—русскій, Ивановъ [1])!

---

[1]) Шоберлехнеръ и Ивановъ составили себѣ извѣстность за границей, гдѣ первая провела большую часть, а второй и все время своей артистической карьеры. Ивановъ выѣхалъ туда вмѣстѣ съ М. И. Глинкою и при его участіи

Послѣ вашего отъѣзда написанъ историческій романъ, подъ заглавіемъ «Послѣдній Новикъ», не уступающій романамъ Вальтеръ Скотта. Сочинитель онаго, Ив Ив. Ложечниковъ [1]), начавшій въ 1812 году свое служебное поприще въ московскомъ гренадерскомъ полку, попеременно бывшій адъютантомъ генерала Писарева, Полуектова, принца Карла Мекленбургскаго и весьма долгое время графа А. И. Остермана-Толстаго [2]). Ложечниковъ женатъ по страсти, но не имѣетъ дѣтей. Онъ пишетъ другой историческій же романъ изъ временъ императрицы Анны Іоанновны; натурально, что кровожадный властолюбецъ, Биронъ, играетъ въ немъ главную роль. Одинъ отрывокъ былъ помѣщенъ недавно въ альманахѣ «Денница«. Я отъ него въ восхищеніи. Такъ и обдаетъ русскимъ духомъ!

Еще новость и весьма пріятная въ словесности. Вы знаете, что, послѣ безсмертныхъ трагедій Озерова, двадцатилѣтіе прошло и ни одной замѣчательной драмы не являлось на нашей сценѣ. Теперь вдругъ распустилось нѣсколько талантовъ высокихъ, блестящихъ, благовонныхъ. У васъ въ Варшавѣ заведена Смирдинымъ книжная русская лавка и навѣрное имѣются новыя трагедіи: «Баторій и Россія», соч. барона Розена; «Дмитрій Самозванецъ», соч, Хомякова; «Торквато Тассо», соч. Кирѣева; «Торквато Тассъ», «Джюліо Мости» и «Рука Всевышняго отечество спасла», соч. Кукольника.

За первую авторъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Государь черезъ Жуковскаго изволилъ сдѣлать Розену свои собственныя замѣчанія и приказалъ ему передѣлать свою трагедію для сцены, исключа царя Ивана Васильевича, сына его, царевича Іоанна и самоубійство русскаго Нерона. Автору отечественной трагедіи «Рука Всевышняго отечество спасла», молодому писателю Кукольнику, императоръ и императрица также пожаловали по драгоцѣнному перстню. Императоръ призывалъ его, благодарилъ, ободрялъ, дѣлалъ свои замѣчанія, весьма дѣльныя, доказывающія, что онъ внимательно читалъ ее. Генералъ-маіоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, братъ графа Алексѣя Ѳедоровича, столь извѣстный участіемъ въ заговорѣ 14-го декабря и еще болѣе умомъ, знаніями и буйными республиканскими правилами, кажется, присмирѣлъ и написалъ превосходную книгу «Государственный кредитъ».

Но всего удивительнѣе, всего непостижимѣе даже для насъ, состарѣвшихся на бумагомаранін, отчаянно храброе предпріятіе здѣшняго

подъ его руководствомъ совершенствовалъ себя въ пѣніи. Шоберлехнеръ умерла въ 1863 г. во Флоренціи, а Ивановъ спустя два года вблизи этого города, въ своей богатой виллѣ.

[1]) Изъ сподвижниковъ императора Александра I въ войну 1812 и послѣдующихъ годовъ.

книгопродавца А. Ф. Смирдина. Вообразите, что ему самому обходится журналъ его въ годъ около 190,000 рублей! Тутъ включается бумага, печатаніе, жалованье редактору, корректору и покупка статей у писателей. Смирдинъ платитъ по червонцу за стихъ А. С. Пушкину; по 400 рублей за печатный листъ (8 страничекъ) Александру Бестужеву [1]), многимъ по 300 рублей и никому менѣе 200 рублей!!

Не одинъ Смирдинъ, и другіе книгопродавцы развязали мѣшки: Булгарину за 4 части двухъ его романовъ «Мазепа» и «Чушкинъ» заплатили 15 т. руб.; Лажечникову за новый его романъ «Ледяной домъ» сулятъ уже 20 т. руб. Россія скачетъ, какъ конь Фальконета на памятникѣ Петра Великаго».

Второе письмо Воейкова къ Стороженку помѣчено 26-мъ февраля 1836 г.; въ немъ любопытны и для цѣли нашего очерка имѣютъ значеніе лишь слѣд. начальныя строки:

«Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Вы ужасно выросли, вы сдѣлались великаномъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались; вамъ подобаетъ честь, слава и поклоненіе. Я всегда съ жаднымъ участіемъ слушаю разсказы о васъ отъ варшавскихъ гостей. Знаю, что вы выдали замужъ вашу хорошенькую свояченицу [2]), которая вскружила головы всему штабу фельдмаршала, что Юлія Ивановна (жена А. Я.) была опасно больна, что вы со звѣздою путешествуете, сдѣлались помѣщикомъ Царства Польскаго, присоединили къ своей фамиліи названіе своего маіората [3]), что у васъ

Изъ красноогненна виссона
Подобный радуг[illegible]рядъ
Съ плеча десного полосою
Виситъ на лѣвую бедру».

Далѣе идутъ въ письмѣ просьбы и сообщенія совсѣмъ частнаго характера.

---

[1]) Декабристъ, по переводѣ изъ Якутска на Кавказъ писавшій подъ псевдонимомъ Марлинскаго и пріобрѣвшій популярность своими картинными, хотя и напыщенными описаніями кавказской природы и нравовъ. До ссылки помѣщалъ свои стихотворенія и разсказы въ „Сынѣ Отечества“ (1819) и „Соревнователѣ“ и 1823—25 гг. издалъ съ К. Рылѣевымъ три книжки замѣчательнаго въ свое яремя альманаха „Полярная Звѣзда“.

[2]) Любовь Ивановна Миркалона-Бобровская вышла замужъ за Александра Павловича Безака, впослѣдствіи кіевскаго генералъ-губернатора.

[3]) 4-го октября 1835 г. всемилостивѣйше пожаловано было Стороженку м. Хенцины кѣлецкой губ. на правахъ маіората.

Послѣднее сохранившееся письмо Воейкова къ Стороженку помѣчено 4-мъ февраля 1837 г. Въ немъ разсказывается между прочимъ о смерти Пушкина: но этотъ разсказъ не сообщаетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что уже извѣстно объ этомъ предметѣ, а потому опуская самый разсказъ, мы приведемъ лишь начало и конецъ письма, свидѣтельствующіе о тѣсной связи пишущаго съ Стороженкомъ.

„Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Я обрадовался вашему письму, какъ радуется петербургскій житель ясному осеннему дню, или встрѣтивъ жаркую душу, еще не зачерствѣвшую отъ исканія почестей и денегъ. Вмѣстѣ съ благодарностью позвольте попенять за краткость письмеца вашего. Оно только раздражило, расшевелило дружбу мою, а не насытило желанія узнать о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Какъ будто-бы меня не интересуетъ, что подѣлывается у васъ дома, какъ будто бы мнѣ все равно, знать или не знать о томъ, что вы, живучи съ поляками, не разлюбили православной Руси, ея литературы, ея жрецовъ и представителей, между которыми и азъ служу пономаремъ. На дняхъ мы схоронили великана родной поэзіи. Пушкинъ убитъ“....

Я видѣлъ здѣсь мелькомъ, не помню у кого, книгу прелюбопытную: «Исторія второй половины польскаго похода 1831-го г.», Г. М. Окунева [1]). Здѣсь ее достать нельзя. Если это не такъ важно, то пришлите мнѣ экземпляръ по русски чрезъ начальника фельдъегерей Сакса. Черезъ него всегда я вѣрно получаю изъ Варшавы всѣ посылки и письма.

Напишите мнѣ длинное письмо и такое блестящее искрами ума, чтобы его можно было напечатать въ моихъ Oeuvres posthumes.

Съ высокимъ уваженіемъ и сердечною преданностью за отличную честь поставляю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою, А. Воейковъ. С.-П.-Б. № 169. Дуббельтъ [2]), Владиславлевъ, Крашенинниковъ [3]), Ольденбергеръ [4]) бьютъ вамъ челомъ“.

---

[1]) Книга эта написана по-французски и издана въ СПБ. въ 1835 г. Авторъ оной состоялъ для занятій собственно при Паскевичѣ.

[2]) Леонтій Васильевичъ, управляющій III-мъ отдѣленіемъ.

[3]) Сергѣй Петровичъ, редакторъ „Морскаго Сборника“, сотрудникъ многихъ періодическихъ изданій.

[4]) Начальникъ типографіи и архива главнаго штаба военныхъ поселеній.

Къ началу варшавскаго періода жизни Стороженка относится единственное сохранившееся письмо къ нему Николая Ивановича Греча [1]), которымъ Гречъ приглашалъ его принять участіе въ затѣвавшемся тогда Conversations-Lexicon'ѣ на русскомъ языкѣ. По тону письма Греча можно судить о близости ихъ отношеній. Гречъ, какъ мы упоминали выше, былъ издателемъ «Мыслей Малороссіянина». Письмо Греча помѣчено 15 марта 1834 г.:

«Любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ! Благодарю тебя душевно, что ты не забываешь меня. Александръ Павловичъ Безакъ, конечно, скажетъ тебѣ, что и я тебя крѣпко помню. Что это вы запропастились въ злочестивой и вѣроломной Варшавѣ! Бросьте ее, да пріѣзжайте къ намъ на берега финскихъ водъ. У насъ шумно и весело. Литература идетъ славно. Теперь затѣваемъ даже Conversations-Lexicon на русскомъ языкѣ. Завтра по этому случаю у меня въ домѣ соборъ ученыхъ и словесниковъ. Что, нельзя-ли завербовать и тебя касательно исторіи и географіи Малороссіи? Я печатаю свой романъ «Черная женщина» и первый экземпляръ пошлю Юліи Ивановнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе. Прости, любезнѣйшій, не забывай твоего неизмѣннаго друга Н. Греча».

Къ варшавскому же періоду относятся три письма къ Стороженку отъ Владиміра Андреевича Владиславлева [2]). Это тотъ самый уланскій юнкеръ, котораго рекомендовалъ Стороженку Воейковъ въ письмѣ отъ 6-го октября 1829 г. и который при содѣйствіи Андрея Яковлевича былъ переведенъ въ Елисаветградъ. Знакомство ихъ продолжалось и потомъ и поддерживалось письмами. Первое сохранившееся письмо Владиславлева относится къ 13 февраля 1837 г. Отвѣчая на запросъ Андрея Яковлевича о томъ, какимъ образомъ редакція «Литературныхъ Прибавленій» къ «Русскому Инвалиду» перешла къ Краевскому, Владиславлевъ пишетъ ему слѣд.:

«Въ прошломъ году А. Ѳ. Воейковъ, соскучивъ отъ журнальныхъ заботъ и перебранокъ, предложилъ мнѣ взять на себя редакцію

[1]) Род. 1787 г., † 1867 г., первоначально учитель словесности. Съ 1807 г. по 1841 г. редактировалъ до пятнадцати газетъ и журналовъ, изъ которыхъ „Сынъ Отечества“ (съ 1812 г.) и „Сѣверная Пчела“ (съ 1825 г.) были въ свое время самыми распространенными.

[2]) Написалъ четыре тома „повѣстей и разсказовъ“ (СПБ. 1835—38 г. 12⁰), издалъ „Альманахъ на 1838 г.“ съ гравюрами (СПБ. 1838 г. 12⁰); но особенно пріобрѣлъ литературную извѣстность изданіемъ альманаха „Утренняя Заря“ (5 книгъ. СПБ. 1839—43. 12⁰).

Литературныхъ Прибавленій. Черезъ два мѣсяца я передалъ ее Плюшару [1]), но съ тѣмъ однакоже, чтобы журналъ сей выходилъ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Краевскаго, редактора журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Краевскій очень молодъ, прекрасно образованъ, съ твердыми нравственными правилами, дѣятеленъ и, не принадлежа ни къ какой литературной партіи, любимъ всѣми извѣстнѣйшими нашими писателями. Я увѣренъ, что журналъ его со временемъ будетъ однимъ изъ лучшихъ. Александръ Ѳедоровичъ остался отвѣтственнымъ издателемъ передъ правительствомъ, а я дѣятельнымъ сотрудникомъ и получаемъ отъ Плюшара за передачу права по 6 тысячъ рублей въ годъ каждый; контрактъ сдѣланъ на пять лѣтъ. Не знаю, за что Господь наградилъ меня этимъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ. Вашъ лестный отзывъ о статьѣ Краевскаго порадовалъ его благородную, теплую душу; въ этомъ случаѣ и Петербургъ отдалъ ему должную справедливость. Мнѣніе ваше о «Литературныхъ Прибавленіяхъ» дорого цѣнится издателями, потому что оно ваше и потому что благосклонный отзывъ вашъ даетъ имъ возможность распространить журналъ въ Царствѣ Польскомъ.

Смерть Пушкина поразила Петербургъ. Россія извѣрила ему единственное свое вдохновеніе, рѣдкое и случайное; сплетни большаго свѣта погубили его. До 100/т. человѣкъ приходило въ домъ Пушкина проститься съ его прахомъ. Тѣло его перевезено для погребенія въ псковскую губернію».

Письмо Владиславлева отъ 5-го мая 1838 г. въ другомъ мѣстѣ и для другихъ цѣлей могло бы представить большой интересъ, такъ какъ подробно сообщаетъ о тогдашнемъ положеніи нашей литературы. Тутъ проходятъ предъ вами съ пространными и краткими аттестаціями: Бенедиктовъ, Крыловъ, Жуковскій, Вяземскій, Лажечниковъ, Одоевскій, Козловъ, Гоголь, Кукольникъ, Растопчина, Плетневъ, Гребенка, Панаевъ, Кольцовъ и много другихъ менѣе извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей того времени, перечисляются музы-

---

[1]) Адольфъ Александровичъ Плюшаръ (род. 1806, † 1865 г.) извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ издателей. Самымъ значительнымъ его изданіемъ былъ Энциклопедическій Словарь въ количествѣ 17 томовъ (1835—1841 гг.); кромѣ того имъ изданъ „Живописный Сборникъ“ (1850—52—53—57—58 гг.), „Донъ-Кихотъ“ съ иллюстраціями, „Собраніе анекдотовъ“ 4 т., служащее продолженіемъ „Тысячи и одного анекдота“ (1857 г.) и т. д.—См. Иллюстрированная Газета, 1865 г., № 13.

кальныя знаменитости, перебираются по косточкамъ журналы: Библіотека для чтенія, Сынъ Отечества и Московскій Наблюдатель, сообщаются свѣдѣнія о Сѣверной Пчелѣ и Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, принадлежавшихъ теперь самому же Владиславлеву, и все это заканчивается такимъ характернымъ для того времени и самого пишущаго сообщеніемъ:

«Главнымъ лицемъ въ литературѣ—это книгопродавецъ Смирдинъ. У него на откупу Сеньковскій, Гречъ, Булгаринъ и Полевой. Не смотря на одного хозяина, прикащики ссорятся между собою слѣдующимъ образомъ: Сеньковскій со всѣми, Гречъ съ Сеньковскимъ, Булгаринъ съ Полевымъ, Полевой съ Булгаринымъ и Сеньковскимъ. По послѣднимъ слухамъ Полевой изгоняется изъ этой касты за ссору съ Булгаринымъ. Эта монополія Смирдина губительнѣе всего для молодыхъ писателей, отъ него зависитъ дать книгѣ ходъ и слѣдовательно извѣстность автору. Вотъ въ какомъ положеніи наша литература. Скажите, не жалка ли она? Я не прибавилъ ни одного чернаго пятнышка».

Для нашего очерка изъ всего этого обширнаго и во многомъ любопытнаго письма имѣютъ значеніе лишь слѣд. заключительныя его слова: «Если письмо мое слишкомъ длинно, вспомните, что вы сами просили подробностей. Я старался исполнить требованіе ваше, какъ можно усерднѣе». Слова эти могутъ служить указаніемъ на то, въ какой степени лице, къ которому писано письмо, интересовалось всѣмъ ходомъ современной ему литературы и всѣми его проявленіями.

Послѣ этого длиннаго посланія, Владиславлевъ и Стороженко довольно долго не писали другъ другу за недостаткомъ времени; только въ 1848 г. отозвался опять Стороженко, приглашая Владиславлева пріѣхать когда-нибудь къ нему въ деревню:

«Встрѣчу тебя, любезнѣйшій другъ Владиміръ Андреевичъ, съ распростертыми объятіями и привѣтствіемъ искренняго нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ пишешь, или въ Варшавѣ, или въ Германіи, куда опять отправляюсь къ цѣлительнымъ водамъ для моихъ упадающихъ подъ тяжестью трудовъ и заботъ силъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Чувствую, что послѣднія, т. е. spiritus vitalis, улетаютъ годъ отъ году, какъ веселые гости съ пира, на которомъ хозяинъ дѣлается усталымъ, скучнымъ, отяжелѣлымъ.

Мнѣ жаль, если Володя мой не можетъ бывать у тебя часто. Онъ любитъ читать, еще болѣе слушать, по національной склонности

украинцевъ, все полезное и занимательное; любитъ полуденное небо и зеленѣющія равнины, съ которыхъ на утренней зарѣ лѣниво поднимается туманъ, какъ-бы согласуясь съ тяжелыми на подъемъ обитателями привольной природы. Онъ говорилъ мнѣ, какъ землякъ его Гребенка, коего разсказы я самъ люблю читать, описывалъ наслажденіе возлежать на травкѣ подъ вишнею, или яблонею, и я радовался принимаемымъ имъ впечатлѣніямъ, развивающимъ любовь къ родинѣ.

Если Богъ благословитъ осѣсть мнѣ въ Украинѣ—пріѣзжай, я покажу тебѣ украшающія хату мою произведенія Мориллоса, Рафаэля, Менгса, Тинторетто, Лагрене, Каналетто, Гамильтона, Остаде, Гакерта [1]) и другихъ художниковъ; покажу книги славянскихъ манускриптовъ и касающихся Руси; покажу, наконецъ, рукописные труды мои по сему предмету, и мы проведемъ весело время. Привози съ собою и Гребенку, а между тѣмъ попроси его написать хотя коротенькое замѣчаніе на «Исторію Малороссіи» Маркевича. Недавно мнѣ случилось прочесть въ »Русскомъ Вѣстникѣ» изъ означенной компиляціи «Гетманство Барабаша», гдѣ описывается возстаніе Хмельницкаго и авторъ не знаетъ, что у Крутой Балки были взяты въ плѣнъ два гетмана польскихъ—Потоцкій и Калиновскій, о чемъ пишутъ всѣ польскіе историки.

Недавно также я читалъ у Френа путешествіе араба Ибнъ-Фоцлана въ X стол., который описываетъ, что Русы, жившіе на Волгѣ, по сожженіи тѣлъ умершихъ, насыпаютъ надъ ними курганъ и ставятъ на ономъ столбъ съ надписью именъ покойнаго и владѣющаго страной князя. Спрашивается—какими буквами они писали тогда? Слѣд. Венелинъ правъ во многомъ, а особливо въ томъ, что славяне имѣли грамоту и до Кирила и Меѳодія. Но я записался; извини, если отвлекъ тебя отъ занятій твоихъ.

До свиданія, желаю тебѣ здоровья и счастья, какъ искренній твой пріятель. А Стороженко. 8 февраля, Варшава».

На это письмо былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Владиславлева отъ 24 марта 1842 г.

---

[1]) Мориллосъ (1615 г.) и Гамильтонъ (Jean Georges 1666—1740 г.) школы фламандской; Гакертъ (Вильгельмъ 1748—1780) и Менгсъ (Измаилъ 1690—1764) нѣмецкой; Остаде (Исаакъ 1613—1671) и Лааръ (Петръ 1613—1673.) голландской, Каналетто (Антоній 1697—1768) итальянской, Лагрене (Louis-Jean-François 1724—1805.) французской школы. Подробнѣе см. Dictionnaire historique des peintres etc. Adolphe Siret. Paris. 1855. P. 23, 45, 49, 113, 207, 217, 219, 226, 258, 441.

«Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Какъ благодарить васъ за ваше письмо отъ 8-го февраля, въ которомъ вы приглашаете меня къ себѣ на хуторъ. Сбудется ли это когда-нибудь? Голубое небо, дивная природа, отсутствіе тревожныхъ заботъ, отсутствіе неестественной, судорожной дѣятельности, тишина, покой, свободное раздумье, произведенія лучшихъ европейскихъ живописцевъ—все это снится мнѣ и я безотвѣтно спрашиваю, когда же это будетъ?

Да, много и много надобно потрудиться, прежде нежели прійдется промѣнять службу на тогу гражданина. Для частной жизни нужны средства, а я только еще бросаю сѣмена, не зная, какіе будутъ всходы.

Въ нынѣшнемъ году никакъ не удастся уѣхать изъ Петербурга. По должности много хлопотъ».

Изъ письма Стороженка къ Владиславлеву видно, что онъ любилъ не только науку, литературу, но и искусства; онъ собралъ большую и цѣнную картинную галлерею, судьба которой, увы! крайне печальна; самыя лучшія вещи достались меньшему сыну его и были распроданы послѣднимъ сильно испорченными, только восемнадцать менѣе цѣнныхъ картинъ сохранилось у старшаго сына его.

Если прибавить къ этой любви произведеній живописи музыкальный талантъ, которымъ былъ одаренъ Андрей Яковлевичъ, и весьма недурной голосъ, прекрасно исполнявшій украинскія пѣсни, то мы увидимъ, что это была личность во всѣхъ отношеніяхъ щедро надѣленная природою и заслуживающая памяти потомства.

Н. В. С—ко.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1]).

1801-й годъ началъ я благополучно, но не совершенно здоровъ отъ болѣзни-же ноги. Едва могъ и винокурню смотрѣть, а положится было не какого, и такъ вышеписанныя нужды сносилъ я съ горестью. Въ нуждахъ же моихъ домашнихъ помогалъ мнѣ деньгами старой мой благопріятель, князь Михайла Яковлевичъ Друцкой-Соколинскій. А между тѣмъ загремѣла громкая вѣсть о смерти скоропостижной імператора Павла I-го и о возшествіи на престолъ Александра I-го, отъ котораго полились источники милостей всѣмъ страдавшимъ въ ссылкахъ и другихъ нещастіяхъ, какъ о томъ изъявляютъ милостивыя его манифесты и утвержденная въ прежней своей силѣ дворянская грамота. Болѣзнь же ноги моей не умалялась, но и паче умножилась, а потому когда нужно было мнѣ по дѣлу вышеписанного благопріятеля князя Соколинского ѣхать въ городъ Землянскъ, то я сіе путешествіе совершилъ съ великою скорбію. А какъ обѣщаніе мое сей годъ отдать поклонъ чудотворной иконѣ въ Кіевѣ и почивающимъ тамо чудотворцамъ не исполнялось, по притчинѣ недостатковъ, то и отправился я съ женою для сего въ Холковъ упраздненный монастырь къ чудотворной Казанской Божіей Матере иконѣ іюля 19-го, гдѣ подъ Ильинъ день какъ заутреню, такъ и въ день оный литургію съ акафистомъ слушалъ благоговѣйно, однако сидя, не могши стоять, и просилъ Божію Матерь о исцѣленіи, полагая нѣкоторый и обѣтъ. По окончаніи-же литургіи, когда пришелъ въ квартиру мою тамошней священникъ Афанасій съ причтомъ и между разговорами узнавши о болѣзни ноги моей, то и совѣтовалъ мнѣ прикладывать ко оной листы кислой капусты. Время оной быть таковою тогда не позво-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., октябрьск. кн., стр. 230—268.

ляло, а я, надѣясь на милость во исцѣленіи Заступницы усердныя, положилъ таковую-жъ кислость быть и ползу отъ уксуса, коимъ когда началъ по часту примочивать болное у ноги мѣсто, то чрезъ мѣсяцъ получилъ почти совершенное исцѣленіе, оставшая-же небольшая ранка помогала истеченію дурной матеріи и мнѣ боли никакой не причиняла, почему для свиданія съ сестрою Марфою Осиповною и другихъ дѣлъ ѣздилъ я въ Харковъ въ августѣ, а потомъ во исходѣ сентября къ князю въ село Михаль-Полье совершенно уже здоровъ; потомъ въ октябрѣ въ Бѣлгородъ къ преосвященному Ѳеоктисту, который во время коронаціи, бывшей 15-го сентября, произведенъ архіепископомъ, просить, дабы бывшаго моего духовного отца, въ Слоновки священника Іосифа, сына его діакона Іоанна произвелъ въ Слоновку во третьяго священника и въ той прозбѣ успѣлъ: онъ 14-го ноября пріехалъ изъ Белгорода священникомъ, а на мѣсто его опредѣленъ изъ Михайловки діяконъ Василій Стефановскій. Между тѣмъ-же, исправя винокурню, производилъ въ оной, за недостаткомъ воды (ибо бывшій при оной прудъ изсохъ до капли) въ колодезѣ и по притчинѣ дороговизны въ 3 рубля четверти хлѣба, винокуреніе съ нуждою, но съ выгоднѣйшимъ противу прошлогоднего выходомъ вина. Сего года осень съ начала ноября была весьма дожливая за силною грязью и половодьями по новой годъ, а снѣгу вовсе и не было, отчего хлѣбу цѣна возвысилась до 3 р. 30 к., также и дровамъ, коихъ въ привозѣ вовсе и не было, и оттого винокурни, а паче моя бѣдная, имѣли великую нужду и недостатокъ, но вино било виходно. И съ симъ, успѣвая въ здоровьи, кончили сей годъ, слава Всемогущему Богу, благополучно.

1802-го года генваря 1-го послѣ заутрени, когда поехалъ я къ винокурнѣ для пріема вина верхомъ, то по ложкамъ и рѣчки, при моей винокурнѣ находящейся, шла отъ бывшаго въ ночи силнаго дождя великая полая вода и теплота силная. Потомъ день былъ мало свѣтенъ, а наконецъ къ вечеру дождь и силной снѣгъ до полуночи, а къ свѣту морозъ, и тутъ начали имѣть перво санную 2-го числа путь. Когда-жъ вскрылась рано марта съ 1-го благопріятная и дождливая весна, то хлѣбу цѣна упала вдругъ до 1 р. 50 к. за четверть. Овощъ всякая на древахъ силно цвѣла, но силныя во исходѣ апреля и до половины мая морозы всѣ цвѣты повредили и ничего не оставили, даже овесъ и просо позазябли.

Имѣя-же въ сердцѣ непремѣнное исполненіе обѣта быть въ Киевѣ и отдать чудотворной Божія Матере иконѣ и святыхъ нетлѣннымъ мощамъ поклонъ, отправился съ женою въ Киевъ 23-го іюля по полудни въ 8-мъ часу и 2-го числа августа прибылъ благополучно въ Киевъ, гдѣ исправя достодолжныя молитвы и поклоненія, былъ изъ женою 6-го числа причастникомъ святыхъ Таинъ, а 7-го числа оттоль и выѣхалъ, имѣвъ какъ туда, такъ и обратно себѣ попутчикомъ секретаря Григорія Корецкого, и 19-го въ 9-мъ часу по полуночи прибылъ въ домъ свой благополучно и домашнихъ засталъ здравыхъ и благополучныхъ.

Между тѣмъ октября 1-го числа въ ночи старый мой другъ, князь Михайла Яковлевичь Друцкой-Соколинскій, пріѣхавъ ко мнѣ въ домъ съ капитаномъ Ѳедоромъ Враскимъ, уговорили меня, чтобы взялъ на себя должность повѣренного писменныхъ ихъ по бирючаня скому откупу дѣлъ и принялъ-бы кумы моей, прапорщицы Екатерины Шидловской имѣніе, состоящее по бирючанской, кротоянской и новооскольской округахъ, въ полное хозяйственное распоряженіе, которое какъ было по суду въ спорѣ и онъ съ нею долженъ былъ отправится по апелляціи въ Петербургъ, чтобъ было не расхищено претендателемъ Шидловскимъ, котораго дѣла прежде исправлялъ я въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ; то сіе хотя для меня было и тягостно, а паче противу бывшаго пріятеля, но прежняя княжая дружба и милости превозмогли и на то меня убѣдили, и я за сіе, получа отъ нихъ полныя довѣренности, принялся. И какъ толко вступилъ въ сіи дѣла, то дочь моя Марѳа, бывъ 13-ти лѣтъ, 18-го октября во 2-мъ часу по полуночи умре, бывъ болна доволное время, которую оплакавъ, мы, какъ долгъ родителей велитъ, 19-го числа и похоронили въ саду, состоящемъ противъ моего дому на полугорѣ. Потомъ ѣздилъ я по дѣламъ княжимъ въ Бирючь и Алексѣевку, а по дѣламъ кумы въ Покудинскую ея деревню и возвратился оттоль благополучно. А какъ сіи дѣла многохлопотны, то въ декабрѣ и принужденъ былъ ѣхать въ Воронежъ и Кротоякъ и оттоль возвратился уже 28-го числа, потерпѣвъ доволно въ пути силной стужи, въ тыя дни продолжавшейся, и благополучно въ домѣ окончилъ сей годъ.

1803-й годъ началъ я въ домѣ, гдѣ и праздникъ Крещенія проводилъ благополучно. Но какъ претендатель въ имѣньи Катерины, деверь ея Евдокимъ Шидловскій, наносилъ разныя приценки

и притесненіи, то и принужденъ былъ я вторично по дѣламъ ѣхать въ Бирючъ, Кротоякъ и Воронежъ съ прозбою къ губернатору и по присудственнымъ мѣстамъ, отколь возвратился домой февраля 5-го. Тутъ же присовокуплены были дѣла и княжіе, кои также занимали мѣста и время, не толъко тамо, но по пріѣздѣ и въ Новомъ-Осколѣ. Начавшаяся-же въ генварѣ и продолжавшаяся весь февраль силная стужа дала мнѣ въ пути и въ домѣ много чувствовать, во время которой, простудя я болную свою ногу, крѣпко занемогъ и лежалъ пять недѣль до вербнаго воскресенья, въ кое время мало-мало не отправился въ поля Елисейскія, но Божія милость и еще меня для покаянія оставила жива. По виздоровленіиже маия 9-го отправился паки я по тѣмъ-же дѣламъ въ Воронежъ а оттоль возвратился 20-го числа того-жъ мѣсяца благополучно. И въ августѣ мѣсяцѣ также нужно было быть въ Воронежѣ и Кротоякѣ по тѣмъ-же дѣламъ, но успѣха уже было мало и шла толко одна переписка мною съ княземъ и Катериною Шидловскою въ Петербургѣ. А между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ исъ Таганъ-рога штапъ-докторъ Данило Яковлевичъ Пищеновъ и бывшихъ, на мое имя купленныхъ у Гринева священникомъ Герасимомъ Пищеновымъ крепостныхъ людей, у Бабаева жившихъ, взялъ къ себѣ въ Таганърогъ, на коихъ я и здѣлку законную, для совершенія въ Екатеринославѣ крѣпости, ему выдалъ. Онъ обязался было и мою ногу вылечить, но успѣха было въ томъ за отъѣздомъ его мало. Чаяніе-же скораго окончанія дѣлъ княжихъ и Екатерины Шидловской питало вседневно надежду нашу и силы.

Кончили 1803-й годъ благополучно, а дождавъ 1804-го года, въ день праздника Богоявленія Господня случились у меня гости, съ коими я погулялъ доволно. Когда получилъ ночной покой въ 12-мъ часу по полудни, какъ разбудили меня и подали писмо княжое, въ комъ извѣщаетъ онъ меня, что уже нечаянно приехалъ сеи ночи въ Шараповку, то немедля я икъ ему ночью-жъ и уѣхалъ и засталъ какъ хозяевъ въ Шараповки Скибиныхъ, такъ и князя еще спящихъ, а какъ увидѣлись, то и радость обоюдная имѣла дѣйствіе великое. Потомъ того-жъ дни пустились мы въ свой откупъ до Верхососенки и тамъ найшли все въ порядкѣ, а оттоль въ Подсереднее къ помѣщику Какурину, гдѣ и ночевали. На другой же день, приехавъ въ Алексѣевку (8 генваря), нашли повѣренного

Шевлякова, дышущаго коварствомъ, съ бывшимъ княжимъ осмнадцатилѣтнимъ другомъ капитаномъ Враскимъ, кои давно уже сложились весь откупъ захватить въ свои руки, а князя удалить, потому что Враскаго залога было 75 душъ. И съ сего времени дѣла шли подъ политикою, да и недоимки было уже Враскимъ накоплено 4,000 рублей умышленно, чтобъ и симъ можно было подстрекнуть. Сіе стоило мнѣ и князю доволныхъ трудовъ денно-нощныхъ. А между тѣмъ по доносамъ маіора Внукова и прозбѣ княжой, поданной імператору, прислань въ Воронежъ сенаторъ Жухановъ для слѣдствія по именному указу, какъ о волности привилегій винокуренія, такъ и по другимъ дѣемымъ по присудственнымъ мѣстамъ неправдамъ; куда какъ слѣдовало благодѣтелю моему князю явится, то и я съ нимъ для писмоводства отправились на масляницы 6-го марта ночью изъ Алексѣевки въ Воронежъ и тамо пробыли до вербнаго воскресенія, отколь прибылъ я домой, за разлитіемъ рѣки Дона, въ великую пятницу благополучно, бывъ однако-жъ въ Воронежѣ боленъ дни четыре. А проведя свѣтлой праздникъ, на Фоминой неделѣ отправился въ Алексѣевку; потомъ къ Николаеву дню съ княземъ приехали въ Слоновку и, погулявъ доволно, разъѣхались. После жъ того, до сентября мѣсяца происходили какъ въ палату, такъ и губернатору разныя объ откупѣ обоюдныя прозбы, касательныя до откупа. А между тѣмъ нужно было князю по требованію ѣхать въ Петербургъ, куда онъ и отправился благополучно, вручивъ весь откупъ въ полное мое распоряженіе. Какъ только узналъ Враскій, что князь уѣхалъ въ Петербургъ, то и обратилъ всю свою злобу на меня и подаваемыми въ судъ бумагами гналъ, сколко его было возможностн, кои не самъ сочинялъ, а бирюченскій стряпчей, бывшой князю прежде другомъ (такъ какъ Враскій, бывъ прежде 18 лѣтъ другъ, а нынче врагъ). Много и съ моей стороны было возраженій противу его бумагъ защиты, но помощь съ его стороны, а противу князя злоба вице-губернатора Кологривова превозмогли, для чего всю зиму и весну жилъ я въ Алексѣевки почти безъ выезду, защищая своего благодѣтеля и откупъ, почему имѣлъ не мало хлопотъ и печали болше, нежели о своихъ дѣлахъ и домѣ. И съ сими суетными и многопечалными дѣлами кончилъ сей годъ.

Въ началѣ 1805-го года въ генварѣ, когда пріехалъ я въ Алексѣевку, то и болше усугублялись хлопоты и дѣла, а паче пото-

му, что и земскій и уѣздный суды имѣли руку Враского, междужъ тѣмъ учинилось отъ повѣренныхъ объездныхъ, между коими были и княжія люди, въ полѣ смертоубійство, по которому также не безъ скорби и хлопотъ было, о чемъ, подкрѣпляясь писмами князя, стоялъ еще я зъ силою. А Враскій, стряпчей, вице-губернаторъ и земскій и уѣздный суды дышали злобою, однако подъ видомъ доброй якобы личины. Слава Богу, что все сіе время былъ я здоровъ и могъ исправляться со всѣми. Наконецъ палата велѣла откупъ здать Враскому, кои, прибывши на мѣсто зъ судомъ, меня и всѣхъ повѣренныхъ 2-го іюня и отрѣшили. И такъ на мѣстѣ святѣ стала мерзость запустѣнія, родъ Шевляковыхъ, родъ скверный и плутовствомъ исполненный, а я, удалясь въ домъ, до августа мѣсяца жилъ покойно и исправлялъ свою економію. Въ августѣ съ перваго числа ѣздилъ я въ Воронежъ и Кротоякъ по дѣламъ объ откупѣ княжомъ и для взятыя деревни Набережной во владѣніе Катеринѣ Ивановнѣ Шидловской, по именному повелѣнію утвержденной, и 19-го числа возвратился въ домъ, бывъ въ пути боленъ отъ ноги и лихорадки. Въ сіе время полки двинулись на границу полскую по притчинѣ неспокойной Франціи, консула которой Бонапартія россійская, рымская и турецкая имперія съ Англіею признать императоромъ не хотѣли. Рымскаго императора совокупныя съ россійскими войска измѣнили, и при Аустрелицѣ по сей притчинѣ много нашихъ побито, чемъ сія компанія и кончилась съ невыгодою для Россіи.

По домашней-же моей економіи, когда велѣно было по искамъ, на меня. отъ Волкова имѣвшимся, взыскать девять сотъ рублей денги и бывшую въ залогѣ мою землю продать съ аукціона, то я, предупреждая оное, принужденно продалъ земли сто шестнадцать десятинъ Григорію Корецкому, взявъ за десятину по двадцати рублей, пошлини-жъ и протчія убытки взялъ онъ на себя, а торговавшіе прежде слоновцы, яко изрядные плуты, отъ покупки отказались; однако въ Курскъ ѣздили и торговались со взносомъ 900 р., чѣмъ первый торгъ и кончился, а за симъ наступилъ и 1806-й годъ.

И такъ я, получа отъ покупщика у меня земли Григорія Корецкого тысячу рублей денги, отъправился 6-го генваря въ Курскъ и, уплатя въ губернскомъ правленіи бывшей на мене искъ сполна и получа росписку, возвратился въ домъ свой благополучно и, симъ

сіе бѣдствіе прекратя, остался покоенъ. Потомъ, въ маѣ мѣсяцѣ, отправясь въ Курскъ и соверша на оную землю купчую, опредѣлилъ и сына моего Петра въ гражданской палатѣ къ дѣламъ, возвратился въ домъ свой боленъ лихорадкою и лишась ста шестьнадцати десятинъ земли, взывалъ: слава Богу о всемъ! Господь даде, Господь и взялъ. Лѣто-жъ все упражнялся въ перестройкахъ куфни, бани, конюшни и винокурни, съ чѣмъ достигъ и осени. А осенью, когда наступило время винокуренія, то окончивъ постройку, принялся курить и вино, и хотя дороговизна трехъ рублевой цѣны хлѣбу была и скучна, но Богъ пополнялъ мои обороты скорою продажею вина. Тутъ наступило время, въ которое велѣно было имяннымъ повелѣніемъ, по притчинѣ съ французами войны, формулировать милицію или земское войско и вооружить ихъ пиками и протчимъ. Сіе хотя было и не безъ отягощенія народнаго, однако необходимость того весма требовала для защиты отечества отъ врага, который въ два или три силныя съ нимъ сраженія хотя и побѣжденъ былъ, однако много погубилъ россійскаго воинства. Императора-же рымскаго и короля прускаго съ ихъ государствы совсѣмъ почти ниспровергнулъ и въ конецъ грады и народовъ ихъ разорилъ, а зъ симъ 1806-й годъ кончился.

По наступленіи-же 1807-го года зима была весма тепла и снѣгу очень мало, почему въ генварѣ и февралѣ мѣсяцахъ военныя дѣйствія и не преставали. Весна вскрылась съ половины февраля, воды полой почти, за неимѣніемъ снѣгу, не было и сѣвъ хлѣбу начался въ половинѣ марта. Теплота настала и къ вербному воскресенью верба была ужъ съ листьями, а на свѣтлой недѣлѣ дерева зеленѣли съ неболшими толко холодными вѣтрами. Но хлѣбу всякому всходы были уже весма изрядныя, отчего и въ продажѣ онаго цѣна доволно унизилась. Тутъ я и паки платилъ долгъ природѣ и бренному моему тѣлу и былъ боленъ лихорадкою, а также и всѣ почти мои домашные поочередно. А между тѣмъ въ половинѣ мѣсяца апреля къ свѣтлому празднику, бывшему тогда 14-го числа, винокуреніе мое и остановилъ благополучно, взывая: слава Богу о всемъ! Апреля-жъ 22-го начавшаяся снѣговая метель продолжалась цѣлыя сутки и снѣгъ былъ доволно великъ; потомъ вскорѣ и пропалъ, а стужа съ вѣтрами продолжалась. А какъ скоро настало сухое лѣтнее время, то и паки въ арміи началось

кровопролитіе, и въ трехъ силныхъ сраженіяхъ много погибло какъ россійскаго, такъ и французскаго войска, о чемъ исторія подробно изъяснить не применетъ. Однако сіе зло 27-го іюля заключеннымъ миромъ хотя и прекращено, но съ турками близъ Дуная и за Кубанью война не преставала и также кровъ лилась обоюдно.

Милиція числомъ хотя и убавлена, но сихъ осталныхъ обучали совершенно артикулу военному неослабно и велѣно быть готовымъ къ походу, отчего многихъ въ сей службѣ записавшихся волею постыло уныніе и охота отъпала. А по симъ нужнымъ обстоятелствамъ нужно было верховной власти двинуть къ сраженію со врагомъ и кочующія подданныя Россіи народы, яко то: башкировъ и калмыковъ. Башкиры шли на Калугу и Воронежъ, а калмыки на Черкаскъ и Волуйки и подъ Новымъ Осколомъ и Тимомъ простоявъ болше мѣсяца, возвращены на Кубань, потому что и съ той стороны была съ черкесами и турками война. И такъ слобода Слоновка видѣла сихъ народовъ вторично, которыя отъ прускаго похода, то есть 1758-го года, до сего времени здѣсь не бывали, а потому и служили людямъ удивленіемъ въ своей жизни, одѣяніи и проворствѣ въ ѣздѣ верхами на лошадяхъ.

Осень сего года наступила мокрая, и дожди начались по окончаніи сухаго лѣта августа съ 15-го, почему хлѣбъ съжатый и не жатый остался въ поляхъ до зимы и много отъ гнилости претерпѣлъ вреда. Снѣжная-жъ путь началась съ 5-го декабря, почему до сего времени винокурни, не имѣя дровъ, терпѣли немалую нужду. Милиція обучена была артикулу крѣпко и готова стала въ походъ, ибо манифестомъ, изданнымъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, велѣно было оную всю помѣстить въ армію и флотъ. И такъ сіе волное войско обращено въ регулярное и изъ военныхъ козаковъ стали чистыя солдаты. Хлѣбу цѣна отъ непогоды поднялась до 3-хъ р. 40 к., а вину цѣна была 2 р. 40 к. Озимые-же всходы хотя были и весма изрядныя, но за непогодою посѣву отъ дождей въ поляхъ было мало, и симъ 1807-й годъ благополучно и кончился, а начался съ Богомъ.

1808-й годъ, коего въ генварѣ мѣсяцѣ милиція скоропостижно отправлена на подъводскихъ отъ селенія до селенія лошадяхъ прямо на кавказскую линію, и офицеры, оную проводивши до Егорьевской крѣпости, а равно и старые провожавшія оную солдаты, воз-

вратились обратно уже после свѣтлой недѣли съ награжденіемъ жалованья и протчого. И сей-же зимы начались военныя дѣйствія съ Швеціею и Англіею за Данію, которую въ прошедшемъ годѣ Англія нагло разорила, флотъ весь у оной отняла и столичной городъ Копенгагенъ разоривши, отдала Даніи обратно. Почему Россія по немногихъ сраженіяхъ къ апрелю мѣсяцу и завладѣла всею Финляндіею и оную къ Россіи присовокупила навсегда. Съ турками также война въ Натоліи за городъ Анапу, а въ Молдавіи около Дуная происходила. Но турки дѣйствовали въ оной не такъ-то горячо, потому что въ Царе-Градѣ и Египтѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ были внутренныя силныя мятежи отъ яничаръ за сверженіе султана Селима 3-го и возведеніе на престолъ Мустафы 4-го. Франція-же обратила свои войски въ Португалію и Испанію, почему португалскій король со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ въ Америку, а Франція оною овладѣла.

Винокуреніе мое маия 1-го числа кончилось, и того-жъ числа ночью исправникъ Коншинъ, приехавши съ повѣренными, винной амбаръ запечаталъ подъ предлогомъ, якобы излишнимъ числомъ производилось винокуреніе; но сему его дурачеству всѣ смѣялись, июня-же 10-го числа печать свою и караулъ снялъ со стыдомъ.

Сего-жъ мѣсяца начали михайловскія маляри писать иконостасъ въ придѣлѣ съ лѣвой стороны. Весна сего года вскрылась поздно, да и по вскрытіи продолжались холодъ и вѣтры, а потомъ началась суша, почему хотя хлѣбу цѣны унизились было до 1 р. 60 к. за четверть, но и паки начали возвышатся, вино-же стояло въ своей 2 р. и 30 к. цѣнѣ, но ходу оному было весма мало. Овощныя-жъ деревья цвѣли уже съ половины маия и всходы яренныя и озимъ были незавидны, да и огородними продуктами въ семъ мѣсяцѣ еще не веселились.

Сего года маия 14-го числа во время михайловской вознесенской ярмонки купилъ я евангеліе, обложенное мѣдными, но высеребренными, а мѣстами и вызолоченными досками и съ финифтяными Воскресенія Христова и евангелистовъ камнями, за которое заплатилъ пятдесятъ рублей; да кадило мѣдное и высеребренное,— заплатилъ я пять рублей и отдалъ въ церковъ въ знакъ ко Богу моей благодарности. Вѣсу въ евангеліи 12-ть фунтовъ, а надпись въ евангеліи учинилъ такову: «Во славу триипостаснаго Бога! Въ

честь приснопамятнаго святителя Христова Николая, мирликійскаго чудотворца, въ изъявленіе и знакъ истиннаго благочестія и пламенѣющей ко Богу благодарности, въ лѣто отъ Рожества Христова 1808-е, іюня въ 3-й день, а житія своего въ 58-й, Іоаннъ Іосифовичъ, сынъ Острожскій сіе священное евангеліе для чтенія подалъ въ слоновскую николаевскую каменную трипрестолную церковь и подписалъ своеручно». А на другомъ мѣстѣ написано: «куплено 1808-го года маия 14-го дня въ слободѣ Михайловкѣ». Слава убо Всемогущему Богу о всемъ!

Августа 1-го имѣлъ я необходимость по домашней економіи быть въ Бѣлгородѣ, куда и отправился съ сыномъ Александромъ и женою, а бывъ тамо и исправя, что подлежало, отъпѣвъ въ соборѣ мощамъ угодника Іоасафа панихиду, а въ дѣвичьемъ монастырѣ Божіей Матери акафистъ, когда въ день Преображенія намѣревалъ выѣхать, то жена моя силно заболѣла правою рукою, такъ что чаяли быть сему будто отъ паралича, почему, дабы избавится ей отъ сей тяжкой болѣзни, купилъ я воздухи тамо парчевыя съ золотою сѣткою, за кои заплатилъ двадцать рублей, и оныя проездомъ подалъ въ селѣ Терновомъ при мелницѣ въ церковъ святыхъ чудотворцовъ, цѣлителей и безъсребренниковъ, Козмы и Дамиана. А по сему по пріездѣ въ домъ стала жена рукою владѣть и приходить въ здоровье молитвами святыхъ чудотворцовъ.

Съ 1-го-жъ августа поряженные корочанскіе иконописцы начали писать иконостасъ въ придѣлѣ съ правой стороны, кои поряжены съ позолотою за 700 рублей, и харчи наши были. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ у проѣзжающаго разнощика куплены въ церковъ три панікадила высеребренныя съ гирляндами и повѣшены въ настоящей церквѣ и придѣлахъ, купно съ стеклянными шарами, и три стоящихъ болшихъ подсвѣшниковъ, за что заплачено болше трехъ сотъ рублей, и къ сей-же цѣнѣ подлежатъ тогда-жъ купленныя въ правой придѣлъ пять болшихъ лампадъ къ мѣстнымъ образамъ. Зима сія была очень снѣжна и метели силныя съ крѣпкою стужею. Хлѣбу цѣна была свыше двухъ рублей 80 копѣекъ, почему отъ стужи и великихъ снѣговъ и дрова были весма дороги, которыхъ возъ платили и по 60-ти копѣекъ. Сахаръ въ сіе время былъ въ продажѣ два рубли 50 к. за фунтъ. Боже милосердый! что дѣлаетъ повсемѣстная война и до чего мы дожили, покупая въ прежния

годы, то есть отъ 1773 года, по двадцать четыре копѣйки онаго за фунтъ, а нынѣ 2 р. 50 к. И такъ сими и другими произшествіями 1808-й годъ кончился, и война въ Гишпаніи съ французами проливала кровь, яко воду, города и селеніи опустошены, и гибель народа была страшная, что исторія потомству объяснить не оставитъ.

1809-й годъ начался великою стужею и гибелью королевства гишпанскаго, которое французскій Бонапарте императоръ завоевавъ, посадилъ на престолъ въ оной брата своего Іосифа, почему всякия товары въ нашей сторонѣ весма вздорожали, и въ сіе время цѣна на сахаръ хотя и унизилась было до 1 р. 50 к. за фунтъ, но къ февралю и паки возвысилась до 1 р. 90 к., а сукна, матеріи шолковыя, бумажныя ткани и протчия товары чрезмѣрно стали дороги.

17-го февраля умре и послѣдняя сестра моя Анна Осиповна, бывъ болна толко одну недѣлю, и оставила сей прискорбный и маловременный міръ съ чистымъ покаяніемъ и напутствіемъ по долгу христіянскому, похоронена-жъ въ Бирючьемъ на всеобщемъ городскомъ кладбищѣ 19-го числа. Марта 6-го слоновской казенной житель Федоръ Панченковъ отъ усердія ко благолѣпію храма Божія привезъ зъ Бирючья иконы, стоявшія въ церкви за крылосами въ кіотахъ, поданныя отъ меня Николая угодника и отъ Ивана Корецкого Казанскія Богоматери, на которыхъ серебрянныя ризы вызолотилъ онъ своимъ коштомъ и издержалъ на оныя, какъ икону Божіей Матери, такъ и угодника Христова Николая, червонцовъ арапскихъ десять, а за работу майстеру осмнадцать рублей, которыя мною 7-го числа въ день воскресный во время заутрени и вставлены въ свои мѣста. Купленныя-же мною въ михайловской ярмонкѣ сутой парчи съ сѣткою и бахрамою на сосуды покровцы, за кои заплачено сорокъ рублей, отданы въ церковъ въ знакъ моего усердія, съ тѣмъ, чтобъ оныя еженедѣлно были въ служеніи употребляемы по днямъ воскреснымъ и великимъ празникамъ. Слава убо Всемогущему Богу о семъ!

13-го апреля заболѣлъ я силною простудною лихорадкою, а потомъ и горячкою, которую получилъ по милости поповъ, дѣлая въ церкви во олтарѣ опись всему церковному имуществу, яко то: сосудамъ, иконамъ въ рызахъ, рызницѣ, паникадиламъ, колоколамъ,

строенію и протчему, которой до сего въ церквѣ не имѣлось, а нынѣ указомъ велѣно было непременно оную здѣлать, но они не знали, какъ начать и чѣмъ кончить. Болѣзнь продолжалась маия до 1-го, и я чаялъ, бывши въ оной, что оставлю сей многопрелестный міръ. Но прилежная молитва отъ церкви пустила еще мою душу на покаяніе, и я до половины маия выздоровѣлъ почти совершенно. Тутъ надобно было осмотрѣть економію. И такъ, хотя еще остатки болѣзни и появившаяся (вторая человѣческая болѣзнь) старость много не позволяли, однако принужденъ былъ ѣхать къ мелницѣ и на поле и, чрезъ мочъ ходя, исправлять, что было нужно.

Окончаніе придѣловъ церковныхъ часъ отъ часу приходило въ совершенство, и послѣдней съ правой стороны иконостасъ поставленъ и позолотою и писмомъ оконченъ. А дабы придать болше церкви красоты, то порядилъ я иконописца Пуголовкина и въ трапезѣ поновить старой иконостасъ, которой къ сентябрю и конченъ. А какъ все было готово, то начали помышлять о освященіи оныхъ, почему и думали ѣхать въ Бѣлгородъ; какъ же протопопъ Баршатскій вздумалъ совершить сіе самъ и. взявъ церковныя денги, тайно исходатайствовалъ указъ о освященіи на свое имя, то сіе показалось намъ противно, потому болше, что намѣреніе наше было съ правой стороны придѣлъ освятить во имя Успенія Божія Матери, а онъ упросилъ архіерея Успенія престолъ здѣлать въ настоящей, а Николая угодника въ придѣлѣ, что уже въ настоящей имъ было исполнено, и по указу настоящая церковь 5-го сентября изъ Николаевской переименована въ Успенскую. Сіе крѣпко весь приходъ привело въ огорченіе, потому что мы Николая болѣе двусотъ лѣтъ имѣли о насъ ходатаемъ къ Богу, почему лутчіе изъ мѣщанъ, пришедъ ко мнѣ, просили ходатайства къ архіерею. И такъ принужденъ былъ я ѣхать съ ктитаремъ и протчими мѣщанами въ Бѣлгородъ. А какъ прибыли въ Корочу и узнали, что архіерей уѣхалъ въ Курскъ, то принуждены были и мы туда-же слѣдовать, гдѣ, подавъ его преосвященству прозбу, по многомъ на словахъ спорѣ, упросили оставить настоящую церковь по прежнему Николаевскою, а въ придѣлѣ—Василія Великаго, во имя котораго оный и заложенъ былъ, освященіе-же совершить корочанскому протопопу Козмѣ Холанскому, чѣмъ нашъ протопопъ крѣпко огорчился и тѣмъ паче, что издержанныя имъ на Белгородскую поѣздку самоволно денги,

велѣно было съ него взыскать и отдать въ церковь. И такъ оныя придѣли, правой 11-го, а лѣвой 12-го числа октября, и освящены съ великою церемоніею, для которой и пѣвческая музика взята была на щетъ нашъ отъ помѣщиковъ Синельниковыхъ. И такъ праздновали весело, хотя въ сіе время и болѣлъ я крѣпко глазами, но все то, въ разсужденіи собранія многаго народа и священниковъ, съ прибывшими гостми, было сносно и нечувствительно. Отпустивши-же освящавшаго протопопа, гостей, священниковъ и пѣвчихъ, собравшись въ моемъ домѣ, мещанство доволно весело проводили еще два дни.—Потомъ пришло время исправлять винокурню, хлѣбъ-же былъ въ продажѣ за четверть свыше пяти рублей, что препятствовало и охоту весма отнимало. Однако возложа всю на Бога надежду, хотя и съ 5-го ноября, однако началъ винокуреніе и не такъ-то вигодное. Между-жъ тѣмъ и еще получилъ было скоропостижную въ животѣ и поясницѣ болѣзнь, отъ которой едва-едва было не переселился въ царство мертвыхъ; но Богъ, спасаяй меня, избавилъ отъ оной. Сіе послѣдовало мнѣ отъ подъема чугуннаго казана; однако сталъ я во всемъ остороженъ и не такъ ретивъ за чежолыя вещи приниматся. Въ декабрѣ мѣсяцѣ у пріѣзжаго разнощика купилъ я мѣдную лампаду и привѣсилъ въ большомъ олтарѣ предъ плащаницею и серебренную кадилницу 84-й пробы, въ коей вѣсу фунтъ съ осмою, а заплачено за оную девяносто рублей, ибо сребро нынѣ было весма въ высокой цѣнѣ. И такъ, слава Всемогущему Богу, церковь наша стала три-престольная и имѣетъ двѣ серебренныхъ кадилницы и болшую и малую серебренныя-жъ гробницы, исъ коихъ болшую съ позолотою, новой фигуры, купилъ Романъ Корецкій въ Харковѣ предъ освященіемъ придѣловъ, которая по цѣнѣ стоитъ пятьсотъ сорокъ три рубля съ копейками. Денги-же за оную заплачены частію церковными, а частію подаяніемъ доброхотныхъ дателей двухъ родныхъ, хутора Гринева жителей, братьевъ, прозываемыхъ Давиденковы. И такъ сей 1809-й годъ симъ и окончилси.

1810-й годъ начался слава Богу благополучно, и мясоѣдъ препровождали до половины января, покупая хлѣбъ 4 р. 50 к., а сего времени цѣна упала и покупали ныже четырехъ рублей. А какъ съ половины февраля открылась было совершенная весна, снѣгъ пропалъ вовся и дорога испортилась, вода въ рѣкахъ розлилась и мелницы стали въ подътопахъ, то на хлѣбъ цѣна возвыси-

лась свыше пяти рублей, отъчего винокурни наши крѣпко страдали, а съ 12-го числа марта я мою винокурню оставилъ за неимѣніемъ вовся въ привозѣ хлѣба. Посля-жъ того черезъ три дни пала зима, путь открылась по прежнему санная, стужа крѣпкая и вѣтры; ледъ вновъ сталъ на рѣкѣ, и мы тогда уже понабили онымъ свои ледники, ибо прежней на рѣкѣ растаялъ скоропостижно. Но какъ мостъ снесло, то за непереѣздомъ хлѣба въ привозѣ вовся не было. Въ февралѣ мѣсяцѣ ночью новый діаконъ Семеонъ Григоровичъ привезъ съ Михайловки подобіе Христа, сидящаго въ темницѣ за стекломъ въ кіотѣ, и поставилъ въ придѣлѣ лѣвомъ. Но какъ сія штука здѣлана была имъ на подаянныя отъ доброхотныхъ дателей, безъ согласія общаго, то и не принята во уваженіе, яко неприличная; однако оставили оную для любящихъ таковыя и опредѣлили быть оной до времени (пока изберутъ мѣсто приличное) у лѣваго придѣла въ среднемъ окнѣ за крылосомъ. Потомъ начали приуготовленіе дѣлать каменную къ церквѣ ограду и порядили старооскольскихъ каменщиковъ дѣлать съ маия мѣсяца кирпичъ, а съ іюня начать и кладку ограды сливками (sic), по плану назначенными, о чемъ и контрактомъ ихъ обязали. И нынѣ мысленно и сердечно желаемъ и надѣемся событія онаго, возложа надежду на Бога и его угодниковъ святителя Николая чудотворца и Василія Великаго со Крестителемъ Господнимъ Іоанномъ.

Проводя-же праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, нужно было мнѣ сгорѣвшую въ хуторѣ моемъ избу вистроить вновъ, почему съ работниками, мною нанятыми, и отправился я въ хуторъ, гдѣ назначивши вновъ мѣсто двору и избы къ проезжей дорогѣ, вздумалъ свою землю по полюбовному разводу слѣдующую, отъ выгона и збоя скотомъ защитить и здѣлать приносящею прибыль. Обрылъ оную рвомъ, гдѣ было нужно, котораго рва вырыто тогда мною въ разныхъ мѣстахъ и поблизъ дороги пятьсотъ сорокъ сажень; а потомъ вырылъ для водопоя и колодезь и поставилъ во оной новый со старымъ срубъ, а симъ избавился скуки ѣздить для воды къ общественному колодезю Огородилъ дворъ и постройкою избу кончилъ уже къ Петрову дню, и сія медленность послѣдовала за смертію порядившагося плотника Огневцова и разними отлучками. И такъ въ сей первый покосъ принесла мнѣ обрытая рвами земля сѣна болѣе ста копенъ, которыя до сего лежали безъ всякого упо-

требленія и служили ползою выгона однимъ толко хуторскимъ жителямъ. Лѣто и протчее время года проводилъ я благополучно и здорово; а какъ наступили осенніе мѣсяцы и пришло время исправлять винокурню, то хлѣбъ тогда былъ въ продажѣ въ четыре рубли, и сіе подавало надежду и еще оному дешевлѣ; какъ вдругъ наѣхали онаго покупщики съ мѣстъ сего лѣта неурожайныхъ харьковской и другихъ губерній, а паче около Дону лежащихъ мѣстъ и подняли оному цѣну свыше пяти и мало не въ шесть рублей; то, не имѣвши своихъ денегъ, принужденъ былъ оныя занимать на покупку дровъ и хлѣба, которыя тѣмъ еще болше были нужны, что промѣнъ на асигнаціи былъ до двадцати копѣекъ на рубль, да и то было мелкихъ сыскать съ великою нуждою. О новомъ-же выходѣ денегъ хотя и было публиковано манифестомъ еще съ іюня 20-го числа, но мы оныхъ до новаго 1811-го года не видали и отъ промѣна на оныя несли великій убытокъ, торговцы-же мелкими товарами получали себѣ отъ промѣновъ великій прибытокъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ слоновскій житель и церковный староста или ктиторъ Федоръ Федоровъ сынъ Панченковъ подалъ въ церковь нашу ікону Скорбящія Божія Матери съ рѣзнымъ кіотомъ и серебренною и вызолоченною на оной кованною рызою. которая поставлена съ правой стороны въ дверяхъ, близь кіота угодника Христова Николая. Сія икона была у него оставлена одною жившею у него изъ Ростова порутчицею Ефросиніею, при смерти своей, въ домѣ жителя Телецкаго последовавшей, тутъ въ Слоновки похороненною на кладбищѣ.

Сего года сентября 29-го послѣдовалъ манифестъ, коимъ велѣно наложить (не уничтожая волности нашихъ привилегій) на викуриваемое нами вино пошлины въ казну съ ведра по шестидесяти копѣекъ. А изъ сего и вышло разумѣніе, что защита границъ предъками нашими стала уже не нужна, да и погашеніе государственныхъ долговъ, весма усилившееся, было къ тому поводомъ, чтобъ сія государственная, къ ползѣ нашей бывшая, хозяйственная часть помогла казнѣ уплатою оныхъ, что составило на сей первый случай миліоны,—думать такъ надобно. и впредъ еще умножаемыя или уничтожаемыя, коимъ могутъ къ упадку служить изведенныя и искорененныя симъ винокуреніемъ лѣса, дороговизна хлѣба и строгое запрещеніе великоросіянамъ продажи вина. Древняя мимо идутъ

и вся будутъ нова! И такъ симъ 1810-й годъ, слава всемогуществу Божію, кончился и завтрѣ наступитъ новый, коего превратности да будутъ намъ спасителни и душеполезны.

1811-й годъ начался великою стужею, однако пониженною на хлѣбъ цѣною, которая была въ 4 р. за четверть. А какъ февраля съ 16-го числа наступила, подобно прошлогодней, великая отътепель, снѣгъ согнало и мелницы полою водою затопило, то къ марту цѣна поднялась до 4 р. 50 к. Генваря 23-го рано отправился я съ Федоромъ Корецкимъ, покойнаго Григорія сыномъ, изъ Слоновки чрезъ Волуйки и слободу Уразову въ купенскій уѣздъ до слободы Кабаньей на свадбу, гдѣ близъ той слободы у генералши Кондратьевой бралъ онъ за себя вскормленицу; и мы оттоль прибыли 31-го благополучно и остатокъ свадбы здѣсь изъ прибывшею въ Слоновку тою генералшею гуляли изрядно. Сирота женился на сиротѣ, а потому изъ многочисленнаго Корецкихъ рода свойственниковъ никто въ толь далней путь ѣхать и не согласился. Слѣдовало, по прозбѣ его, не взирая на мою старость, ѣхать мнѣ, и слава Богу благополучно я въ тамошнихъ волныхъ мѣстахъ побывалъ, жителство тамошнихъ, простоту и чистосердечіе видѣлъ, съ нѣкоторыми свелъ знакомство, замѣтилъ обхожденіи, положеніе мѣстъ и возвратился въ добромъ здоровьи. Проводя свадебный обрядъ въ пированіи, а равно и почтенную масленицу, когда наступилъ великой постъ и силная стужа, то исправлялъ винокуренную економію въ запасѣ хлѣба и дровъ, мысля то, что после зимы, когда наступитъ гразь, то цѣна всему еще возвыситця, а иногда потребного и двойною цѣною въ неудобное время купить бываить не можно. Мысль за моремъ, а смерть за плечима, говорится пословица, что и съ нами збылося.

9-го марта нечаянно прибылъ въ Слоновку курского губернского правленія асесоръ Иванъ Романовичъ Савицкій и съ нимъ земскій исправникъ Глатковъ и стряпчей Лобовъ. Вдругъ прислали ко мнѣ и къ протчимъ въ Слоновки служащимъ дворянамъ объявленіе, чтобы мы ему подали наши объясненіи, по какому мы праву куримъ въ особыя отъ казенныхъ жителей котлы и по чинамъ ли, или по наслѣдству отцовъ. А въ слѣдъ за симъ отъправился и самъ по винокурнямъ свидѣтелствовать лично. Мы объяснили, что куримъ по чинамъ нашимъ и наслѣдственно, какъ харковская гу-

бернская канцелярія 769-го года октября 14-го дня постановила, и имѣимъ винокурни на своихъ собственныхъ привилегированныхъ земляхъ, а симъ думали, что и дѣло кончили. Нѣтъ, онъ велѣлъ намъ винокуреніе остановить, а вино наличное запечаталъ, коего у меня, кромѣ протчихъ, оказалось наличнымъ въ 16-ти бочкахъ 603 ведра, и съ тѣмъ и уѣхалъ во свояси. Сіе-жъ все произошло по поданной тогдашней новооскольскаго отъкупщика князя Голицына прозбѣ въ казенную палату, а отъ оной по сообщенію въ губернское правленіе. И такъ досталось мнѣ съ тѣмъ-же Федоромъ Корецкимъ ѣхать въ Курскъ на другую, но постную свадьбу. Мы туда и отправились 17-го марта и доѣхавъ до села Скородного на колесахъ, принуждены оттоль нанимать до Курска сани и лошадей, ибо тамъ былъ весма глубокій снѣгъ. Въ Курскъ прибыли мы при силной стужѣ и метели съ заметью 20-го и съ сего времени начали ходить идолопоклонѣничать и просить о своей крайней обидѣ, надъ нами въ томъ нагло учиненной, представляя въ резонъ наши жалованныя предкамъ за службы грамоты, разрешителной и другія указы и манифесты, о чемъ и подали прозбы съ тонкимъ обо всемъ изъясненіемъ. Но ничто силной рукѣ не противилось, и мы чрезъ шесть недѣль тамошняго нашего пребыванія (гдѣ празновали и свѣтлой праздникъ) едва дождались рѣшенія, коимъ заключено обо всемъ, въ прозбахъ нашихъ изъясненномъ и Савицкому представленомъ, представить сенату, а намъ дожидаться указа; съ чемъ мы, взявъ съ опредѣленія за скрѣпою копію, 4-го маия прибыли въ домъ благополучно и начали помышлять и готовить въ сенатъ о всемъ произшествіи и что мы 37 лѣтъ пользовались привилегіею винокуренія безъпрепятственно прозбу; а после того и посѣвъ хлѣба производили по економіи, какъ должно, ожидая отъ того и другаго великія и богатыя отъ всемогущаго Бога щедроты и милости.

Дѣло по проискамъ князя Голицына въ сенатѣ умедлилось, а между тѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ 21-го то запечатанное у насъ вино, по указу курскаго губернскаго правленія, забрато въ винной откупщицкой магазейнъ, и мы остались во ожиданіи своей прежней привилегіи, или совершеннаго запрещенія винокуренія между страхомъ и надеждою. Забрато-жъ у меня вина 261 ведро, по тогдашней продажѣ болше, нежели на тысячу рублей и симъ здѣланъ мнѣ въ платежахъ долговъ и протчаго великой убы-

токъ. Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка! Между тѣмъ полученъ изъ сената указъ, отъ 21-го сентября пущенный, а въ губернскомъ правленіи 4-го октября полученный, которымъ винокуреніе намъ по прежнему разрѣшено и вино запечатанное и забранное у насъ въ винной въ городѣ подвалъ велѣно возвратить немедленно. И такъ мы, принеся Богу благодареніе, оное 2-го ноября получили обратно и надъ врагами своими, хотѣвшими насъ поглотить, восторжествовали и симъ какъ земскаго суда, такъ откупщика и губернского правленія воздвигли на себя великое негодованіе. Но не взирая уже за симъ указомъ ни на что, принялся я свою винокурню исправлять и пустилъ оную въ дѣйствіе 20-го ноября, полагая мысли за причиненный убытокъ и безъвинное запрещеніе винокуренія просить императора, чтобъ впредь намъ того-же причинено не было и понесенный убытокъ по закону былъ-бы мнѣ заплаченъ.

21-го ноября у проѣзжающаго разнощика Дубинина, у котораго въ придѣлы и настоящую церковь 1808-го года куплены паникадилы и лампады, купили и еще въ большую церковь паникадило о 24-хъ свѣчахъ, съ разными позолоченными и высеребренными фигурами, и заплотили 860 рублей, а старое, у него-жъ купленное, что было о 12-ти свѣчахъ, ему возвратили за 150 рублей, которое онъ охотно и принялъ. Къ тому-же доброхотный датель купилъ тогда-же большой въ настоящую церковь четыроугольный подсвѣшникъ одной съ паникадиломъ фигуры, заплатилъ 80 рублей. И такъ наша церковь симъ и еще сугубо украсилась. Винокурня моя курилась. Хлѣбу была цѣна свыше осми рублей, и вино выходило изрядное, чѣмъ-бы можно было наградить понесенныя убытки. Но вину ходу не было, почему принужденъ былъ занимать денги съ процентами и иногда хлѣбъ брать въ долгъ съ возвышеніемъ цѣны, а сіе и дѣлало убытки и еженедѣльныя горести и печали. Такъ симъ 1811-й годъ и кончился, а начался 1812-й годъ крѣпкими, хотя и не безъ снѣгу морозами. На канунѣ-же Крещенія пошелъ силной снѣгъ и здѣлалъ санную изрядную путь, почему и въ хлѣбѣ цѣна мало понизилась. Но вину продажи то-жъ не было, и горесть сердечная свое дѣйствіе имѣла.

Еще въ прошломъ годѣ слухи проходили, якобы французской императоръ Бонапартъ писалъ къ нашему монарху Александру,

чтобъ онъ позволилъ ему побывать въ Кіевѣ, якобы для поклоненія мощамъ святымъ; что если и подлинно было, то сіе относилось до войны, которою угрожалъ Россіи Бонапартъ. Но сіи слухи казались намъ пустыми и вѣры недостойными. Потомъ, когда въ прошломъ годѣ начался обыкновенный наборъ рекрутъ ноября съ 1-го и положено было брать съ пятисотъ по три человѣка, то начали думать о нѣкоторой по тѣмъ слухамъ и справедливости, но не совершенно. Послѣдовавшій-же въ апрелѣ мѣсяцѣ сверхъ чаянія манифестъ, повелѣвающій собрать и еще для усиленія арміи рекрутъ съ пяти сотъ по пяти человѣкъ, открылъ уже и намъ, живущимъ въ отдаленности, глаза, что война будетъ непремѣнно, ибо тотъ наборъ велѣно кончить поспѣшно черезъ два мѣсяца. За симъ отъ 6-го іюля изъ лагоря, бывшаго близъ города Полоцка, манифестомъ велѣно быть повсемѣстному ополченію какъ въ столичномъ городѣ Москвѣ, такъ и въ губернскихъ, почему и полагали быть прежней милиціи; но 4-го августа послѣдовавшимъ манифестомъ-же, кромѣ ближнихъ къ Москвѣ и Смоленску губерній, вмѣсто назначеннаго во опыхъ ополченія, съ нашихъ велѣно было собрать рекрутъ со ста по два человѣка и сей наборъ, начавъ съ 1-го сентября сегоже года кончить къ 1-му ноября. Приуныли сердца, когда въ манифестѣ первомъ сказано было, что уже непріятель вступилъ въ предѣлы Россіи. Но все сіе еще относили мы до тѣхъ предѣловъ, кои по тилзитскому трактату были Россіею приобрѣтены вновъ отъ Полши. Газеты показали, что 4-го августа, въ кое въ Петербургѣ, въ бытность императора нашего, подписанъ о наборѣ рекрутъ манифестъ, было сраженіе за 6 верстъ отъ Смоленска, въ которое и городъ тотъ, по обращеніи руками непріятеля въ пепелъ, достался ему-жъ въ добичу. Великъ уронъ непріятеля, но и нашъ тутъ былъ не малъ, когда и два храбрія генерала Скалонъ и Залла тутъ-же убиты. Странно и неимовѣрно все казалось, чтобъ быть непріятелю, да какому же?—презрѣнной прежде Франціи народа въ Россіи; но Богу попущающу грѣхъ ради нашихъ сіе воспослѣдовало. За симъ по изданномъ отъ свѣтѣйшаго синода противу прокламацій Бонапартовыхъ, россійскому народу увѣщаніи, чтобъ обѣщаніямъ его и лести не имѣли вѣры, такъ-же народъ приходилъ въ унынie, когда повелѣно было тѣмже синодомъ въ церквяхъ излишнее, безъ употребленія находящееся серебро и третую часть кошелковыхъ денегъ

отобрать въ казну; почему и въ Слоновки бывшія на иконахъ привѣсы серебренныя и золотыя слободы Беленкой священникомъ, за неимѣніемъ благочиннаго, Іоанномъ Курдюмовымъ отобраны и отосланы въ Бѣлгородъ.

Странно и непостижимо, что Смоленскъ отстоялъ отъ Новаго Оскола разстояніемъ не болѣе семи сотъ верстъ, но намъ, здѣ живущимъ, казалось его горкая участь и силное подъ онымъ сраженіе и жителей бѣди и непріятелскія разоренїи селъ и деревень, что оныя происходили якобы прежде въ чужихъ земляхъ, и мы, кромѣ излишняго противу прежняго платежа рекрутскихъ и другихъ платежей, тяготства почти не видимъ и не видали, а что впредъ съ нами послѣдуетъ, Богу себя вручаемъ.

Сентября 2-го непріятелемъ и похитителемъ престоловъ, именовавшимъ себя Франціи императоромъ, Италіи вице королемъ и протчая, Наполеономъ Бонапарте взята и Москва. Окрестности оной и сама она разорена; церкви и монастыри ограблены, народъ разбѣжался, села и деревни разорены, и много войска и народа обоего пола побито, а протчія удалились, какъ изъ Москвы, такъ и другихъ городовъ, господа и госпожи во внутрь Россіи. Сенатъ, синодъ и протчія присудственныя мѣста выѣхали въ Ярославль и Казань. Царскія регаліи и протчая богатства и достопамятности вывезены въ далнія мѣста, и Бонопарту досталась Москва опустошенная. И такъ: горе тебѣ, столичный граде Москва, яко нынѣ французы (бывшій презрѣнный народъ) тобою обладаютъ, почему и газетовъ уже теперича не получали, а толко имѣли нѣкоторыя частныя, изъ окружающихъ Москву городовъ и частныхъ людей, партикулярныя извѣстія о малыхъ и великихъ бывшихъ между армиями сраженіяхъ и о множествѣ убытыхъ непріятелскихъ людей, а также и взятыхъ въ полонъ, которыя часто препровождались въ далныя къ Сибири города и чрезъ наши мѣста, и что наши арміи окружили французовъ, пресѣкли ему путь къ подвозу правіянта и присылки секурса войскъ и держатъ его въ нужномъ весма положеніи, въ разоренныхъ имъ-же нашихъ мѣстахъ, въ московской и смоленской губерніяхъ. Что жъ по сему послѣдуетъ, время и исторія вѣроятность или гибели, или прославленія покажетъ, а я полагаю и надѣюсь, что послѣдуетъ съ симъ врагомъ то-же, что и съ Карломъ 12-мъ подъ Полтавою. Всякъ бо возносяйся смирится!

Потомъ изъ увѣдомленій узнали, что Бонапартова армія должна была итить отъ Москвы обратно по той-же смоленской, имъ-же разоренной дороги, которую наша армія, изъ отдаленныхъ мѣстъ собравшаяся, тѣснила и, не давая генералного, кромѣ какъ подъ Можайскомъ и Бородинымъ сраженія, вездѣ его отряды, посылаемыя для фуражированія, побивала и брала въ полонъ, а въ другихъ мѣстахъ и жители самы оныя искореняли не мало и симъ дѣйствомъ умаляли непріятелскую силу доволно. Къ тому-же наступила съ 26-го октября силная стужа, метели и ожеледица, что также непривикшимъ французамъ къ стужѣ подало великую гибель, падежъ безъ корму лошадей, потерю по безпутицѣ артилеріи и другихъ снарядовъ, а къ тому въ арміи французской и голодъ. И такъ онъ, отступая съ Россіи, хотя и по военнымъ регуламъ, давалъ мѣстами и временемъ стычки, но пока дошелъ до Варшавы, потерялъ почти всю свою армію, а бывшая его армия подъ Рыгою осталась въ тылу нашей, но уже безъ дѣйствія. И симъ 1812-й годъ кончился. А въ сіе время цѣна хлѣбу была за четверть аржаного 8 рублей, пшеницы 12 р., пшена тожъ, товари-жъ и протчее по сему смутному времени дороги, сахаръ 2 р. 50 к. за фунтъ.

Наступилъ, слава Всемогущему Существу, и слѣдующій 1813 годъ и съ нимъ силная стужа и метели, отчего французская армия, изнемогая часъ отъ часу, болше погибала и удалялась за предѣлы Полши, дѣйствія которой и гибель исторія изъяснитъ въ свое время обстоятелно, а Москва наша послѣ своего разоренія начала населятся по прежнему.

Мнѣ-жъ, по прозбѣ друга моего князя Михайлы Яковлевича Друцкого-Соколинскаго, нужно было ѣхать въ Курскъ куда изъ дому своего и отправился я 22 генваря и прибылъ къ князю въ Копилину, гдѣ за силною стужею и метелью пробылъ два дни, а 25 рано отправился въ свой путь, продолжая который, когда выѣхалъ я зъ села Остабного, то поднявшаяся силная предъ вечеромъ метель и ночная темнота отняли у меня путь и слѣды онаго, почему, сбившись съ дороги, ѣздили мы по степи, лежащей между Уколова, Остабного и Темерязевой, ночью часи три и по щастію нашему прибились къ стогу сѣна, гдѣ и ночевали едва съ непотеряніемъ жизни отъ силной стужи и сѣверовосточнаго вѣтра. Сія ночь была мнѣ страхомъ и трепетомъ: страхомъ, чтобы мнѣ или человѣку не зазябнуть, а трепетомъ отъ стужи, отъ которой и

одежда защищать уже отказывалась. Ночь-же показалась болше двухъ ночей, но слава Спасителю Богу, избавившему меня отъ смерти! Мы, дождавши свѣта и сыскавъ путь, пріѣхали въ хуторъ къ помѣщику Мордвинову, къ которому имѣлъ я и дѣла. А тамо за стужею-жъ и метелми пробывъ три дни, съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Курскъ благополучно, гдѣ совершивъ порученныя мнѣ дѣла, домой возвратился февраля 8 дня здоровъ.

Сію зиму за великою стужею, дороговизною хлѣба и слабымъ здоровьемъ, старостію угнетаемымъ, винокуренія я не производилъ, не безъ убытка въ продоволствіи скота безъ барды, который покупалъ дорогою цѣною. Лѣто и осень исправлялъ домашнюю економію. Сіи два времени года весма были дожливы и дѣлали великия въ рѣкахъ наводненія, отчего въ покосъ сѣно убирать было съ великимъ трудомъ и убытками, да и хлѣбъ великой подвергнулся гнилости, почему складывали оной въ стоги на поляхъ, да много онаго къ зимѣ осталось и въ копнахъ. Конопля-же почти совсѣмъ погибла, и сѣмены онаго прогоркли вовся. Да и въ началѣ зимы до генваря были силныя дожди и половодья, дѣлавшія мелницамъ и нижнимъ мѣстамъ вреды, почему и въ продажѣ хлѣба цѣна возвышалась до семи рублей съ полтиною, а вино до 3-хъ рублей 50-ти копѣекъ. Со времени-же, какъ французы, выгнанныя съ Москвы, бѣжали во свояси, армия ихъ, собранная изъ двадцати народовъ разныхъ языковъ, составлявшая болѣе полумиліона, мало-по малу начала истреблятся отъ сраженій, бывшихъ силныхъ, отъ голода, стужи и ожеледицы, посланной отъ Бога на сихъ богоотступниковъ, почему россійскія войска оную вездѣ истребляли, силно побѣждая вездѣ и во всякое время, а посему во все прошедшее лѣто война горѣла въ Полшѣ, Пруссіи, Саксоніи, Вестфаліи и протчихъ мѣстахъ до Лейпциха, подъ которымъ бывшее 6 октября силное и никогда еще въ свѣтѣ сему подобное не бывавшее сраженіе рѣшило судбу Европы, и французы истреблены, а союзныя арміи перешли рѣку Рейнъ и направили стопы свои до Парижа заплатить Бонапарту визитъ. Господи, управи путь ихъ и дѣла ко освобожденію отъ ига тирана, да пребываютъ народы во благодействіи и кровопролитіе да престанетъ!

Исторія во свое время сеи неслыханнои войны всѣ подробности отъкрыетъ, а мы, отдавая потребныхъ для сего случая рекрутъ, платя государственные подати, хотя и съ отягощеніемъ, поставляя

потребный также для арміи правіантъ и протчая, и протчая, дождали слѣдующаго года благополучно, хваля всемогущаго Бога и своего всемилостивѣйшаго монарха.

1814-й годъ наступивши, подалъ намъ первоначално хорошую санную путь и понизилъ симъ цѣну въ хлѣбѣ, отъ распутицы возвысившуюся, потомъ доставилъ погожее время убрать прошлогодней съ полей хлѣбъ въ домашнія гумны и отъкрылъ погожими днями молотбу онаго, до сего весма народу по случаю непогодъ желанную. И я былъ совершенно здоровъ со всѣмъ моимъ семействомъ, воздая за оное хвалу Богу. Въ апрелѣ мѣсяцѣ россійскою и союзными армиями взятъ столичной Франціи городъ Парижъ, армия французская разсѣяна и миръ желанный всей Европѣ послѣдовалъ, кровопролитіе престало и врагъ человѣчества Бонапартъ сосланъ въ силку на островъ Элбу, что близъ Корсики. Первая жена его умре, а второй, австрійскаго императора дочери, даны въ удѣлъ за сыномъ ея города Парма и Піаченца со уѣздами. Братья его лишены королевскихъ званій и мѣстъ; границы Франціи, распространенныя войною, отняты и отданы законнымъ наслѣдникамъ прежнимъ. И весь городъ его, возведенный имъ на высокія степени, низверженъ въ прежнее ничтожество, а во Франціи утвержденъ, вмѣсто бывшаго самозванца императора Бонапарта, прежней изъ Бурбоновъ фамиліи король Людовикъ VIII-й, и арміи возвратились всѣ въ свои отечествы и принесли всеобщій Европы миръ и тишину, радость и благоденствіе, хваля всемогущаго Бога и величая императора Александра Великаго и избавителя Европы. А къ сей радости даровалъ намъ Богъ и весну пріятную, которую, после теплоты и пріятной погоды, хотя 19, 20 и 21-го чиселъ апреля бывшая силная метель съ морозами и поколебала было, но и паки наступило теплое и пріятное время, а после и лѣто, хлѣбомъ плодородное, съ прекрасными и пріятными дождями, трава изобилная и уборка сѣну погожая и поспѣшная; плодовъ древесныхъ хотя было и мало, но огородныхъ и полевыхъ изобилие, и уборка хлѣбу прекрасная и поспѣшная.

И между сими-то пріятностями постигъ меня рокъ нещастія со стороны супружества таковъ: жена моя и любезной мой другъ Пелагея Лаврентьевна, хотя и чувствовала уже нѣсколко лѣтъ родъ чахотки, но оная временемъ подавала надежду къ выздоров-

ленію, и подлинно она иногда бывала совсѣмъ здорова и весела. Но 13-го февраля, бывши въ церкви и готовясь ко исповѣди и причащенію святыхъ Таинъ, силно простудилась и, пришедши домой, слегла въ постель, почему въ субботу первую великаго поста, 14-го февраля, сообщена она уже въ постелѣ и силной горячкѣ. Сія болѣзнь продолжалася разными изворотами до настоящей весны, а потомъ была она здорова, толко обезпокоевама силнымъ временемъ кашлемъ съ мокротою; въ половинѣ-жъ июля мѣсяца временемъ открывалась и кровавая мокрота. Но все сіе еще мало предвѣщало великой опасности, и она была, какъ казалось по наружности, здорова. Іюля-жъ 30-го были мясныя въ четвертокъ заговѣни, и были у меня гости, своякъ Ефимъ Васильевъ и другія, и она была весела, а равно и 31-го въ пятницу то-жъ. Августа-жъ 1-го была она въ церквѣ при обѣднѣ, но къ водоосвященію не ходила и весь день была здорова, а предъ вечеромъ была въ банѣ въ самомъ легкомъ духу и мылась доволно, по привычкѣ своей, теплою водою, шутила съ бывшими съ нею въ банѣ; потомъ, вышедши изъ бани, лежала на своей постелѣ и со мною много кое о чемъ домашнемъ разговаривала; потомъ, закусивши мало посною пищею и помолясь при мнѣ въ спалнѣ съ земними поклонами Богу, въ самое захожденіе солнца легла спать, ранше обыкновеннаго. Во все-жъ сіе время сидѣлъ я въ спалнѣ близъ оной, призадумавшись, а дѣти Александра и Екатерина отлучились къ винокурнѣ для обобранія огурцовъ; Петръ-же и Александръ были при должности, а Варвара гостила въ Лазаревки. Полежавъ-же она въ постелѣ не болше минутъ десяти, почувствовала силной кашель, потомъ, когда поднялась у неи силная кровавая рвота, то просила моей помочи, которую стараясь я ей подать всевозможними силами, но не могъ успѣть ничего, ибо она въ самой силной кровавой сей рвотѣ мгновенно испустила духъ въ половинѣ осмаго часа по полудни, и въ сіе самое время при исходѣ души прибыли и дѣти. Но уже помощъ ихъ была не нужна. И такъ, убравъ тѣло, какъ подлежитъ, вынесли оное въ залъ и начали плачевную музыку и надгробное чтепіе съ пѣніемъ, какъ церковью установлено. 2-е число лежала она въ домѣ, а между тѣмъ сыны и дочь поспѣшили прибыть къ сему плачевному концу материной жизни, а 3-го числа после божественной литургіи похоронили мы оную въ оградѣ церковной на

углу болшаго настоящей церкви олтаря въ каменномъ склепѣ. Вѣчная убо да будетъ ей память! А я получивъ новое названіе вдовца, принялъ зъ симъ назвавіемъ и всѣ горести домашнія какъ о дѣтяхъ, такъ и о всемъ домѣ, поминая ежедневно, что я жилъ зъ симъ моимъ любезнѣйшимъ другомъ въ супружествѣ сорокъ лѣтъ, два мѣсяца и десять дней мирно, не знавши другъ ко другу ни малѣйшей ревности, ни ссоры, ни прекословій, ничего иного, кромѣ любви, мира и тишины. И за симъ что со мною впредъ послѣдуетъ, во всякомъ случаѣ Богу себя вручаю.

Въ продолженіи шестинедѣлнаго со вседневнымъ служеніемъ сорокоуста, были отправляемы и поминалныя дни, яко то: третины, девятины, полусорочины и сорочины, со угощеніемъ столомъ духовенства и пріятелей изобилно. Богу единому-же извѣсно, колико мучила меня въ сіи дни горкая печаль, отбывавшая отъ меня толко во время сна моего, а по прошествіи онаго не могъ я ни на что пустить своихъ глазъ безъ слезъ, а найпаче когда, бывало, подойду къ окошкамъ и увижу гробъ, жены моей предвѣчный домъ, то тутъ уже ничто не могло горести моей удержать безъ пролитія слезъ. Блаженна сія жена, что переселилась при жизни моей въ вѣчное блаженство, за коею послѣдовало по христіянскому чиноположенію и поминовеніе приличное; но мнѣ какъ, когда и гдѣ приближится смерть,—неизвѣстно, да и помянутъ ли меня оставшія дѣти мои, Богу вѣдомо, а не мнѣ.

Въ продолженіи-же сихъ печалей собрался и пустилъ мою винокурню въ дѣйствіе ноября съ 1-го числа. И какъ денги поиздержаны были на поминовеніе, а хлѣбъ цѣною возвысился до семи рублей, а также дрова и работники весма стали дороги, то и при семъ случаѣ длилось время не безъ горести вседневной. Но вся и вездѣ печаль моя возлагаема была на всемогущаго Бога и его святый обо мнѣ и дѣтяхъ промыслъ. И онъ своею милостію меня покрывая, давалъ мнѣ вседневно насущный хлѣбъ и пищу, а я ежечастно приближаяся ко гробу, по силѣ моей благодарилъ Творца за вся, отъ его святѣйшей руки посылаемая благая.

1815-го года февраля 1-го были отправляемы полугодовщины по любезной женѣ моей, а 16-го числа сего-жъ мѣсяца умре кумъ мой Василей Ивановичъ Туферъмахеръ, оставивъ превеликое свое имѣніе женѣ своей второй (которая прежде была его крѣпостная дѣвка) въ расхищеніе. Сокровиществуетъ человѣкъ, но не вѣсть,

кому соберетъ я, ибо оная какъ была молода, то дождавъ свѣтлого празника въ мироносную недѣлю обвѣнчалась съ поддячимъ Стировимъ и принялась собранное расточать по модѣ.

Годовое время моей любезной жены наступило 31-го іюля, въ которое по церковному чинополоненію священники отпѣли соборомъ литургію и надъ гробомъ ея великую панихиду, по окончаніи которой, когда пѣли вѣчная память, то рѣками текли слезы у меня и дѣтей. Къ столу многія были приглашены и ѣли и пили доволно. Вотъ зъ сего-то времени и началъ я щитать какъ преставленію жены, такъ и моему вдовству второй годъ. Господи! подаждь немощи моей силу, а покойницѣ царство небесное.

За симъ пришло время исправлять и винокурню. И такъ, забывъ мало печали, и исправилъ оную къ совершенному дѣйствію; но Всемогущій строитъ вся по своему промыслу. 31-го октября былъ день воскресный, гостей у меня не случилось; и такъ, проводивъ сей день зъ дѣтми въ разговорахъ, въ наступившую-же ночь легъ я спать въ 9-ть часовъ, и чуть толко уснулъ мало, какъ силный стукъ въ сѣнешныя двери меня разбудилъ, а открывши очи, увидѣлъ я дворъ свой объятый силнымъ свѣтомъ, выскоча-же на дворъ въ одной рубахѣ, усмотрѣлъ, что сарай сосѣда моего Ивана Корецкого горитъ и все пламя и искры клонятся на мой домъ по вѣтру. Здѣланъ набатъ; збѣжалося множество народа, но болшою частію для зрѣнія, а не для работы, безъ воды и безъ ведръ и пожарныхъ инструментовъ, а по сему отъ Корецкого сарая загорѣлся мой птычей сарай, а отъ онаго баня, огорожа и скотской сарай. Буря поднялась и весь домъ былъ въ пламени, а отъ сего и домъ было загорѣлся; но милостію Бога спасенъ и остался цѣлъ, хотя-жъ при выносѣ изъ онаго имущества и многое чего изломано и разбито, но слава Богу, что осталось мѣсто и есть гдѣ главу приклонити. За сіе благодаря Всемогуществу, мыслилъ я, что бывши въ малѣ наказанъ, снесу сей убытокъ великодушно, но со мною, подобно Іову праведному, послѣдовало такъ: *еще сему глаголющу, пришедъ инъ вѣстникъ и рече*, какъ въ книгѣ Іова написано; такъ и ко мнѣ 3-го числа ноября, приехавши отъ брата Александра Ефимовича Лофицкого, человѣкъ сказалъ и писмомъ увѣрилъ, что мелница моя, бывшая въ Терновомъ селѣ, 1-го числа ноября ночью съ домомъ и дворомъ згорѣла безъ остатку. Горко было слышать, но

великодушно должно было сіе въ разсужденіи дѣтей снести и унять ихъ отъ слезъ. И такъ, сказавъ: воля Господня да будетъ со мною, и замолчалъ. Оставя винокурню и обгорѣлой домъ, пустился я смотрѣть мелничного пожарища. Силная грязь и дождь желанія поспѣшить не выполнили. И такъ прибылъ я туда 6-го ноября рано и, посмотря пепелище, пошелъ въ Терновое и, идя мимо церкви, благодарилъ моего Создателя о всемъ со мною послѣдовавшемъ. Потомъ размышляя о выстройкѣ вновъ мелницы, не находилъ способа иного, какъ выстроить оную подрядомъ, почему и договорился съ племянникомъ своимъ Иваномъ Николаевичемъ Лофицкимъ съ его лѣса и его работниками выстроить оную въ срокъ до 1-го іюля за тысячу рублей, въ чемъ, заключивъ съ нимъ условіе, прибылъ домой 10-го ноября и отдохнувъ, поѣхалъ смотрѣть винокурню, гдѣ нашелъ мною приговореннаго гороховатского майстера, дающаго мнѣ вино весма негодное и съ договоромъ несогласное, а посему онаго отрѣшилъ, а опредѣлилъ на мѣсто его Бубновского однодворца. И такъ, съ Божіею помощію, возлагая всю мою печаль и надежду на его высокій промыслъ, началъ винокуреніе съ выгодою, чему однакожъ силная непогода и грязь много дѣлали заботы въ разсужденіи возки хлѣба и дровъ. Но да будетъ о всемъ благословенно и препрославлено имя Господне отъ нынѣ и до вѣка!

Въ декабрѣ мѣсяцѣ писалъ ко мнѣ старой мой другъ и благодѣтель, князь Михайла Яковлевичъ Друцкій-Соколинскій, что онъ боленъ и хочетъ со мною видѣтся и поговорить о дѣлахъ. Я сему не повѣрилъ, потому что онъ и прежде также шуточно писывалъ о своемъ нездоровьи и въ разсужденіи грязи не поѣхалъ. Потомъ 16-го числа декабря прислалъ онъ нарочно сказать о своей болѣзни на словахъ, почему зъ симъ посланнымъ я и поѣхалъ, а пріѣхавши увидѣлъ и подлинно тяжкую его болѣзнь. Онъ, увидя меня, обрадовался и почувствовавъ своей болѣзни облегченіе, удержалъ меня два дни, потомъ вруча мнѣ духовную, со мною простился и отпустилъ домой. На другой-же день рано, пріехавши его крестьянинъ Гуковъ увѣдомилъ, что князь 19-го числа декабря рано скончался. По замѣчанію-же моему, въ бытность у него замѣтилъ я, что онъ скоро прекратитъ свою жизнь отъ внутреннего антонова огня, что и збылось. Я того-жъ крестьянина отправилъ съ писмомъ къ княгинѣ Аннѣ Евдокимознѣ и къ сыну его Якову, бывшему тогда

въ домѣ матери своей. Сіи, а съ ними зять ихъ Синельниковъ и племенникъ Петръ Андреичъ Шидловскій прибыли ко мнѣ ночью 21-го и, взявъ меня съ собою, пустились въ Копилино для погребенія тѣла и, прибывъ туда рано, нашли все къ погребенію готово, и какъ священники были въ зборѣ, то въ тотъ-же день, въ разсужденіи порчи тридневнаго тѣла, и погребли онаго въ прилепахъ близъ церкви, съ правой стороны олтаря, при гробѣ его матери, княгини Надежды Михайловны. На другой день былъ третиной столъ со слезами, а 23-го уѣхали мы всѣ въ разсужденіи празника Рожества Христова по домамъ. Княгиня и князь молодой съ женою у меня ночевали. Я наслѣднику отдалъ духовную, въ которой ему наслѣдія было не написано, а оставлено было все чуждымъ и ничего не значущимъ людемъ, его въ жизни лстившимъ и отъ негоже отпущеннымъ и вся расхитившимъ. За сіе князь и княгиня оба меня благодарили и, духовную уничтожа, по праву закона остались полными наслѣдниками. Вотъ каковъ былъ гнѣвъ отъ отца на сына чрезъ наушничествы злыхъ и лстивыхъ съ хитростью людей! Но Богъ устроилъ не такъ, какъ мыслили злыя, о чемъ хотя и зналъ, но не открывалъ ему до времени, пока не получилъ въ свои руки духовной, а получа здѣлалъ то, что слѣдовало законному его наслѣднику. Господи, упокой душу его со святыми! Онъ грѣшилъ на сына злобою по невѣденію и своему мягкосердію, давъ вѣру злымъ, его обстоявшимъ тогда людямъ, которыя воздвигли было пяту свою на своего господина. И такъ, по смерти моего друга, остался таковымъ-же сынъ его ко мнѣ, князь Яковъ Михайловичъ и жена его Маргарита Григорьевна, люди молодыя, честныхъ поведеній и добродѣтельныя. Сей покойный князь Михаила Яковлевичъ былъ мнѣ истиннымъ другомъ 37 лѣтъ и много мнѣ въ разныхъ случаяхъ помогалъ и дарилъ людми и протчимъ. Былъ чдловѣкъ сроденъ къ добродѣтели и подверженъ пороку, яко человѣкъ, и болше тогда, когда оставила его жена его. Но о семъ не мнѣ его судить;—есть Судья нашъ на небеси, и тому о всѣхъ да будетъ слава во вѣки вѣковъ аминь!

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

Къ кіево-печерской лаврѣ принадлежатъ *Китаевская* и *Голосѣевская* пустыни.

Китаевская пустынь находится на югъ отъ лавры внизъ по Днѣпру, на уступѣ, закрытомъ съ юга высокою горою, въ живописной мѣстности, въ разстояніи 1 версты отъ Днѣпра. Названіе свое она получила отъ слова «Китай», которое съ татарскаго языка значитъ: крѣпость, укрѣпленіе. Остатки этого укрѣпленія, въ видѣ городища, частью сохранились до настоящаго времени. Въ XVII вѣкѣ здѣсь образовался отшельническій скитъ въ видѣ нѣсколькихъ пещеръ, а благочестивый кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, въ 1775 г. устроилъ здѣсь деревянную церковь во имя преподобнаго Сергія и келіи, съ согласія печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича, который отдѣлилъ сюда нѣсколько братіи изъ любящихъ пустынное уединеніе. Въ 1767 году іеромонахомъ Тихономъ, на мѣсто обветшавшей Сергіевской церкви, построена каменная церковь во имя *св. Троицы* съ придѣлами во имя преподобнаго *Сергія* радонежскаго и святителя *Димитрія* ростовскаго, существующая до нынѣ. По штатамъ 1786 года Китаевская пустынь оставлена за кіево-печерской лаврой и слу-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., сентябрьск. кн., стр. 613—638.

житъ кладбищемъ для лаврской братіи, состоя въ вѣдѣніи особаго *начальника* изъ монашествующихъ лавры. При ней находится бѣлильня воска, изготовляемаго для лаврскаго свѣчнаго завода.

Голосѣевская пустынь находится въ лаврскомъ лѣсу, въ разстояніи 5-ти верстъ отъ лавры на югозападъ, въ ложбинѣ, окруженной съ 3-хъ сторонъ горами, въ видѣ амфитеатра, и открытой съ 4-й восточной стороны. Основаніе здѣсь пустыни положилъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила, который соединялъ въ своемъ лицѣ и званіе архимандрита кіево-печерской лавры. Въ 1631 году онъ устроилъ здѣсь церковь во имя св. великомученика *Іоанна Сочавскаго*, часть мощей коего привезъ изъ родственной ему Молдавіи и положилъ въ этомъ храмѣ. Здѣсь же онъ устроилъ себѣ, для лѣтняго уединенія, небольшой домъ, съ келліями для братіи, и развелъ садъ. Голосѣевская пустынь была отдана для жительства и въ управленіе послѣднему священно-архимандриту кіево-печерской лавры, уволенному тогда же отъ сей должности *Зосимѣ Валкевичу* до его кончины, со штатомъ третье-класснаго монастыря. Спустя 7 лѣтъ по смерти Зосимы Валкевича, послѣдовавшей въ 1793 году, штатъ монастыря здѣсь упраздненъ и Голосѣевская пустынь по прежнему приписана къ лаврѣ, но пришла въ запустѣніе. Возлюбилъ и обновилъ ее любитель пустыннаго уединенія митрополитъ кіевскій *Филаретъ* Амфитеатровъ (1837—1857 г.), который, при пожертвованіяхъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, обвелъ ее каменною оградою, построивъ въ ней въ 1846 г. каменную церковь во имя *Покрова Божіей Матери* съ придѣлами во имя св. *Іоанна* Сочавскаго и *трехъ святителей*; устроилъ для своего жительства каменный одноэтажный домъ съ церковью во имя *Іоанна* многострадальнаго и братскія келліи и вообще привелъ все въ лучшій видъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Лѣтопись Лавры.

1051 г.—Осталась впустѣ пещерка, ископанная на холмѣ пресвитеромъ церкви Спаса на Берестовѣ *Иларіономъ*, который въ семъ году поставленъ въ митрополита св. Софіи.

— И по немногихъ днѣхъ Антоній иде къ Кыеву, приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ печерку ископалъ, и возлюби мѣсто и вселися въ онь.

1054 г.—Изяславъ, увѣдавъ житіе преподобнаго Антонія, приде съ дружиною, прося его благословенія и молитвъ, и начаша приходити къ нему братья и нача пріимати я и постригати. Ископаша печерку велику и церковь и келья въ печерѣ, яже суть подъ ветхимъ монастыремъ.

1056 г.—Преподобный Антоній постави Варлаама игуменомъ, а самъ иде въ гору и ископа печеру, яже есть подъ новымъ монастыремъ.

1058 г.—Преподобный Варлаамъ устроилъ монастырь надъ пещерой дальней и церковь во имя Успенія Божіей Матери.

— Великій князь Изяславъ выведе Варлаама на игуменство къ св. Димитрію въ свой монастырь, хотя сотворити его выше печерскаго монастыря.

1073 г.—Кончина преподобнаго Антонія въ 10-й день м. іюля.

— Положено основаніе Великой церкви преподобнымъ Ѳеодосіемъ.

1074 г.—Преставися преподобный *Θеодосій*, 2-й игуменъ печерскій, 3 мая.

— *Стефанъ* поставленъ въ игумены печерскаго монастыря.

1075 г.—На Θеодосіевомъ основаніи начали строить великую церковь и братія переведена въ новый монастырь.

1078 г.—На мѣсто удаленнаго отъ игуменства преподобнаго Стефана избранъ въ игумены *Никонъ* пресвитеръ, украсившій великую церковь мусіею и живописью.

1083 г.—Прибыли въ кіево-печерскій монастырь изъ Царьграда художники, украсившіе мусіею великую церковь.

1088 г.—На мѣсто скончавшагося Никона игуменомъ поставленъ *Іоаннъ*.

1089 г.—Освящена великая церковь при игуменѣ *Іоаннѣ*.

1090 г.—Перенесены мощи преподобнаго Θеодосія изъ дальней пещеры въ великую церковь.

1096 г.—Печерская обитель потерпѣла разореніе отъ половецкаго хана *Боняка*.

1103 г.—На мѣсто скончавшагося Іоанна поставленъ игуменомъ *Θеоктистъ*.

1106 г.—Погребенъ въ великой печерской церкви, противъ Θеодосія гроба, 90-лѣтній старецъ *Янъ*.

— Постригъ принялъ въ печерскомъ монастырѣ черниговскій князь *Никола* Давидовичъ, прозванный Святошей, который построилъ Троицкую церковь на св. воротахъ лавры.

1108 г.—Окончена постройка братской каменной трапезы.

1109 г.—Съ южной стороны великой церкви пристроена боженка, въ которой погребена *Евпраксія*, дочь великаго князя Всеволода.

1112 г.—Игуменъ *Θеоктистъ* избранъ и поставленъ въ черниговскіе епископы.

1113 г.—Избранъ и 19 января посвященъ въ игумены на мѣсто Θеоктиста *Прохоръ*, бывшій въ Вышгородѣ при перенесеніи мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ 1115 году.

1119 г.—Погребенъ у гроба Θеодосіева минскій князь *Глѣбъ* Всеславичъ.

1124 г.—Избранъ и поставленъ во игумены *Тимофей*.

1130 г.—Обложенъ серебромъ гробъ преподобнаго Ѳеодосія по усердію тысяцкаго г. Суздаля Георгія Симоновича.

1156 г.—При игуменѣ Ѳеодосіи II-мъ, скончался въ печерскомъ монастырѣ *Нифонтъ*, епископъ новгородскій.

1158 г.—Погребена при гробѣ преподобнаго Ѳеодосія княгиня *Анастасія* Ярополковна, супруга князя Глѣба Всеславича, на 84 году жизни, отказавши печерскому монастырю свои волости. при игуменѣ *Акиндинѣ I*.

1168 г.—Печерскій игуменъ архимандритъ *Поликарпъ* осужденъ митрополитомъ кіевскимъ Константиномъ въ заточеніе за разрѣшеніе поста въ праздники господскіе и нарочитыхъ святыхъ.

1169 г.—Кіевскія церкви и монастыри ограблены и весь Кіевъ опустошенъ Мстиславомъ, сыномъ суздальскаго князя *Андрея Юрьевича* Боголюбскаго.

1182 г.—Избранъ братіей и поставленъ въ печерскіе игумены Щекавицкій попъ *Василій*.

— Суздальскимъ епископомъ Симономъ, бывшимъ изъ постриженцевъ печерскаго монастыря, († 1226 г.), составлено повѣствованіе о жизни и подвигахъ прежнихъ иноковъ печерскаго монастыря и сказаніе о созданіи и освященіи великой его церкви,—въ формѣ посланія къ кіево-печерскому иноку Поликарпу, его ученику.

2218 г.—Инокомъ кіево-печерскаго монастыря *Поликарпомъ* написано посланіе къ архимандриту сего монастыря Акиндину II-му о жизни и чудесахъ прочихъ (13) печерскихъ святыхъ со словъ Симона епископа суздальскаго, при которомъ Поликарпъ жилъ нѣкоторое время въ г. Владимірѣ.

1230 г.—Землетрясеніемъ повреждена печерская трапезница и произведены трещины въ стѣнахъ великой церкви.

1240 г.—Печерская обитель разорена въ нашествіе *Батыево*, вмѣстѣ со всѣми церквами г. Кіева.

1274 г.—Печерскій архимандритъ *Серапіонъ* поставленъ кіевскимъ митрополитомъ Кирилломъ въ санъ епископа владимірскаго и суздальскаго.

1289 г.—Печерскій *игуменъ Агапитъ II* участвуетъ въ погребеніи Владиміра Васильковича, галицкаго князя.

1321. Великій литовскій князь *Гедиминъ* овладѣваетъ Кіевомъ и южною Русью, при игуменѣ печерскомъ Варсонофіѣ.

1377 г.—*Архимандритъ* кіево-печерскаго монастыря *Давидъ* постригаетъ великаго литовскаго князя *Ольгерда* въ схиму.

1394 г.—Погребенъ въ печерскомъ монастырѣ князь кіевскій *Скиргелло* Ольгердовичъ, возлѣ гроба Ѳеодосіева.

1399 г.—Ханъ татарскій *Тимуръ-Кутлукъ* взялъ окупу съ печерскаго монастыря 30 рублей.

1416 г.—Крымскій ханъ *Эдигей* разоряетъ вторично печерскій монастырь.

1438 г.—Постриженъ въ печерскіе иноки князь острожскій *Ѳеодоръ* Даниловичъ.

1446 г.—Внукъ Ольгерда *Андрей Владимировичъ* написалъ въ печерскомъ монастырѣ свое завѣщаніе.

1455 г.—Погребенъ въ печерскомъ монастырѣ внукъ Ольгерда князь *Александръ* (Олелько) Владиміровичъ.

1470 г.—Кіевскій князь *Симеонъ Олельковичъ* возобновилъ великую печерскую церковь при архимандритѣ Іоаннѣ.

1484 г.—Крымскій ханъ *Менгли-Гирей* сжегъ Кіевъ и печерскій монастырь и разорилъ его.

1486 г.—Юрій Зиновьевичъ записалъ печерскому монастырю сельцо Киселевичи въ Бобруйской волости съ тѣмъ, чтобы надъ гробомъ отца его иноки печерскіе вѣчно отъ году до году ставили свѣчи.

1495 г.—Погребенъ въ великой церкви внукъ Александра Олельковича князь Василь Симеоновичъ.

1500 г.—Архимандритъ печерскаго монастыря Іона присутствовалъ на Виленскомъ соборѣ.

1512 г.—Грамотой короля Сигизмунда возстановлено общежитіе въ печерскомъ монастырѣ.

1506 г.—Князь Алексѣй Львовичъ Толочко завѣщалъ печерскому монастырю дворъ барсуковскій съ принадлежностями, а также людей Добрѣцкихъ и грунтъ Цвирковскій съ людьми сидящими на чиншѣ.

1516 г.—Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій подтвердилъ завѣщаніе своей тещи, княгини Анастасіи Голшанской на

Городокъ съ приселками Обаровымъ и Лобковщиною на Волыни и па село Волицу въ Глушской волости.

1532. Князь Алексѣй Лахтыновичъ завѣщалъ лаврѣ с. Печерскъ и сельцо Ниву съ людьми и доходами.

1533 г.—Погребенъ въ великой церкви князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій.*

1554 г.—Печерскій монастырь получилъ дозволеніе пріѣзжать въ Москву для сбора пожертвованій.

1556 г.—Великая печерская церковь *обновлена при архимандритѣ Иларіонѣ.*

1564 г.—Кіевскимъ войтомъ Семеномъ Мелешковичемъ дано печерскому монастырю село Вишеньки.

1570 г.—Король Сигизмундъ Августъ подтвердилъ общежитіе въ печерскомъ монастырѣ по правиламъ 1522 года.

1580 г.—Печерскому монастырю предоставлено право заселить мѣста у Безрадичъ надъ р. Стугною.

1586 г.—Дозволено печерскому монастырю устроить и заселить городъ *Васильевъ* съ предоставленіемъ жителямъ магдебургскаго права.

1576—1590 г.—Борьба Мелетія Хребтовича съ разными землевладѣльцами за права на имѣнія.

1592 г.—Появились документы на ставропигію и независимость отъ кіевскихъ митрополитовъ.

1593—1596 гг.—Борьба архимандрита Никифора Тура съ принявшимъ унію митрополитомъ Михаиломъ Рагозою о подчиненіи печерскаго монастыря.

1599—1624 гг.—Великая лаврская церковь, обветшавшая, предохранена отъ развалинъ архимандритомъ *Елисеемъ Плетенецкимъ*; въ великой церкви началась непрерывная служба въ лѣто и зиму; учреждена типографія, учреждено ученое братство, уставлены церковные проповѣдники, возобновлено общежитіе и заведена трапеза для нищихъ.

1654 г.—Кіево-печерская лавра вмѣстѣ съ Кіевомъ возвращена подъ Россійскую державу.

1650—1677 гг.—Во время нашествія турокъ на югъ Россіи крестный ходъ съ печерскою иконой вокругъ верхняго города Кіева.

1669 г.—Алексѣй Михайловичъ утвердилъ за лаврою всѣ ея маетности.

1679 г.—Печерскій монастырь окруженъ земляным валомъ.

1680 г.—Грамотою царя Алексѣя Михайловича подчиненъ лаврѣ *Трубчевскій* чолнскій монастырь.

1682 г.— Имъ-же данъ лаврѣ *Брянскій* свѣнскій монастырь для пристанища въ нужное воинскихъ браней время, который при семъ переименованъ въ *Новопечерскій*.

1688 г.—Кіево-печерская лавра подчинилась власти московскаго патріарха.

1690 г.—Избранъ въ архимандриты кіево-печерскіе войсковой судья Михаилъ *Вуяхевичъ*, нареченный *Мелетіемъ*, который, по постриженіи въ монашество, чрезъ годъ посвященъ въ санъ архимандрита.

1698 г.—Иждивеніемъ гетмана Ивана Мазепы лавра обведена каменною стѣною и построена церковь во имя всѣхъ святыхъ на экономическихъ воротахъ.

1700 г.—Построена каменная Воздвиженская церковь надъ входомъ въ ближнія пещеры.

1703 г.—Всѣ внутреннія келліи погорѣли, уцѣлѣла невредимо одна великая церковь.

1708 г.—Въ предохраненіе отъ шведовъ лавра ограждена новымъ крѣпостнымъ валомъ.

1700 г.—Съ мѣсяца марта до январи 1711 г. моровая язва въ Кіевѣ.

1717 г.—Принесенъ въ лавру изъ нямецкаго монастыря указательный перстъ св. первомученика *Стефана*.

1718 г.—Вся лавра съ великою церковью и со всѣмъ имуществомъ сгорѣла.

1720 г.—Великая церковь начала возобновляться.

— Грамотою отъ 22 декабря велѣно печатать въ кіевской типографіи книги согласно съ великороссійкими церковными книгами, а историческія и полемическія съ дозволенія духовной коллегіи.

1729 г.—Великая церковь, по возобновленіи, освящена 14 августа.

1730 г.—Перенесены изъ пещеръ въ великую церковь мощи св. *Михаила*, 1-го митрополита кіевскаго.

1731 г.—Основана лаврская колокольня и вылитъ большой колоколъ при архимандритѣ Романѣ Копѣ.

1744 г.—Императрица Елисавета Петровна съ супругой наслѣдника, великой княжной Екатериной Алексѣевной, пребывала въ лаврѣ.

1745 г.—Окончена лаврская колокольня.

1761 г.—Происходилъ послѣдній выборъ лаврскою братіею архимандрита *Зосимы Валкевича*.

1770 г.—Скончался въ лаврѣ тобольскій митрополитъ *Павелъ*, почивающій нетлѣнно.

1786 г.—Отобраны въ казну лаврскія населенныя имѣнія.

1786 г.—10 апрѣля кіевскому митрополиту Самуилу Мисловскому повелѣно быть и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры, а выборный архимандритъ Зосима Валкевичъ уволенъ на покой съ пенсіей по 1,000 рублей въ годъ.

1787 г.—Повелѣно при кіево-печерской лаврѣ содержать гражданскую типографію для печатанія книгъ какъ на россійскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

1793 г.—Скончался б. священно-архимандритъ лавры Зосима Валкевичъ.

II.

Настоятели кіево-печерской лавры.

А. Игумены Кіево-Печерскаго монастыря.

1. 1056 г. *Варлаамъ*, сынъ боярина великаго князя Изяслава Ярославича; перемѣщенъ въ Дмитріевскій монастырь, созданный тѣмъ же княземъ въ Кіевѣ.

2. 1074 г. *Ѳеодосій*, первый начальникъ иноческихъ общежитій, избранный братіею и утвержденный преподобнымъ Антоніемъ, основатель новаго печерскаго монастыря.

3. 1074—1078 гг. *Стефанъ*, б. церковный деместикъ, по удаленіи изъ печерскаго монастыря создавшій себѣ монастырь на Кловѣ съ церковью во имя положенія ризы Божіей Матери во Влахернѣ. Скончался въ санѣ волынскаго епископа 1094 г.

4. 1078 г. *Никонъ*, двукратно удалявшійся въ Тмутаракань, но скончавшійся въ печерскомъ монастырѣ.

5. 1088—1103 гг. *Іоаннъ I*, при которомъ освящена великая лаврская церковь и перенесены мощи преподобнаго Ѳеодосія.

6. 1103—1112. *Ѳеоктистъ*, скончавшійся въ 1123 году въ санѣ черниговскаго епископа.

7. Съ 1113 г. *Прохоръ*, упоминаемый при вторичномъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба.

8. 1124—1131 гг. *Тимофей*, при которомъ окованъ гробъ преподобнаго Ѳеодосія серебромъ и золотомъ Георгія Симоновича.

9. 1132—1141 гг. *Пименъ* постникъ.

10. 1141—1156 гг. Ѳеодосій II.

11. 1156—1164 гг. Акиндинъ I.

12. 1165—1182 гг. Поликарпъ I-й, именуемый въ лѣтописяхъ игуменомъ и архимандритомъ.

13. 1182—1197. Василій, бывшій священникъ церкви на горѣ Щекавицѣ, избранный и умоленный братіею печерскаго монастыря быть ихъ игуменомъ, и посвященный въ сей санъ чрезъ 3 дня по постриженіи въ монашество.

14. 1198—1203 гг. Ѳеодосій III.

15. 1203—1232 гг. *Акиндинъ II*, называемый въ лѣтописяхъ игуменомъ и архимандритомъ, получившій изъ Владиміра отъ монаха Поликарпа 2-ю часть Патерика печерскаго и упоминаемый въ посланіи Симона, епископа суздальскаго, къ Поликарпу.

16. 1232—1238 гг. *Поликарпъ II*, преподобный, котораго не должно смѣшивать съ монахомъ Поликарпомъ, составителемъ житій святыхъ печерскихъ; жилъ при великомъ кіевскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ, любившемъ угощать его съ 12-ю старцами по субботамъ и недѣлямъ.

17. 1238—1249 гг. *Агапитъ I.*

18. 1249—1274 гг. *Серапіонъ*, произведенный въ 1274 г. въ санъ епископа владимірскаго и суздальскаго, *зѣло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи.*

19. Съ 1274 г. *Агапитъ II*, бывшій въ 1289 году на погребеніи галицкаго князя Владиміра Васильковича.

20. *Досиѳей*, принесшій отъ св. горы чинъ, како пѣти 12 псалмовъ особь.

21. *Іоаннъ II.*

22. Азарія.

23. 1321 г. *Варсонофій*, при которомъ великій князь литовскій Гедиминъ овладѣлъ Кіевомъ.

Б. Архимандриты печерскіе:

24. 1377 г. *Давидъ*, убѣдившій Ольгерда принять христіанскую вѣру и схиму предъ кончиной.

25. Около 1396 г. *Аврамій*, во время котораго умеръ и погребенъ въ великой церкви, въ 1396 году, кіевскій князь Скиргелло Ольгердовичъ.

26. 1399 г. *Никита*, при которомъ ханъ Тимуръ-Кутлукъ взялъ окупъ съ печерскаго монастыря.

27. 1416—1434 г. *Никифоръ I*, при которомъ Эдигей въ 1416 г. разорилъ печерскій монастырь.

28. Св. Игнатій I, коего мощи почиваютъ въ пещерѣ дальней.

29. 1446—1463. *Николай*, при которомъ, по словамъ лѣтописца, въ Пасху слышенъ былъ въ пещерахъ отвѣтъ: «во истину воскресе».

30. *Макарій*, бывшій настоятелемъ два года.

31. 1470 г. *Іоаннъ II*, при которомъ Симеономъ Олельковичемъ возстановлена великая церковь.

32. *Іоасафъ I*.

33. 1482—1486 г. *Ѳеодосій Войниловичъ*, при которомъ Менгли-Гирей сжегъ печерскій монастырь.

34. 1494—1501 г. *Филаретъ*, упоминаемый 23 апр. 1494 и 25 авг. 1501 г.

35. Сильвестръ I.

36. 1508 г. Вассіанъ I Шишка, упоминаемый 26 ноября 1506 г. и 1508 г. [1]).

37. Вассіанъ II.

38. Іоаннъ III.

39. Григорій.

40. 1509. Іона, бывшій въ 1509 г. на Виленскомъ соборѣ.

41. Макарій II.

42. Варлаамъ II.

43. Никандръ.

44. Петръ.

45. 1514 г. Проклій I.

46. 1517, 1522, 1523 г. *Игнатій II*, уступившій свое мѣсто добровольно Антонію [2]), но какъ Антоній не держалъ общины въ печерскомъ монастырѣ, то Игнатій опять возвращенъ сюда въ 1525 г.

47. 1524, 1526, 1528 гг. *Антоній*, въ 1523 г. въ овручскомъ Богор. монастырѣ; въ 1526 г. возвращенъ въ печерскій монастырь королемъ [3]).

---

[1]) Акты зап. Россіи, т. II, № 46, стр. 57. [2]) Ibid., № 112. [3]) Ibid., № 126, 135, 154. Примѣч. 76, 83.

48. 1535 г. *Протасій II*, изъ Дорогобужскаго монастыря, исходатайствовавшій у Сигизмунда I-го привиллегію на волость Зебровичи и лично пожертвовавшій печерскому монастырю многія села и деревни въ вел. княжествѣ литовскомъ.

49. 1535 г. *Геннадій*, нареченный архимандритъ, [1]).

50. 1536 г. *Іоакимъ*, быв. игуменъ Выдубецкаго монастыря, которому Геннадій по болѣзни уступилъ мѣсто.

51. 1540—1541 гг. *Софроній*, въ 1540 г. исходатайствовавшій право посылать за данью въ Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскъ, удаленъ по обвиненію братіею въ расхищеніи монастырскаго имущества [2]).

52. 1541—1544 гг. *Вассіанъ* изъ минскихъ архимандритовъ, назначенный королемъ Сигизмундомъ по желанію митрополита Макарія, князей и пановъ [3]).

53. † 1550 г. *Іоакимъ II*, умершій въ 1550 г.

54. 1551 г. *Иларіонъ I*, при которомъ возстановлено общежитіе, вѣроятно братъ митрополита Макарія, названный въ королевской грамотѣ 1550 г. *Пацкомъ* [4]).

55. † 1554 г. *Іосифъ*, извѣстный процессомъ съ князьями Микитиничами, захватившими Тарасовское поле.

56. 1554, 1558, 1560, 1571 гг. *Иларіонъ II Писочинскій*, † 1572 г. [5]).

57. 1573 г. *Іона Деспотовичъ*, учинившій росписку въ полученіи денегъ отъ Яна Вутовича [6]).

58. 1573—1574 гг. *Геннадій*.

59. 1574—1593 гг. *Мелетій* Хребтовичъ-Богуринскій, изъ дому старожитнаго шляхетнаго, избранный братіею и утвержденный королемъ Генрихомъ въ 1574 г. и Стефаномъ Баторіемъ въ 1576 г., послѣ борьбы съ избраннымъ другою партіею изъ печерскихъ иноковъ Сильвестромъ іерусалимцемъ. Съ 1579 по 1588 г. титулярный епископъ владимірскій и брестскій по частному условію съ епископомъ владимірскимъ *Ѳеодосіемъ Лазовскимъ*, уступившимъ ему свою епископію до смерти, съ правомъ на доходы съ епископскихъ имѣній; числясь епископомъ и оставаясь печерскимъ архи-

[1]) Корол. привил. 8 февраля слуц. князю Юрію Семеновичу.
[2]) Акты зап. Россіи, т. II, № 204, 209, 216.
[3]) Ibid., № 209 и 216; т. III, № 1.
[4]) Ibid., т. III, № 52.
[5]) Арх. грекоуніат. митроп. № 610, 611, 149.
[6]) Акты южн. Рос.

мандритомъ, Мелетій управленіе епархіальными дѣлами поручилъ брату своему Семену Хребтовичу и пану Михаилу Дубницкому, зятю Ѳеодосія Лазовскаго [1]). При немъ въ 1592 году добыты изъ Константинополя копіи пресловутой грамоты Андрея Китая и ставропигіальной грамоты патріарха Максима 1481 г., поддѣланныя неискусно логофегомъ Іераксомъ, на основѣ которыхъ тѣмъ не менѣе кіево-печерская лавра защитила себя отъ подчиненія уніатскимъ митрополитамъ. Скончался 13 января 1593 года и въ монастырскомъ имѣніи Городкѣ близъ г. Холма, за рѣкою Бугомъ. Заботливостью Мелетія, какъ епископа владимірскаго и брестскаго, учреждено въ г. Брестѣ, при Николаевской церкви, братство съ школой для обученія юношества, съ привиллегіями равными братствамъ виленскому и львовскому, утвержденное 11 окт. 1592 г. грамотою Сигизмунда III.

60. 1593—1598 гг. *Никифоръ II Туръ*; избранный братіею въ должность архимандрита, онъ не захотѣлъ принять посвященія въ этотъ санъ отъ склонявшагося въ унію митрополита Михаила Рогозы, не смотря на троекратное его требованіе; въ 1592 году онъ вмѣстѣ съ прочими представителями православія присутствовалъ на Брестскомъ Соборѣ, отлучившемъ отъ церкви измѣнниковъ православія. За непреклонность къ уніи подвергся анаѳемѣ отъ уніатскаго собора, Не смотря на это успѣшно велъ борьбу съ митрополитомъ Рогозою. не подчинился ему и не передалъ лавры въ его власть.

61. 1599—1624 гг. *Елисей Плетенецкій*, изъ бѣлыхъ священниковъ, съ 1595 г. архимандритъ лищинскаго монастыря въ пинскомъ повѣтѣ. Въ кіево-печерскіе архимандриты избранъ въ сентябрѣ 1594 года. Возобновивъ великую лаврскую церковь, предохранилъ ее отъ развалинъ; возстановилъ иноческое общежитіе при содѣйствіи вызваннаго имъ схимонаха *Іова Княгиницкаго*; завелъ типографію, устроилъ бумажную фабрику или папирню въ Радомыслѣ, собралъ ученое братство, вызвавши: Захарію *Копыстенскаго*, Памву *Берынду*, Стефана *Берынду*, Тарасія *Земку*, Лаврентія *Тустановскаго*, Іосифа *Кирилловича*, Гавріила *Дороѳеевича*, Филофея *Кизаревича*, Александра *Мигуру*, Тимофея *Вербицкаго*, Андрея *Николаевича* и Андрея *Наумовича*, образовалъ институтъ проповѣдниковъ, установилъ давать изъ монастырской хлѣбни каж-

[1]) Арх. юго-зап. Рос., т. I, № 19, 22, 23.

дому просящему хлѣбъ и вариво, а для старыхъ нищихъ построилъ особую кухню, въ которой ихъ кормили всегда, былъ, по словамъ его преемника Захаріи Копыстенскаго, *отцомъ не только для лавры, но и для всего народа россійскаго.*

62. 1624—1627 гг. *Захарія Копыстенскій*, мужъ ученый и бывшій сотрудникъ Елисея Плетенецкаго, избранъ братіею 20 ноября 1624 г. и утвержденъ въ званіи архимандрита королевскою грамотою 7 февраля 1625 года. Недолговременное его служеніе было продолженіемъ дѣятельности Елисея Плетенецкаго. Имъ переведено съ греческаго языка *толкованіе св. Андрея Критскаго на Апокалипсисъ*, изданъ *Акаѳистникъ* и написано сочиненіе, подъ названіемъ *Палинодія*, въ опроверженіе на уніатскую книгу *Оборона Уніи*—Кревзы. По словамъ современника, печерскаго монаха Кальнофойскаго, Захарія Копыстенскій былъ «набожнымъ, попечительнымъ, прилежнымъ пресвитеромъ, пастыремъ и богомольцемъ».— Скончался 8 апр. 1627 года.

63. 1627—1646 гг. *Петръ Могила* сынъ молдавскаго воеводы Симеона, учившійся въ львовскомъ братствѣ и въ заграничныхъ университетахъ, послѣ военной службы избранный въ архимандриты печерскаго монастыря, на 30 году жизни, въ декабрѣ 1627 г., въ 1629 г. титулованъ экзархомъ константинопольскаго патріарха. Онъ «значне благоукрасилъ великую церковь, *поновивъ оную внутрь и снаружи, возобновивъ и древнюю въ ней иконопись* чрезъ вызванныхъ изъ Греціи художниковъ; выкупилъ бывшіе въ закладѣ ея серебренные и золотые богослужебные сосуды и устроилъ новые, оправилъ пещеры, расширилъ и украсилъ пещерныя церкви, устроилъ новыя гробницы для св. мощей и сдѣлалъ къ нимъ надписи на деревѣ или на камнѣ, учредилъ надлежашій надзоръ при посѣщеніи пещеръ богомольцами, ввелъ запись чудеснымъ исцѣленіямъ, совершаемымъ у св. мощей. Въ 1629 г. Могила издалъ *Литургіаріонъ* или большой служебникъ съ объясненіями литургіи и наставленіями священно-служителямъ церкви, одобренный предварительно соборомъ іерарховъ кіевской митрополіи; прилагалъ заботу о благочиніи не только въ лаврѣ, но и въ церквахъ подвѣдомыхъ лаврѣ имѣній; во время сейма 1632 года избранъ въ кіевскіе митрополиты и посвященъ въ этотъ санъ въ г. Львовѣ 8 апрѣля 1633 г.; отобралъ отъ уніатовъ кіево-софійскій соборъ и выдубицкій мона-

стырь; въ санѣ митрополита сохранилъ званіе архимандрита печерскаго, подчинивъ себѣ и кіево-никольскій монастырь. Скончался въ лаврѣ 31 декабря 1647 г.

64. 1647—1655 гг.—*Іосифъ Тризна* избранъ братіею единогласно изъ настоятелей виленскаго Св. Духова монастыря 25 января 1647 года. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода, взросъ въ печерскомъ монастырѣ и съ юныхъ лѣтъ обученъ иноческимъ правиламъ и богословскимъ наукамъ. При немъ совершилось возсоединеніе Кіева съ Россіею въ 1654 году. Скончался въ 1655 г.

65. 1656—1683 гг.—*Иннокентій Гизель*, уроженецъ Пруссіи, въ малолѣтствѣ перешелъ изъ протестантства въ православіе, обучался въ кіевской академіи и за границей, былъ учителемъ и ректоромъ кіевской академіи и игуменомъ монастырей: дятловицкаго, кіево-братскаго, кирилловскаго и никольскаго; въ 1656 году избранъ и посвященъ въ архимандриты кіево-печерской лавры. Искренно стоялъ сколько за интересы московскаго государства, столько съ другой стороны и за прежнія права малороссійскаго духовенства, не желая подчиниться власти московскаго патріарха. Въ 1680 г. испросилъ подтвержденіе владѣній лавры и приписныхъ монастырей. Ему принадлежатъ сочиненія: *Синопсисъ* и *Миръ человѣка съ Богомъ*; онъ же издалъ *Печерскій Патерикъ*. Скончался 18 ноября 1683 г. При годичномъ поминовеніи св. Димитрій Ростовскій почтилъ его похвальнымъ словомъ.

66. 1684—1690 гг. *Варлаамъ Ясинскій*, бывшій съ 1659 г. ректоромъ кіевской Академіи, 1673—1678 г. игуменъ кіево-михайловскаго монастыря, 1677—1684 г. въ числѣ лаврскаго братства; изъ намѣстниковъ въ 1684 г. 3 іюня избранъ братіею во архимандриты печерскіе; въ 1690 г. избранъ въ кіевскіе митрополиты, скончался въ 1707 г., погребенъ въ великой лаврской церкви, подлѣ Иннокентія Гизеля. При немъ, въ 1688 г., кіево-печерская лавра подчинилась власти московскаго патріарха, съ сохраненіемъ независимости отъ кіевскаго епархіальнаго управленія.

67. 1690 г. *Мелетій II Вуяхевичъ*, бывшій войсковой судья; 16 ноября 1690 г., присутствуя въ качествѣ депутата отъ козачества и гетмана при выборѣ архимандрита кіево-печерской лавры, сверхъ ожиданія самъ былъ избранъ братіей въ должность архимандрита и провозглашенъ въ великой церкви въ этомъ званіи; за-

тѣмъ, по утвержденіи въ семъ званіи Петромъ I-мъ, постриженъ въ монахи и, по возведеніи въ санъ діакона и священника, посвященъ въ архимандриты 9-го декабря 1692 г. Скончался 6 февраля 1697 года.

68. 1697—1708 гг. *Іоасафъ Кроковскій*, лаврскій постриженецъ, съ 1693—1697 ректоръ кіевской академіи и игуменъ сперва братскаго, потомъ никольскаго монастырей; избранъ въ должность печерскаго архимандрита вольными голосами братіи и посвященъ въ сей санъ въ Москвѣ патріархомъ Адріаномъ 29 іюня 1697 года. При немъ вызолочены главы великой церви и сооружена каменная ограда вокругъ лавры, а въ 1706 года лавра окружена крѣпостнымъ валомъ. Въ 1708 году избранъ въ кіевскіе митрополиты и 15 августа 1708 г. хиротонисанъ.

69. 1709 г. *Иларіонъ II*, изъ намѣстниковъ лавры избранъ въ 1709 г. и въ присутствіи императора Петра I-го въ іюлѣ того-же года посвященъ въ архимандриты въ лаврской церкви митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ. Скончался чрезъ 9 недѣль по посвященіи.

70. 1710—1714 гг. *Аѳанасій Мирославскій* изъ соборныхъ старцевъ лавры избранъ и въ томъ же году 20 іюля посвященъ въ Москвѣ, въ успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ. Скончался 1714 года.

71. 1715—1729 гг. *Іоанникій Сенютовичъ*, постриженецъ кіево-братскаго монастыря, бывшій архидіакономъ, намѣстникомъ софійскаго монастыря и наконецъ игуменомъ кіево-михайловскаго; въ 1715 году избранъ въ званіе печерскаго архимандрита и 24 іюля того же года посвященъ въ сей санъ въ Москвѣ, въ успенскомъ соборѣ, тверскимъ епископомъ Варлаамомъ. При немъ въ 1718 г. сгорѣла великая церковь со всѣми строеніями и имуществомъ, при немъ же она возобновлена и освящена. По замѣнѣ патріаршества св. синодомъ кіево-печерская лавра начала было именовать себя ставропигіею константинопольскаго патріарха, но синодальнымъ постановленіемъ въ февралѣ 1721 года ей это воспрещено, а предписано именоваться ставропигіей св. синода. Скончался 14 августа 1729 года.

72. 1720—1736 гг. *Романъ Копа* изъ купеческаго званія, уроженецъ малороссійскаго мѣстечка Погара, состоялъ намѣстникомъ лавры и въ 1729 году избранъ братіею въ лаврскіе архи-

мандриты, посвященъ въ сей санъ 12 іюня 1730 года въ Москвѣ во Всесвятской церкви измайловскаго дворца, въ присутствіи императрицы Анны Іоанновны, архіепископомъ нижегородскимъ Питиримомъ. При немъ основана въ 1731 году лаврская колокольня и отлитъ большой въ 1,000 пудовъ колоколъ. Скончался 13 сентября 1736 года.

73. 1737—1740 гг. *Иларіонъ Негребецкій*, родомъ изъ г. Перемышля, шляхетныхъ родителей; постриженъ въ печерской лаврѣ 1692 года, былъ типографомъ лаврскимъ, учителемъ богословія въ кіевской академіи, наконецъ игуменомъ приписнаго къ лаврѣ зміевскаго монастыря, избранъ братіею въ печерскіе архимандриты и 8 мая 1737 г. посвященъ въ сей санъ въ г. Петербургѣ, въ петропавловскомъ соборѣ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ. Скончался 8 января 1740 года.

74. 1740—1747 гг. *Тимофей Щербацкій* родомъ изъ села Остріекъ, близъ мѣстечка Бѣлой церкви, сынъ козачій, обучался въ придворномъ хорѣ и въ кіевской академіи, былъ каѳедральнымъ писаремъ и игуменомъ лубенскаго, выдубицкаго и кіево-михайловскаго монастыря; въ 1740 г. избранъ и посвященъ въ печерскіе архимандриты, а въ 1747 г. 9 ноября назначенъ митрополитомъ кіевскимъ. По назначеніи на кіевскую митрополію, онъ вновь 4 февраля 1748 г. былъ избранъ лаврскою братіею въ печерскіе архимандриты, съ сохраненіемъ званія митрополита, по примѣру *Мелетія Хребтовича* (1570—1591 г.); но это избраніе не утверждено.

75. 1748—1751 гг. *Іосифъ Оранскій* изъ архимандритовъ луцкаго монастыря назначенъ печерскимъ архимандритомъ *безъ выборовъ*, по указу императрицы Елисаветы Петровны отъ 13 марта 1748 г.; по вызовѣ въ С. Петербургъ ему пожалована 29 октября лаврская мантія и панагія. Скончался 8 октября 1751 г.

76. 1752—1761 гг. *Лука Бѣлоусовичъ*, козачій сынъ, родомъ изъ г. Гадяча, постриженъ въ монашество 1733 г., былъ намѣстникомъ лавры, а 1752 году избранъ братіею въ печерскіе архимандриты и посвященъ въ сей санъ въ придворной петергофской церкви с. петербургскимъ архіепископомъ Сильвестромъ, въ присутствіи императрицы Елисаветы Петровны, 21 іюня 1752 года. Скончался 30 марта 1761 года. При немъ въ лаврскомъ имѣніи Василь-

ковѣ построена каменная церковь во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, которая теперь служитъ соборною.

77. 1762—1786 гг. *Зосима Вилкевичъ*, сынъ бунчуковаго товарища Стефана, родомъ изъ с. Понтусова близъ г. Стародуба, постриженъ въ монашество въ 1745 г., изъ начальниковъ Антоніевой пещеры въ 1761 года избранъ братіей, 1-го февраля 1762 года утвержденъ и 21-го мая того же года посвященъ въ С. Петербургѣ въ печерскіе архимандриты, куда былъ вызванъ съ пристойнымъ числомъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и ризницею. Онъ былъ послѣдній настоятель лавры, избранный вольными голосами братіи и послѣдній ея архимандритъ священническаго чина. Онъ много заботился о внѣшнемъ благолѣпіи лаврскихъ церквей. При немъ обложены серебромъ съ позолотой престолъ и жертвенникъ великой церкви, мѣдными позолоченными листами престолъ въ придѣлѣ архангела Михаила, престолъ въ Воздвиженской церкви ближнихъ пещеръ и въ Рождество-Богородичной церкви дальнихъ пещеръ, обложены серебромъ съ позолотою раки преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, св. князя Владиміра и преподобнаго Антонія въ его пещерѣ; устроены новые иконостасы въ Воздвиженской церкви ближнихъ пещеръ и въ Зачатьевской дальнихъ пещеръ; вызолочены сквозь огонь 5 главъ великой церкви и глава на колокольнѣ; покрыты листовымъ желѣзомъ прочія главы и куполъ колокольни, глава и куполъ троицкой церкви на св. воротахъ, 4 главы на Воздвиженской церкви и ея колокольнѣ и три главы Рождество-Богородичной церкви; сдѣланы серебрянныя врата въ послѣднихъ 2-хъ церквяхъ и серебрянныя ризы на намѣстныя иконы Воздвиженской церкви; покрыта мѣдными листами кровля великой церкви при участіи митрополита Павла Тобольскаго. Зосима же покрылъ желѣзомъ церкви больничнаго монастыря—троицкую и николаевскую, больницу, типографію и большую часть братскихъ келлій; кромѣ того имъ сдѣлано много дорогой церковной утвари и облаченій.

III.

Архимандриты кіево-печерской лавры въ санѣ кіевскихъ митрополитовъ:

78. 1786—1796 гг. *Самуилъ Мисловскій* въ 1783 г. назначенъ кіевскимъ митрополитомъ, а 10 апрѣля 1786 года повелѣно ему быть вмѣстѣ и архимандритомъ кіево-печерской лавры, съ пре-

доставленіемъ на его волю жить въ лаврѣ въ архимандричьихъ покояхъ или въ митрополичьемъ домѣ при софійскомъ соборѣ. Скончался 5 января 1796 года и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

79. 1796—1799 гг. *Іеровей Малицкій* 1 апрѣля 1796 года изъ черниговскихъ епископовъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры; скончался 2 сентября 1799 года и погребенъ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

80. 1799—1803 гг. *Гавріилъ Банулеско*, родился въ Трансильваніи, изъ молдо-влахійскихъ митрополитовъ опредѣленъ въ екатеринославскую епархію, а въ 1799 году 29 сентября назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры; 21 августа 1803 года уволенъ по прошенію на покой въ г. Одессу; съ 1813 года управлялъ кишиневскою епархіею и тамъ скончался 30 марта 1821 года.

81. 1803—1822 гг. *Серапіонъ Александровскій*, уроженецъ г. Александрова владимірской губерніи, изъ казанскихъ архіепископовъ 11 декабря 1803 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры; въ 1822 г. 24 января уволенъ на покой; скончался 14 сентября 1824 года и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

82. 1822—1837 гг. *Евгеній Болховитиновъ*, уроженецъ воронежской епархіи; изъ псковскихъ архіепископовъ 24 января 1822 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры. Скончался 23 февраля 1837 года и погребенъ въ кіево-софійскомъ соборѣ. Онъ ввелъ лучшій порядокъ во всѣхъ частяхъ лаврскаго управленія, далъ письменныя инструкціи всѣмъ начальствующимъ въ лаврѣ, увеличилъ ея капиталы, усовершенствовалъ типографію, библіотеку и ризницу, произвелъ ремонтъ великой церкви и колокольни, перезолотилъ главы на нихъ, перестроилъ и построилъ новыя нѣкоторыя зданія.

83. 1837—1857 гг. *Филаретъ Амфитеатровъ*, уроженецъ орловской губерніи, изъ ярославскихъ архіепископовъ 18 апрѣля 1837 г. назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры. Онъ первый сталъ жить въ лаврѣ и здѣсь скончался 21 декабря 1857 года. При немъ вновь расписаны стѣны великой церкви и вызолочены купола всѣхъ лаврскихъ церквей.

84. 1858—1860 гг. *Исидоръ Никольскій*, уроженецъ тульской губерніи, экзархъ Грузіи, митрополитъ карталинскій, 1 марта 1858 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры, а 1 іюля 1860 года назначенъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ.

85. 1860—1876 гг. *Арсеній Москвинъ*, уроженецъ костромской губерніи, изъ варшавскихъ архіепископовъ 1 іюля 1860 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры. Скончался 27 апрѣля 1876 года и погребенъ въ лаврѣ, при входѣ въ ближнія пещеры. При немъ поддѣланъ гранитный цоколь къ фундаментамъ великой церкви, положена гранитная дорожка отъ св. воротъ до великой церкви, получила лучшее устройство типографія чрезъ расширеніе ея помѣщенія надстройкой верхняго этажа съ устройствомъ подвальнаго, установлены скоропечатныя машины и машина паровая, заведена литографія и устроена словолитня, расширено также помѣщеніе гостинницы постройкой корпуса больничнаго съ церковью и пріобрѣтено покупкой псковское подворье въ г. Петербургѣ за 80 тысячъ; построена кладбищная каменная церковь на Самбуркахъ, между китаевскою и голосѣевскою пустынями, и деревяная церковь во имя смоленской иконы Божіей Матери въ темномъ лугу.

86. 1876—1882 гг. *Филоѳей Успенскій*, уроженецъ ярославской губерніи, изъ тверскихъ архіепископовъ 5 мая 1876 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры. Скончался 29 января 1882 г. и погребенъ въ Крестовоздвиженской церкви ближнихъ пещеръ въ усыпальницѣ митрополита Филарета. При немъ построенъ 4-хъ этажный корпусъ на дворѣ гостинницы и двухъэтажный домъ противъ типографіи съ подвалами для ледниковъ.

87. *Платонъ Городецкій*, уроженецъ тверской епархіи, изъ херсонскихъ архіепископовъ 4-го февраля 1882 г. назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры.

МАЗЕПА И ЕГО „ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА".

Лѣтописи и мемуары XVII и XVIII ст. неодинаково передаютъ объ одномъ приключеніи изъ времени молодости гетмана Мазепы, характеризующемъ его амурныя наклонности, не оставлявшія его и въ преклонныхъ лѣтахъ. Приключеніе это есть извѣстная любовная связь Мазепы съ женой одного пана, кончившаяся громкимъ на всю Польшу скандаломъ для влюбленныхъ. Разсказъ объ этомъ приключеніи пріобрѣлъ себѣ большую популярность, благодаря жестокости, позорности и оригинальности того наказанія, какое придумалъ оскорбленный мужъ для своего счастливаго соперника. Фактъ этотъ нерѣдко служилъ основой для многихъ поэтическихъ произведеній, въ томъ числѣ и поэмы Байрона «Мазепа». Ни одно историческое изслѣдованіе, касающееся личности Мазепы, не обходитъ этого факта; не малое также число беллетристическихъ всякаго рода сочиненій, не только въ текущемъ, но и въ прошломъ столѣтіи, какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ, съ большими или меньшими подробностями повторяютъ и разукрашиваютъ пикантный разсказъ о любовной интригѣ Мазепы.

Откуда же заимствованъ самый разсказъ, гдѣ его первоначальный источникъ и въ какой степени онъ вѣренъ исторически?

Основаніе этому разсказу положено двумя польскими мемуаристами: Яномъ-Хризостомомъ Паскомъ, сначала товарищемъ панцырной хоругви, а потомъ сеймовымъ посломъ, описавшимъ событія польской исторіи отъ 1656 до 1688 годовъ [1]), и Эразмомъ Отвиновскимъ, изложившимъ

[1]) Pamiętniki Iana Chryzostoma Paska... Вильно. 1854 г., стр. 123, 190, 193—194.

событія той-же исторіи съ 1696 по 1728 годъ [1]). Первый лично зналъ Мазепу въ молодости, столкнулся съ нимъ при дворѣ и былъ его личный врагъ, второй могъ писать лишь по слухамъ и преданіямъ, весьма впрочемъ близкимъ.

Разсказу о любовной интригѣ Мазепы, съ печальнымъ исходомъ, Пасекъ предпосылаетъ разсказъ о своей встрѣчѣ съ нимъ и ссорѣ. По его словамъ, вотъ какъ это было. Въ 1661 году Пасекъ проживалъ гдѣ-то близъ Варшавы, въ домѣ варшавскаго чашника Станиславскаго, а Мазепа состоялъ при королѣ пажемъ, исполняя различныя его порученія. Послѣдній заѣхалъ къ Станиславскому по пути изъ Варшавы въ Гродно, гдѣ находился тогда король. Получивши недавно дворянство, а еще болѣе гордясь, вѣроятно, тѣми порученіями, которыя возлагалъ на него король, Мазепа съ сознаніемъ собственнаго достоинства велъ тутъ бесѣду о политическихъ событіяхъ. Узнавъ изъ разговора съ Паскомъ, который состоялъ тогда въ коронномъ войскѣ, составившемъ конфедерацію противъ короля, о намѣреніи его ѣхать по служебнымъ дѣламъ къ своему ротмистру въ Бѣлоруссію, Мазепа заподозрилъ своего собесѣдника въ искренности и высказалъ подозрѣніе, что онъ ѣдетъ туда съ какими нибудь тайными намѣреніями, въ родѣ, напр., подговора имъ литовскаго войска къ отпаденію отъ короля. Произошла размолвка между бесѣдовавшими. Въ Гродно Мазепа высказалъ свои подозрѣнія королю. Паска арестовали и предали суду; предвидѣлся печальный исходъ его дѣла, который, если и былъ предотвращенъ, то благодаря лишь заступничеству кіевскаго бискупа Томаша Уейскаго. Стараніями послѣдняго Пасекъ не только былъ оправданъ, но получилъ отъ короля даже денежную награду, а Мазепа удаленъ будто-бы отъ двора. Спустя годъ между Паскомъ и Мазепой произошла новая встрѣча, и на этотъ разъ въ дворцѣ, предъ дверью короля. Пасекъ, по собственному его признанію, не могъ скрыть нанесеннаго ему раньше оскорбленія и будучи притомъ навеселѣ, обратился къ Мазепѣ съ привѣтствіемъ: «бью челомъ пану асаулу»! низводя этимъ своего противника изъ придворныхъ довѣренныхъ короля на низшую служебную ступень

---

[1]) Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, roku 1696—1728 opisał współczesny Erazm Otwinowski. Krakow. 1849. стр. 169.

въ козачествѣ.—Бью челомъ пану капралу!—отвѣтилъ Мазепа, въ свою очередь напоминая Паску о томъ, какъ держали его подъ карауломъ нѣмцы-капралы въ Гроднѣ. Пасекъ ударилъ Мазепу въ лице. Они схватились было за оружіе, но были остановлены присутствующими. Упомянутый уже бискупъ, защитникъ Паска, совѣтовалъ ему бѣжать, такъ какъ за обнаженіе оружія въ королевскомъ дворцѣ или въ присутствіи королевской особы виновные подвергались строгимъ наказаніямъ. Пасекъ рѣшился ожидать своей участи и не ошибся въ разсчетѣ на благополучный исходъ. Король снизошелъ къ молодости виновныхъ и оставилъ ихъ безъ наказанія, принявъ прямо сторону Паска. Посрамленный Мазепа, всѣми презираемый, съ болью въ душѣ, по словамъ Паска, долженъ былъ оставить дворъ. Мемуаристъ разсказываетъ затѣмъ о любовной интригѣ своего соперника, окончившейся новымъ и гораздо большимъ для него позоромъ. По его словамъ, Мазепа уѣхалъ со стыда на Волынь, а тамъ у него было имѣніе по сосѣдству съ имѣніемъ пана Фальбовскаго или Фалибовскаго (Хвалибозскаго). У послѣдняго была молодая и красивая жена. Мазепа влюбился въ сосѣдку, переписывался съ ней и въ отсутствіе мужа являлся къ ней на свиданіе. Вскорѣ прислуга сообщила своему господину о поведеніи его жены. Фальбовскій рѣшился обнаружить обманъ и подъ предлогомъ далекой поѣздки, хотя и выѣхалъ изъ дому, но остановился на пути, поджидая соперника. Вслѣдъ за нимъ отправлялся и слуга отъ Фальбовской, которая извѣщала Мазепу объ отсутствіи мужа и приглашала его скорѣе пріѣхать къ ней. Фальбовскій задержалъ посланца, прочелъ письмо и приказалъ немедленно вручить его по адресу. Мазепа не заставилъ себя долго ждать и вслѣдъ за своимъ отвѣтомъ пани Фальбовской отправлялся къ ней и самъ. Каково же было его удивленіе, когда дорогу ему перерѣзалъ панъ Фальбовскій; для Мазепы отступленіе было невозможно; враги встрѣтились и привѣтствовали другъ друга. какъ добрые знакомые.

— Куда ѣдете, ваша милость? спрашивалъ панъ Фальбовскій.

Мазепа назвалъ какое-то иное мѣсто.

— Ко мнѣ прошу заѣхать, сказалъ Фальбовскій.

Мазепа отговаривался тѣмъ, что ему надо спѣшить въ названное имъ мѣсто и при этомъ замѣтилъ: «да и вы, пане, также куда-то ѣдете».

Тутъ панъ Фальбовскій не выдержалъ, хватаетъ Мазепу за шиворотъ, показываетъ ему записку своей жены и говоритъ: «а это что»?—Мазепа сталъ ни живъ ни мертвъ. Онъ увѣрялъ, что ѣдетъ къ нему въ домъ въ его отсутствіе въ первый рахъ.—Хлопъ! спросилъ Фальбовскій слугу, который передъ тѣмъ возилъ къ Мазепѣ записку, сколько разъ этотъ господинъ бывалъ въ моемъ домѣ безъ меня?—Слуга отвѣтилъ: столько разъ, сколько у меня волосъ на головѣ.—Фальбовскій сказалъ Мазепѣ: «выбирай себѣ родъ смерти». Мазепа просилъ не убивать его и во всемъ признался. Фальбовскій приказалъ ему раздѣться до-нага, посадилъ его на его собственнаго коня безъ сѣдла, оборотивши лицемъ къ хвосту, а затылкомъ къ головѣ, приказалъ связать ему руки назадъ, а ноги подвязать веревками подъ брюхо лошади, потомъ велѣлъ коня, горячаго по натурѣ, напугать крикомъ и ударами плети, да въ добавокъ произвести у него надъ самими ушами нѣсколько выстрѣловъ. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой тропинкѣ, которая шла зарослями посреди шиповника, дикихъ грушъ и терновыхъ кустовъ. Даже и тотъ, кто держалъ поводья въ рукахъ, идучи по этой тропинкѣ, долженъ былъ безпрестанно нагибаться и уклоняться отъ колючихъ растеній, иначе вѣтка могла задѣть его по головѣ или разодрать платье; каково же было, говоритъ мемуаристъ, голому, посаженному задомъ къ конской головѣ, сидѣть на конѣ, когда тотъ отъ испугу и боли летѣлъ, что есть духу! ..... Мазепу, когда онъ выѣхалъ изъ дому, провожало двое или трое служителей; но панъ Фальбовскій не пустилъ ихъ съ господиномъ, чтобы они не могли спасти его. Конь донесъ Мазепу до воротъ его двора еле живаго. Мазепа кричитъ, зоветъ сторожа; сторожъ, услышавши голосъ хозяина, отворилъ-было ворота, но какъ увидалъ на конѣ страшилище, тотчасъ затворился и спрятался. Мазепа зоветъ дворню: дворня выглядываетъ изъ-за дверей и только крестится. Мазепа увѣряетъ людей, что онъ ихъ господинъ, но они ему не вѣрятъ; съ большимъ трудомъ могъ онъ объясниться съ ними, пока его впустили во дворъ прозябшаго и исколотаго до крови.

Между тѣмъ Фальбовскій, расправившись съ Мазепой, возвратился домой и постучалъ въ окно такъ, какъ это долженъ былъ сдѣлать Мазепа. Онъ нашелъ открытыя двери и встрѣтилъ распростертыя

объятія своей жены; ошибка пани Фальбовской тотчасъ открылась, но что произошло послѣ этого, авторъ не находитъ удобнымъ вносить въ свои мемуары изъ скромности, замѣчая однакоже, что рейтарскіе шпоры, укрѣпленные гдѣ-то около колѣнъ, дали себя почувствовать несчастной пани.

Второй, заслуживающій большаго или меньшаго довѣрія, мемуаристъ Отвиновскій говоритъ, что печальный фактъ этотъ происходилъ въ белзскомъ воеводствѣ, что конь принесъ Мазепу въ мѣстечко, гдѣ была тотда ярмарка; обмазанный смолой и обсыпанный пухомъ, Мазепа былъ принятъ за діавола; священники осѣняли его крестнымъ знаменіемъ, пока конь, скача черезъ возы, не порвалъ веревокъ, которыми былъ привязанъ страшный наѣздникъ и не освободилъ его отъ этой жаркой бани.

Прочіе лѣтописцы, передающіе разсказанный нами эпизодъ, еще болѣе расходятся въ своихъ показаніяхъ относительно мелочныхъ подробностей и второстепенныхъ обстоятельствъ: одни называютъ мѣстомъ дѣйствія Польшу и считаютъ этотъ именно фактъ причиной удаленія Мазепы отъ двора; другіе разсказываютъ, что Мазепа былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и только по непонятной случайности остался живъ; еще иные говорятъ, что конь принесъ Мазепу прямо въ Запорожье, гдѣ будущій гетманъ былъ освобожденъ и принятъ въ число козаковъ.

Если разсматривать передаваемый такимъ образомъ фактъ лишь по существу и въ сопоставленіи съ извѣстными данными о личности Мазепы и духѣ того вѣка, то онъ представляется вполнѣ возможнымъ и естественнымъ; но если обратиться къ частностямъ разсказа и приложить къ нимъ самыя обыкновенныя правила исторической критики, фактъ теряетъ всякую достовѣрность. Мазепа былъ молодъ, красивъ, уменъ, образованъ, ловокъ, краснорѣчивъ, въ добавокъ пользовался близостію ко двору, довѣріемъ и расположеніемъ короля; ничего по этому нѣтъ непатуральнаго въ томъ, что онъ пользовался большимъ успѣхомъ среди дамскаго общества, равно и въ томъ, что одна изъ его любовныхъ интригъ кончилась неудачею и позоромъ; самое наказаніе, придуманное для него, вполнѣ гармонируетъ съ духомъ и привычками того времени. Но кто затѣмъ передаетъ разсказъ о постигшемъ Мазепу позорѣ?—Его личный врагъ, жившій за тысячи верстъ отъ указываемаго имъ мѣста

происшествія. Очевидно, онъ слышалъ разсказъ изъ третьихъ, пожалуй десятыхъ устъ и не имѣлъ побужденій отнестись къ нему безпристрастно, а скорѣе самъ былъ расположенъ прибавить что либо отъ себя къ большему позору своего противника. Если за тѣмъ онъ глухо указываетъ мѣсто происшествія на Волыни, а другіе въ Польшѣ и Галиціи, не обозначая не только деревни, но даже предмета страсти Мазепы и имени обманутаго мужа; то разсказъ приближается къ области вымысла и сплетни, особенно въ виду уснащающихъ его фантастическихъ подробностей. Между тѣмъ этотъ разсказъ въ свое время былъ можно сказать ходячимъ и уже одна его распространенность свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основѣ его лежалъ дѣйствительный случай, когда-то и гдѣ-то бывшій съ Мазепой. Гдѣ же искать свѣдѣній о немъ?

Намъ кажется, что этотъ случай открытъ теперь нами въ одномъ отрывочномъ документѣ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, въ книгѣ владиміро-волынскаго суда № 1054, въ дѣлѣ № 753. Сложный судебный процессъ производился въ 70-хъ годахъ XVII ст. въ варшавской римско-католической консисторіи, а предварительно, быть можетъ, и въ какой либо другой судебной инстанціи, со стороны владимірскаго земскаго судьи Яна Загоровскаго противъ его жены Елены, урожденной Ковалевской, по поводу ея невѣрности и многократнаго ея и ея родственниковъ покушенія убить или путемъ чаръ извести Загоровскаго со свѣта. Процессъ не былъ еще оконченъ и въ 1674 году: окончательнаго развода Загоровскій не добился, но жена его признана была сепараткой и жила отдѣльно отъ мужа. Послѣдній попросилъ экстрактъ изъ дѣла, производившагося въ варшавской консисторіи, и внесъ оный въ книги владимірскаго суда, вѣроятно для начатія новаго иска о правахъ имущественныхъ. Но изъ всего экстракта сохранилось лишь одно показаніе, вѣроятно дополнительно снятое съ главной по видимому свидѣтельницы, пани Щепановской, повторяющей показанія другихъ свидѣтелей. При раскрытіи невѣрности Елены Загоровской, въ числѣ ея любовниковъ, выступаетъ на сцену и Мазепа, при чемъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ разсказывается вся его любовная интрига съ Еленой Загоровской, окончившаяся полной неудачей для влюбленныхъ. Время дачи этого показанія неизвѣстно, а выписано оно изъ консисторскихъ книгъ 11 февраля 1675 г.

Родъ Загоровскихъ принадлежитъ къ числу старинныхъ южнорусскихъ дворянскихъ родовъ на Волыни. Резиденціею его было богатое и огромное село Загоровъ, лежащее теперь во владиміроволынскомъ уѣздѣ къ югу отъ мѣстечка Локачей. Здѣсь Загоровскій (Петръ Богдановичъ) основалъ въ началѣ XVII ст. столь извѣстный своей преданностью православію Загоровскій монастырь, существующій и доселѣ. Роду Загоровскихъ принадлежало на Волыни немалое число и другихъ селъ. При большомъ богатствѣ семья пользовалась и знатностью: нѣкоторые изъ членовъ этого рода исполняли важныя государственныя обязанности, являясь, напр., въ качествѣ королевскихъ пословъ при иноземныхъ дворахъ, или занимая выдающіяся должности въ своемъ воеводствѣ. Обезпеченныя прекрасно въ матеріальномъ отношеніи, нѣкоторые изъ нихъ испытывали однако же невзгоды въ семейной жизни. Надъ Загоровскими точно тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Особенно извѣстенъ своими семейными неудачами Василій Загоровскій, брацлавскій каштелянъ и городничій владимірскій, послѣ развода съ первою своею женою, княжною Марушею Збаражской, женившійся вторично и брошенный также и второю женою, княжною Екатериною Чер торійскою. Янъ Загоровскій происходилъ, кажется, отъ другой вѣтви рода Загоровскихъ и, по «Гербовнику» Нѣсецкаго [1]), былъ внукомъ неизвѣстнаго ему по имени инфлянтскаго каштеляна отъ сына его Романа. Во всякомъ случаѣ именно въ то время, о которомъ у насъ рѣчь, т. е. въ началѣ второй половины XVII ст., этотъ Янъ Загоровскій значится занимающимъ должность владимірскаго земскаго судьи. По словамъ Нѣсецкаго, онъ имѣлъ женой Софью Корчминскую, вдову Гембарта: но изъ судебнаго процесса, отрывокъ котораго у насъ въ рукахъ, видно, что у него была еще другая жена, Елена Ковалевская и хотя мы не имѣемъ основанія утверждать, Корчминская или Ковалевская была первой, но, принимая во вниманіе возрастъ Загоровскаго и его видное общественное положеніе, можемъ догадываться, что онъ женился на Ковалевской послѣ смерти, а быть можетъ и развода съ Софіей Корчминской. Ковалевская

[1]) Herbarz Polski ks. Kaspra Niesieckiego. T. X, стр. 24 и 25; Русская Старина. 1880 г. ноябрь, стр. 568. Ст. О. Левицкаго „Семейныя отношенія въ юго-западной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ“..

происходила также изъ довольно состоятельной дворянской семьи, первоначально, по всей вѣроятности, русской, какъ и другіе, волынскіе дворянскіе роды. Вѣтвь этой многочисленной семьи, къ которой принадлежала Елена, жена Загоровскаго, жила сначала въ кіевскомъ воеводствѣ, а потомъ переселилась на Волынь въ городъ Киселинъ. Изъ поселившихся здѣсь Ковалевскихъ найболѣе извѣстенъ Станиславъ, ловчій кіевскій, являющійся въ 1670 году посломъ на сеймѣ и коммиссаромъ, выбраннымъ для заключенія мира съ Москвой. Принимая во вниманіе годы и положеніе Станислава Ковалевскаго, его пребываніе въ Киселинѣ и возрастъ жены Загоровскаго, мы имѣемъ основаніе предполагать, что именно онъ былъ отцемъ Елены [1]).

Обращаясь теперь къ совмѣстной семейной жизни Яна Загоровскаго и Елены Ковалевской, мы не можемъ сказать, какъ долго продолжалось семейное ихъ счастіе и кто первый его нарушилъ. Елена была молода и прекрасна, а мужъ, по ея собственному мѣткому выраженію, «мурмула», нѣчто въ родѣ стараго хрыча и ворчуна. Естественно, что къ ней льнули молодые и ловкіе люди, а быть можетъ и сама она искала ихъ. У Елены явилось нѣсколько поклонниковъ, но одновременно ли, или одинъ за другимъ и въ какомъ порядкѣ, изъ свидѣтельскихъ показаній не видно. Ухаживалъ за нею нѣкто Убышъ, но посѣщалъ ее тайкомъ и даже фамилію мѣнялъ, называясь не Убышемъ, а Кемскимъ. Послалъ онъ ей перстень въ письмѣ; но посылка перехвачена и Загоровскій подарилъ перстень своему слугѣ Роману, вѣроятно, въ награду за открытіе тайны жены. Ухаживалъ немалое время и белзскій воевода Димитрій Вишневецкій, братъ извѣстнаго Іереміи и, судя по подаркамъ, не безъ успѣха: одной приживалкѣ Елены онъ подарилъ 10 червонныхъ злотыхъ и три нитки жемчуга, другой 4 червонныхъ злотыхъ; самъ подстароста Загоровскаго былъ на сторонѣ ухаживавшаго и помогалъ ему въ веденіи любовной интриги. Но болѣе близкою была связь Елены съ Мазепой. Послѣдній, по словамъ свидѣтельницы, живя на Волыни, часто бывалъ въ домѣ Загоровскаго, танцовалъ съ его женой и гулялъ съ нею по саду; но по началу «злого» ничего между ними замѣтно не было. Эти пріятныя свиданія и невинныя развлеченія скоро смѣнились тѣмъ, что Загоровская съ Мазепой стали

[1]) K. Nicsiecki, т. V, стр. 333.

избѣгать постороннихъ лицъ и свидѣтелей изъ прислуги и часто уходили въ лѣсъ. Что происходило подъ сѣнію деревъ, объ этомъ могла знать лишь сопутствовавшая влюбленнымъ въ ихъ прогулкахъ одна изъ приживалокъ пани Елены, Щепановская, на обязанности которой лежало, конечно, при свиданіяхъ Мазепы съ Загоровской, предупреждать о нескромномъ любопытствѣ постороннихъ и опасности со стороны мужа. Въ награду, вѣроятно, за точное исполненіе порученнаго ей дѣла, а еще болѣе за молчаніе о томъ, что ей приходилось видѣть въ лѣсу, Мазепа подарилъ пани Щепановской аксамитную соболевую шапку и нѣсколько червонныхъ злотыхъ; съ своей стороны и Загоровская выразила благодарность пани Щепановской, одѣвъ ее въ собственную аксамитную сукню. Въ подаркахъ также, только болѣе дорогихъ, Мазепа выражалъ и свою привязанность къ пани Загоровской; онъ преподнесъ ей, по словамъ свидѣтельницы, слѣдующія вещи: серебрянный, вызолоченный сосудъ съ бальзамомъ, алмазный перстень и нѣсколько турецкихъ платковъ. Скоро однако чувство, связывавшее Мазепу съ Загоровской, дошло въ своемъ развитіи до крайнихъ предѣловъ. Будущій етманъ не просто увлекался красивой внѣшней наружностью пани Загоровской, но полюбилъ ее настолько искренно и горячо, что сталъ смотрѣть на мужа любимой женщины, на самаго Загоровскаго, какъ на препятствіе къ счастію, препятствіе, которое онъ хотѣлъ удалить со своего пути, во чтобы то ни стало. И вотъ Мазепа пишетъ письмо къ пани Загоровской, убѣждаетъ ее, чтобы она подъ какимъ-нибудь предлогомъ выѣхала съ мужемъ изъ Загорова въ село Реушки, прибавляя, что если она уговоритъ его согласиться на эту поѣздку, то онъ, Мазепа, устроитъ на пути между названными селами засаду и убьетъ ненавистнаго имъ обоимъ пана Яна. Но этотъ коварный замыселъ влюбленныхъ не удался; челядникъ, которому Мазепа поручилъ доставить письмо пани Загоровской въ собственныя руки, былъ пойманъ вмѣстѣ съ нимъ слугами обманываемаго мужа. Намѣренія Мазепы были такимъ образомъ обнаружены, романъ его долженъ былъ такъ или иначе окончиться; но окончился ли онъ такъ, какъ разсказываетъ Пасекъ, или какъ передаетъ Отвиновскій, т. е. что Мазепа былъ больно высѣченъ Загоровскимъ, остается неизвѣстнымъ. Мужъ «мурмула» врядъ ли

былъ способенъ на такую оригинальную и требующую большой изобрѣтательности месть, какую находимъ въ разсказѣ у Паска; но во всякомъ случаѣ месть Загоровсаго, по привычкамъ и нравамъ того времени, могла выразиться въ какомъ-либо дикомъ насиліи его надъ Мазепой.

Что связь Мазепы съ Еленою и его попытка лишить жизни ея мужа закончилась чѣмъ-то особеннымъ, на это указываетъ и послѣдующая жизнь несчастныхъ супруговъ. Оскорбленный мужъ бросаетъ свою жену, уѣзжаетъ подъ предлогомъ службы во Владиміръ и остается тамъ, не обнаруживая желанія возвратиться когда-либо въ Загоровъ. Жена почувствовала невыгоду своего положенія и въ первое время по разлукѣ старается возвратить къ себѣ любовь мужа, и съ этою цѣлью окружаетъ себя всякаго рода знахарками и ворожеями. Онѣ испробовали всѣ извѣстныя въ такихъ случаяхъ приворотныя чары и средства, причемъ дочери помогала мать, то присылавшая ей совѣты, то разыскивавшая знахарокъ, то приготовлявшая сама различныя снадобья. Когда же попытка Загоровской помириться съ мужемъ и возвратить себѣ его любовь не удалась, она ищетъ его смерти. Все искусство ворожеекъ направлено теперь лишь на то, чтобы причинить какое-либо зло здоровью или жизни «нелюба». Чары этого рода достигли нѣсколько своего назначенія, и Загоровскій не на шутку заболѣлъ отъ нихъ. Болѣзнь застигла его во Львовѣ, гдѣ тотчасъ же на сцену являются доктора, цырульники и особенно «экзерцисты», самое же горячее участіе въ немъ принялъ его пріятель князь Станиславъ Массальскій; данныя имъ противоядія оказались найболѣе полезными. Семья Ковалевскихъ по чести сначала просила князя Массальскаго оставить леченіе и не мѣшать ей губить Загоровскаго; когда же не помогли просьбы, то Ковалевскіе стали грозить, что убьютъ Массальскаго. Однако, по отношенію къ нему, они такъ и ограничились одними угрозами, но противъ Загоровскаго снаряжали не разъ цѣлые отряды убійцъ; съ этою цѣлью былъ подсылаемъ, напримѣръ, жолнеръ Третьякъ съ пятью сообщниками; какому-то пану Сурину Загоровская давала сто червонныхъ за то, чтобы онъ застрѣлилъ ея мужа, а пану Трипольскому, вѣроятно Михаилу, кіевскому писарю, старая Ковалевская, въ видѣ награды за тоже, предлагала даже свою руку и сердце. Послѣднюю попытку свести со свѣта «нелюба» пани

Загоровская дѣлала при посредствѣ кобринскаго старосты Зеніевича; онъ подсылалъ во Владиміръ чародѣя - литвина, но тотъ не засталъ уже тамъ Загоровскаго, который тѣмъ временемъ успѣлъ выѣхать для начатія иска въ Люблинъ. Тутъ Загоровскій сталъ усиленно хлопотать о разводѣ съ женой, выставляя побудительной причиной къ этому ея невѣрность и чародѣйство. Къ допросу вызваны были всѣ слуги и приживалки, которыя содѣйствовали женѣ Загоровскиго то въ ея любовныхъ похожденіяхъ, то въ ея попыткахъ вызвать чарами любовь въ мужѣ, то наконецъ въ намѣреніи отравить и вообще погубить мужа. Нѣкоторые изъ свидѣтелей при первоначальныхъ допросахъ избѣгали говорить что-либо во вредъ пани Загоровской или изъ страха мести, или же изъ-за надежды на награду. Но ни запугиванія, ни подкупъ не помогли ей въ этомъ случаѣ; она поняла, что для нея все потеряно по отношенію къ Загоровскому и потому, забравъ лучшія и богатѣйшія одежды, уѣхала изъ Загорова къ матери въ Киселинъ, сказавъ на прощанье провожавшимъ ее приживалкамъ: «теперь уже не скоро, или никогда здѣсь не буду»! Разведенная съ мужемъ, Загоровская стала называться съ этихъ поръ, какъ и прежде, по фамиліи отца, Ковалевской и возвратясь подъ родительскій кровъ, продолжала жить по прежнему и расточала ласки то тому, то другому изъ своихъ поклонниковъ,

Сравнивая теперь сказанія современниковъ съ данными оффиціальнаго документа о связи Мазепы съ Загоровской, мы находимъ между ними одну только общую черту—отнесеніе мѣста дѣйствія на Волынь; но находящійся у насъ документъ частнѣе опредѣляетъ это мѣсто, указывая повѣтъ владимірскій и въ немъ села Загоровъ и Реушки. Какъ однако Мазепа могъ попасть на Волынь? По словамъ Паска, у него на Волыни было небольшое имѣніе. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли было у Мазепы какое-либо имѣніе иименно во владимірскомъ повѣтѣ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что имѣніе было у кого-нибудь изъ его родственниковъ, а родственниками его были Янъ Войнаровскій, владимірскій гродскій подстароста, женатый на родной сестрѣ Мазепы и, быть можетъ, дворянинъ Адамъ Мазепа, неосѣдлый шляхтичъ, который могъ имѣть на Волыни или какое-либо арендуемое село или частную службу. У Яна Войнаровскаго или Адама Мазепы могъ гостить Иванъ Мазепа во время своихъ поѣздокъ на Украйну къ козацкимъ гетманамъ и тогда же войти

въ интимное знакомство съ Еленой Загоровской. Если Отвиновскій переноситъ мѣсто дѣйствія въ белзское воеводство, то это не больше, какъ далекій отголосокъ искаженнаго имъ факта о связи белзскаго воеводы съ женщиной, которую раньше любилъ Мазепа.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію времени связи Мазепы съ Загоровскою, мы не находимъ для этого точныхъ данныхъ ни у мемуаристовъ, ни въ найденномъ нами документѣ. Послѣдній представляетъ выписку изъ дѣла производившагося раньше, самая же выписка относится къ 11-му февраля 1675 года. Изъ выписки явствуетъ, что и въ 1674 году разводъ супруговъ Загоровскихъ еще не былъ совершенъ, а онъ стоялъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, направленныхъ женою Загоровскаго и его роднею противъ жизни Загоровскаго. Такой сложный процессъ, помимо входившихъ въ него дѣйствій, требовавшихъ много времени, долженъ былъ пройти нѣсколько судебныхъ инстанцій, въ которыхъ дѣлались допросы и передопросы свидѣтелей, всѣ же эти обстоятельства для своего совершенія требовали столь продолжительнаго времени, что даже приблизительно опредѣлить онаго невозможно. Намъ кажется, что продолжительность этого промежутка не будетъ стоять въ противорѣчіи съ тѣми несомнѣнными хронологическими данными, которыя мы имѣемъ относительно времени оставленія Мазепою службы при королѣ и нахожденія его въ Украйнѣ, а слѣд. и въ сосѣдней Волыни. По свидѣтельству Паска, вполнѣ заслуживающему въ этомъ случаѣ довѣрія, его врагъ оставилъ Польшу въ 1662 году; изъ одного современнаго документа [1]) мы узнаемъ, что Мазепа, отправленный королемъ съ какимъ то порученіемъ къ гетману Павлу Тетерѣ, находился у послѣдняго въ Чигиринѣ во второй половинѣ февраля 1663 года; за тѣмъ въ концѣ того же года, а именно въ ноябрѣ, по свидѣтельству Самуила Величка, когда «король, маршируючи подъ Глуховъ, былъ въ Бѣлой-Церкви, тогда онъ, Мазепа, отклонившеся за службу королевѣ, зосталъ при отцу своему, еще въ живыхъ бывшему» [2]), а отецъ его жилъ тутъ же подъ бокомъ, въ селѣ Мазепинцахъ. Гдѣ же провелъ Мазепа лѣто 1663 года и почему онъ оставляетъ службу къ концу этого года? Гдѣ бы ни

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, стр. 269—272.
[2]) Тамъ-же, т. II, стр. 342.

былъ въ это время Мазепа, но службу онъ оставилъ конечно не вслѣдствіе ссоры съ Паскомъ и полученной будто бы отъ него пощечины, ибо иначе ему не могло быть дано почетное порученіе отъ короля къ гетману. Очевидно съ другой стороны, что между исполненіемъ Мазепою королевскаго порученія въ февралѣ 1663 года и оставленіемъ придворной службы въ ноябрѣ того же года, онъ все время отъ весны до осени находился гдѣ-то, но не при королѣ и не при гетманѣ, т. е. не въ Польшѣ и не въ Украйнѣ, и что съ нимъ въ это время случилось нѣчто такое, что побудило его выѣхать на встрѣчу королю и просить отставки отъ почетной службы при немъ, сулившей ему блестящую карьеру. Гдѣ же былъ въ это время Мазепа и что случилось съ нимъ?—Намъ кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что именно лѣтомъ 1663 года Мазепа былъ на Волыни, навѣщая сестру свою и зятя, и познакомившись здѣсь гдѣ нибудь съ Еленою Загоровскою, продѣлалъ съ нею ту любовную траги-комедію, о которой такъ много говорили и писали въ то время и долго спустя. Въ нашемъ документѣ, при изложеніи амурныхъ похожденій Мазепы съ Загоровскою, не упоминаются его слуги, кромѣ одного посланца, ни его имѣніе или дворъ; по всему видно, что онъ былъ тутъ гостемъ. Относительно времени документъ также ясно указываетъ на лѣтнюю пору; Мазепа съ Загоровскою совершаютъ свои романическія прогулки въ лѣсъ. Лѣтнихъ мѣсяцевъ совершенно достаточно для того, чтобы развиться любви Мазепы къ Загоровской до той степени, что онъ задумалъ убійство ея мужа; лѣтняя наконецъ пора болѣе всякаго другаго времени располагаетъ къ любовнымъ сближеніямъ. Необходимо однако допустить, что любовная связь Мазепы съ Еленой Загоровской закончилась если и не такъ скандально, какъ передалъ его личный врагъ Пасекъ, а за нимъ повторяли и другіе, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе постыдно для Мазепы и что это именно обстоятельство побудило его отказаться отъ выгодной и почетной службы при особѣ короля. Къ этому времени относится неизданная доселѣ жалованная грамота короля Яна Казиміра Мазепѣ на земли по рѣкѣ Роси, на родинѣ послѣдняго. Ясно, что не король удалилъ Мазепу, но Мазепа добровольно оставилъ службу, а для этого, при молодомъ возрастѣ Мазепы (ему было тогда не болѣе 34 лѣтъ), требовалась особая побудительная причина, какое нибудь об-

стоятельство чести, какимъ и была по всей вѣроятности скандаломъ кончившаяся любовная исторія съ Загоровской. За такой поступокъ не могъ конечно преслѣдовать его король, котораго собственная жизнь полна была любовныхъ приключеній. Гоноръ шляхетскій требовалъ отъ Мазепы послѣ такого казуса сойти на время со сцены и стушеваться въ частной жизни; король же, если и думалъ, что «быль молодцу не укоръ», то во всякомъ случаѣ не могъ противиться желанію Мазепы, а за вѣрную его службу одарилъ его при семъ случаѣ землями.

Относя время любовной связи Мазепы съ Загоровскою къ 1663 г., мы допускаемъ между нею и разводомъ Загоровской промежутокъ 10—12 лѣтъ; но такой промежутокъ не можетъ казаться слишкомъ продолжительнымъ, если мы допустимъ, что любовь Елены къ Мазепѣ была первою, что за тѣмъ слѣдовали романы ея съ Убышемъ и даже съ Вишневецкимъ, а быть можетъ и еще съ кѣмъ либо неизвѣстнымъ, что послѣ этихъ исторій не одинъ годъ длился въ семейномъ разладѣ, кончившемся переселеніемъ Яна Загоровскаго во Владиміръ, не одинъ годъ прошелъ въ колебаніяхъ его жены, а потомъ цѣлые годы пошли то на «приворотъ» Загоровскою къ себѣ мужа, то на отравленіе или убійство онаго, то на разводный процессъ, долженствовавшій въ такомъ сложномъ видѣ пройти нѣсколько судебныхъ инстанцій.

Какъ бы впрочемъ ни было, мы позволяемъ себѣ думать, что намъ удалось въ найденномъ нами документѣ напасть на слѣдъ той дѣйствительной любовной исторіи Мазепы, о которой съ такими фантастическими прикрасами передавали современники и которую расписывали потомъ на всѣ лады поэты и беллетристы разныхъ временъ и народовъ. Время и мѣсто этой завлекательной драмы по возможности нами опредѣлено, равно указано, гдѣ можно искать дальнѣйшаго и обстоятельнаго ея разъясненія, и если какой либо любитель исторіи вообще и въ частности Мазепы наведетъ справку въ книгахъ люблинскаго трибунала, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго въ Варшавѣ, то мы будемъ читать подлинную исторію любовной связи Мазепы безъ всякихъ прикрасъ.

И. Каманинъ.

„КІЕВСКІЙ СТОЛЪ“ РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА.

Московскій архивъ министерства юстиціи довольно богатъ документами по исторіи Малороссіи. Главная масса ихъ заключается въ дѣлахъ *малороссійскаго приказа* (XVII—XVIII вв.), достаточно обслѣдованныхъ Н. И. Костомаровымъ, Г. Ѳ. Карповымъ и др., преимущественно для изданій археографической комиссіи. Второе мѣсто по количеству матеріаловъ занимаютъ *разрядный приказъ* (XVII в.) и *сенатъ* (XVIII в.). Нѣкоторые матеріалы по исторіи Малороссіи XVII в. очутились въ такомъ отдѣлѣ архива, гдѣ ихъ совсѣмъ нельзя было ожидать, именно въ *сибирскомъ приказѣ*... Они попали сюда совершенно случайно, вѣроятно по недосмотру особаго «Комитета», занимавшагося въ 1835 г. сортировкою документовъ архива министерства юстиціи. Кромѣ трехъ главныхъ группъ, матеріалы для исторіи Малороссіи встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и въ другихъ отдѣлахъ архива, напр. въ дѣлахъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ (XVIII—XIX вв.) и проч.

Всѣ три отдѣла, за исключеніемъ малороссійскаго приказа, очень мало извѣстны историкамъ Малороссіи. Къ числу указанныхъ отдѣловъ принадлежитъ и такъ называемый «Кіевскій столъ» разряднаго приказа, въ составъ котораго входятъ 56 книгъ, 7 столбцовъ и 1 связка, относящіеся къ 1666—1706 гг. Отрывочныя замѣчанія объ этомъ отдѣлѣ находимъ у проф. Н. П. Загоскина[1]) и Д. И. Багалѣя[2]). Затѣмъ нѣкоторые отрывки изъ документовъ кіевскаго стола напечатаны въ моемъ «Обозрѣніи *ист. геогр. матеріаловъ XVII и нач. XVIII вв*...[3])». Но сюда вошли только мате-

---

[1]) „Столы разрядн. приказа“ (Казань, 1879), стр. 37—38.

[2]) „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степныхъ окраинъ моск госуд.“ с. X.

[3]) „Опис. докум. Моск. Арх. Мин. Юст.“, т. IV.

ріалы, касающіеся географіи XVII в., а всѣ остальные документы оставлены безъ вниманія. А такъ какъ и послѣдніе представляютъ значительный интересъ, то въ настоящей статьѣ я постараюсь дать понятіе о содержаніи всѣхъ вообще дакументовъ «кіевскаго стола».

I.

Изъ 9 «столовъ» разряднаго приказа, дѣла которыхъ хранятся въ моск. архивѣ мин. юстиціи, дѣла кіевскаго стола занимаютъ послѣднее мѣсто по количеству документовъ, а по содержанію во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ дѣлъ другихъ столовъ. Вообще этотъ столъ стоитъ такъ одиноко среди остальныхъ, что невольно возникаетъ вопросъ о правильности отнесенія его къ отдѣламъ разряднаго приказа. Надъ этимъ вопросомъ задумывался и г. Загоскинъ въ вышеупомянутой брошюрѣ «Столы разряднаго приказа», гдѣ онъ говоритъ, что относительно кіевскаго стола «большія затрудненія представляетъ опредѣленіе характера и района территоріальнаго вѣдомства его» и что «особенно *трудно опредѣлить отношенія его къ малороссійскому приказу*». «Долженъ сознаться, говоритъ онъ далѣе, что я не могъ прійти въ этомъ отношеніи ни къ какому опредѣленному результату. Можно было-бы думать, что въ этомъ столѣ вѣдался Кіевъ и нѣкоторые другіе города въ какомъ либо одномъ отношеніи. Но разсмотрѣніе книгъ его опровергаетъ это предположеніе.... Не теряясь далѣе въ догадкахъ и гипотезахъ, позволяю себѣ лишь выставить слѣдующее предположеніе: не обусловливалось ли выдѣленіе административнаго вѣданія *г. Кіева и окрестныхъ городовъ* въ спеціальное завѣдываніе разряда, изъ общаго вѣданія малороссійскаго приказа, въ силу нежеланія распространять на эти города тѣ весьма обширныя административныя льготы, которыя предоставлены были южнымъ малороссійскимъ городамъ?» (с. 37).

Мнѣ кажется, что это предположеніе г. Загоскина нельзя принять уже по тому одному, что самъ же онъ говоритъ раньше о трудности опредѣлить «районъ территоріальнаго вѣдомства» кіевскаго стола. Въ самомъ дѣлѣ, если неизвѣстны въ точности предѣлы подчиненной столу области, если кромѣ окрестныхъ кіевскихъ городовъ встрѣчаемъ здѣсь и города очень удаленные отъ Кіева (какъ города харьковскаго и ахтырскаго полковъ), если наконецъ

находимъ тутъ дѣла и такихъ городовъ, которые никогда не принадлежали къ области Малороссіи (Новгородъ и др.), то какъ же можно говорить о тѣхъ или другихъ правахъ такой неопредѣленной области?

Весь вопросъ о положеніи кіевскаго стола среди другихъ столовъ разряднаго приказа и о его отношеніяхъ къ малороссійскому приказу объясняется гораздо проще, чѣмъ думаетъ г. Загоскинъ. Фактъ причисленія кіевскаго стола къ разряду слѣдуетъ объяснить такою же случайностію, по какой нѣкоторые матеріалы малороссійской исторіи очутились, какъ замѣчено выше, среди дѣлъ сибирскаго приказа. Вообще, всѣ отдѣлы разряднаго приказа значительно перепутаны и въ каждомъ изъ нихъ можно найти не мало документовъ, относящихся къ другимъ отдѣламъ приказа и даже къ другимъ учрежденіямъ [1]). Ту же путаницу встрѣчаемъ въ частности и въ кіевскомъ столѣ, гдѣ напримѣръ *книга № 56* оказывается «книгою записною *новгородскаго стола*». Съ другой стороны несомнѣнные документы кіевскаго стола очутились въ другихъ отдѣлахъ разряднаго приказа, именно въ *бѣлогородскомъ* столѣ [2]), «*смотрѣнныхъ спискахъ*» [3]), *московскомъ* столѣ [4]), «*разрядныхъ вязкахъ*» [5]), а также въ *сибирскомъ* приказѣ (см. ниже).

Мнѣ неизвѣстны мотивы, по которымъ документы кіевскаго стола отнесены «Комитетомъ 1835 г.» къ дѣламъ разряднаго приказа, но самые документы стола ясно говорятъ о своей принадлежности именно малороссійскому приказу, т. е., что «кіевскій столъ» былъ отдѣломъ малороссійскаго приказа, но отнюдь не разряда. Основываюсь въ этомъ выводѣ на слѣдующихъ данныхъ:

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ книгахъ кіевскаго стола, въ заголовкахъ, составленныхъ по видимому въ XVIII в. (а быть можетъ и въ XVII в.), встрѣчаемъ вмѣсто «столъ» терминъ «*повытье*» [1]). Вѣроятно по этому и «Комитетъ 1835 г.» употребилъ во многихъ случаяхъ (на переплетахъ книгъ и пр.) послѣдній терминъ, т. е. такой терминъ, какимъ никогда не

---

[1]) Подробности объ этомъ крупномъ недостаткѣ въ сортировкѣ дѣлъ Разряднаго приказа см. въ „Обозрѣніи ист.-геогр. матер. XVII в...“, стр. 164—166.

[2]) *Ibid.*, 165. [3]) *Ibid.*, 179. [4]) *Ibid.*, 349. [5]) *Ibid.*, 352.

[1]) Наприм. въ заголовкѣ *книги* № 5 (л. 1) читаемъ: „Описаніе столовъ *кіевскаго повытья*, съ 190 по 200 годъ и 200 году“.

назывались отдѣленія разряднаго приказа: такъ здѣсь, такъ и въ другихъ московскихъ приказахъ XVII в. всегда встрѣчаемъ «столы», какъ названія административныхъ отдѣленій приказовъ, но никогда «повытья». Послѣдній терминъ сталъ входить въ употребленіе въ московскихъ, а затѣмъ и петербургскихъ, центральныхъ учрежденіяхъ только съ XVIII в. Относительно же малороссійскаго приказа, за отсутствіемъ въ литературѣ всякихъ свѣдѣній о его организаціи, не могу сказать, было ли и тамъ подобное дѣленіе на «столы», или же они назывались здѣсь «повытьями.» Послѣднее вѣроятнѣе, судя по вышеупомянутымъ заголовкамъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи особенно одинъ заголовокъ, гдѣ «кіевское повытье» прямо названо отдѣленіемъ малороссійскаго приказа; въ заголовкѣ *кн. № 37* читаемъ: «*Приказу Малыя Россіи*» выписки о дачѣ жалованья начальнымъ людемъ, 702 году, *Кіевскаго повытья*». Названіе же «столъ» мнѣ не приходилось встрѣчать въ документахъ кіевскаго стола [1]).

Разсматривая самые документы, входящіе теперь въ составъ кіевскаго стола, невольно замѣчаешь, что почти всѣ они составлены въ вѣдомствѣ, подчиненномъ малороссійскому приказу. Такъ, кн. № 1, «переписная книга» жителей малороссійскихъ городовъ, 174 г., составлена стольникомъ Д. Т. Измайловымъ «по государеву.... указу и *по наказу изъ приказу Малыя Россіи*, за приписью дьяка Ивана Михайлова....» (л. 1). Въ дальнѣйшемъ изложеніи предисловія этой книги точно также встрѣчаемся съ разными распоряженіями малороссійскаго приказа, а разрядный приказъ вовсе не упоминается. Далѣе: всѣ воеводскіе «росписные списки» и «смѣтныя книги» *Кіева*, составляющіе главное содержаніе книгъ кіевскаго стола, написаны «по наказу» не разряда, а именно малороссійскаго приказа. Такъ, «росписной списокъ» 192 г. о пріемѣ г. Кіева бояриномъ и воеводою Θед. Петр. Шереметевымъ съ товарищи у боярина и воеводы Алексѣя Петровича Салтыкова составленъ «по грамотѣ и съ приказу Малыя Россіи, за приписью

[1]) Проф. *Загоскинъ* говоритъ („Столы Разр. прик.“, стр. 37—31), что „въ въ первой книгѣ кіевскаго стола *подвѣдомственными послѣднему* исчисляются“ нѣкоторые города. Но въ предисловіи къ кн. № 1 говорится (лл. 1—3) о подчиненіи указываемыхъ городовъ вообще Приказу Малой Россіи, а о кіевскомъ столѣ нѣтъ ни одного упоминанія.

дьяка Вас. Бобынина...» [1]). Предисловіе этой книги говоритъ и о другихъ воеводскихъ книгахъ, посланныхъ въ малороссійскій приказъ изъ кіевскѳй приказной избы и о разныхъ грамотахъ изъ этого приказа въ избу (см. лл. 6, 15, 127 и др.). Другія воеводскія книги также свидѣтельствуютъ о прямомъ подчиненіи кіевскихъ воеводъ малороссійскому приказу [2]). «Описная книга кіевскаго ограниченія», 194 г.,—одинъ изъ выдающихся документовъ кіевскаго стола, также составлена по распоряженіямъ Приказа Малой Россіи [3]). Наконецъ въ мелкихъ производствахъ кіевскаго стола (сношенія съ Москвою, внутреннія по воеводству распоряженія и пр.) постоянно наталкиваемся на документы, свидѣтельствующіе о подчиненіи кіевскаго стола именно малороссійскому приказу, а не разряду [4]). Если же здѣсь мы встрѣчаемъ и документы, вышедшіе изъ разряднаго приказа, или направлявшіеся туда изъ кіевской приказной избы, то это потому, что разрядъ имѣлъ въ то время всеобъемлющее значеніе, такъ какъ ему принадлежало завѣдываніе обширнымъ ратнымъ дѣломъ на всемъ пространствѣ московскаго государства. Въ ратномъ дѣлѣ онъ имѣлъ близкое отношеніе и къ области малороссійскаго приказа; спеціальное же завѣдываніе Кіевомъ лежало на послѣднемъ приказѣ со дня его учрежденія [5]).

II.

Перехожу къ содержанію документовъ кіевскаго стола, большинство которыхъ относится къ исторіи Кіева въ концѣ XVII в. Преобладающее количество ихъ заставляетъ полагать, что именно городъ Кіевъ съ его окрестностями былъ главнымъ, если не единственнымъ городомъ, подчиненнымъ кіевскому столу. Причисленіе къ столу документовъ такихъ городовъ, которые лежали вдали отъ Кіева (какъ города харьковскаго и ахтырскаго полковъ) можетъ быть объяснено простою случайностію и недосмотромъ лицъ, сортировавшихъ дѣла архива юстиціи какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прошломъ столѣтіи.

[1]) Кіев. столъ, кн. № 51, л. 2.

[2]) См. напр., „росписной списокъ“ 195 г., также „смѣтн. книгу“ 189 г. и „росп. списокъ“ 190 г.

[3]) См. „Обозрѣніе ист. геогр. мат.“, стр. 317—318.

[4]) См., напр., кн. № 37, лл. 225, 295 и др.

[5]) См. *Неволина* „Полн. собр. сочин.“, т. VI, стр. 178.

Не смотря на обиліе этихъ документовъ по исторіи Кіева, они почти не тронуты изслѣдователями... Такъ Н. Закревскій для своего «Описанія Кіева» вовсе не пользовался матеріалами разряднаго архива! Источниками для него служили почти исключительно печатные матеріалы его времени. Въ «Послѣсловіи» онъ сознается, что масса матеріаловъ по исторіи Кіева лежитъ нетронутою «въ архивахъ монастырей, магистрата и др. присутственныхъ мѣстъ» [1]). Очевидно, авторъ разумѣлъ здѣсь мѣстные, кіевскіе архивы, но о московскихъ архивахъ повидимому не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, хотя работалъ надъ своимъ изданіемъ главнымъ образомъ въ Москвѣ... Между тѣмъ одни документы кіевскаго стола заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны историковъ Кіева.

Первое мѣсто между ними занимаютъ воеводскія «смѣтныя книги» и «росписные списки», т. е ежегодные отчеты кіевскихъ воеводъ малороссійскому приказу и отчеты при сдачѣ города новымъ воеводамъ—о состояніи укрѣпленій Кіева, о количествѣ ратныхъ людей, воинскихъ запасовъ, оружія и проч. Эти документы интересны главнымъ образомъ для изученія военна о положенія города, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ цѣнный матеріалъ и для тонографіи города, для исторіи его управленія и вообще для характеристики кіевской жизни въ концѣ XVII в.

Эти кіевскія воеводскія книги отчасти уже извѣстны исторической литературѣ: доселѣ напечатано *пять* болѣе или менѣе обширныхъ *отрывковъ* изъ этихъ книгъ, взятыхъ впрочемъ не изъ кіевскаго стола московскаго архива министерства юстиціи, но изъ другихъ архивовъ. Это слѣдующіе отрывки: «роспись Кіеву» 1661 г. [2]), «росписной списокъ» Кіева и «роспись меньшого и большого городу Кіеву» 1677 г. [3]), «росписной списокъ города Кіева», того же года [4]), «роспись Кіеву», 1682 г. [5]) и «роспись Кіеву» 1684 г. [6]).

[1]) „Описаніе Кіева“ (изд. 2-е, 1868 г.), т. II, стр. 928.

[2]) Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрестн.“, отд. III, № 54, стр. 87 –88. (Роспись“ перепечатана изъ „Ак. южн. и зап. Рос.“).

[3]) „Дополн. къ Акт. Ист.“, т. VII, № 28, стр. 163—171 (изъ документовъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

[4]) „Чтенія моск. общ. ист. и др.“, 1884 г., кн. II.

[5]) „Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева“, отд. III, № 59, стр. 96—103, (перепечатано изъ „Чтеній моск. общ. ист. и др.“, 1858 г.. кн. II).

[6]) „Описаніе Кіева“, *И. Закревскаго*, т. II, 900—908 (напечатано съ рукописи библіотеки моск. общ. ист. и др. доставленной *О. М. Бодянскимъ*).

Изъ воеводскихъ же книгъ кіевскаго стола напечатаны въ вышеупомянутомъ «Обозрѣніи ист.-географ. матер. XVII в.» *отрывки изъ 4 книгъ*, именно: 6 отрывковъ изъ «смѣтной книги» 1681 г., 2 отрывка изъ «росписнаго списка» 1682 г., 2 отрывка изъ «росписнаго списка» 1685 г. и 7 отрывковъ изъ «смѣтной книги» 1687 г. [1]).

Такимъ образомъ, благодаря этимъ отрывкамъ, въ литературѣ существуетъ надлежащее понятіе о кіевскихъ воеводскихъ книгахъ, а потому считаю излишнимъ приводить здѣсь новые отрывки изъ нихъ. Но такъ какъ ни одна изъ воеводскихъ книгъ кіевскаго стола не напечатана цѣликомъ, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчаются и такія статьи, какихъ нѣтъ въ вышеуказанныхъ отрывкахъ, то нельзя не пожелать, чтобы эти книги были изданы (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ) въ полномъ видѣ.

Въ кіевскомъ столѣ сохранилось *29 воеводскихъ книгъ*, за 1681, 1682, 1684—7, 1689—91, 1693—8, 1700, 1704 и 1707 гг. [2]). Для нѣкоторыхъ годовъ имѣется по 2 и по 3 книги, т. е. какъ «росписные списки», такъ и «смѣтныя книги» [3]).

Къ воеводскимъ книгамъ весьма приближаются такъ называвшіеся въ то время «*щетные списки*», составлявшіеся не воеводами, а *дьяками* кіевской приказной избы. Они отличаются отъ воеводскихъ «смѣтныхъ книгъ» отсутствіемъ описаній укрѣпленій и особенно подробнымъ изложеніемъ описи денежной казны (отчего они и назывались щетными»). Почти всѣ остальныя статьи воеводскихъ книгъ одинаково излагаются и въ «щетныхъ спискахъ», напр. описи запасовъ кружечнаго двора, аптекарскихъ, воинскихъ, мосто-

---

[1]) *Обозрѣніе*, стр. 202. 203, 238—9, 347—9, 351 и 442—3; 183 и 187; 218 и 349; 187, 200—1, 202, 209—10, 349, 373 и 394.

[2]) Кромѣ того, „смѣтная книга“ того же 1707 г. хранится въ *бѣлогородскомъ столѣ*, кн. № 188, стр. 556 и слѣд.

[3]) Приведу перечень воеводскихъ книгъ Кіева по годамъ и №№ кіевскаго стола: книга 7189 г. (№ 3), кн. 190 г. (№ 48), 192 г. (№№ 49 и 51), 193 г. (№№ 7, 9, 52), 194 г. (№ 11), 195 г. (№№ 12, 13, 55), 197 г. (№ 16), 198 г. (№ 17), 199 г. (№ 20), 201 г. (№№ 24, 25), 202 г. (№ 26). 203 г. (№№ 28, 50), 204 г. (№ 29), 205 г. (№ 53), 206 г. (№№ 31, 32), 208 г. (№№ 33, 35), 1700 г. (№ 54), 1704 г. (№ 43), 1707 г. (№№ 22, 47).

выхъ, струговыхъ и проч. [1]). Этихъ книгъ сохранилось очень немного [2]).

III.

Второе мѣсто среди документовъ кіевскаго стола занимаютъ по своей важности *переписныя книги городовъ и селъ* конца XVII в. Самая цѣнная изъ нихъ, «описная книга кіевскаго ограниченія», 1686 г., представляющая богатый матеріалъ для исторіи и географіи кіевскаго уѣзда того времени, достаточно обслѣдована въ «Обозрѣніи истор.-геогр. матеріаловъ» [3]), а потому не стану останавливаться здѣсь надъ нею. Оставляю также безъ вниманія *грамоты* и другіе *крѣпостные акты* кіевскихъ монастырей (собраніе которыхъ составляетъ приложеніе къ «Описной книгѣ»), такъ какъ свѣдѣнія объ нихъ уже даны «Кіевской Стариной» [4]). Опускаю наконецъ и «книгу описную» городовъ харьковскаго и ахтырскаго полковъ 1691 г., потому что и объ ней достаточно сказано въ «Обозрѣніи» [5]).

Остановлюсь подробнѣе на неизвѣстной доселѣ «переписной книгѣ» жителей малороссійскихъ городовъ 1666 г. (кн. № 1-й), заключающей интересныя и богатыя данныя для статистики городовъ нынѣшней полтавской и черниговской губерній [6]). Книга была составлена «по наказу изъ приказу Малыя Россіи» стольникомъ Александромъ Тимофеевичемъ *Измайловымъ*, которому велѣно было ѣхать для переписи населенія въ города: Переяславль, Воронковъ, Барышполе, Барышевку, Гелмязинъ, Песчаной, Кропивну, Домонтовъ, Ирклѣевъ, Буровлю (ниже называется Буромля), Оршицу (ниже—Оржица), Золотоношу, Нѣжинъ, Борзну, Носовку, Кабызжу, Казаръ (на р. Острѣ), Олшевку, Дѣвицу, Березну, Сиволожь (ниже—

---

[1]) См. Обозрѣніе", стр. 220.

[2]) Таковы книги №№ 6, 8, 14 и др.

[3]) См. стр. 316—320 и XXX приложеніе.

[4]) См. мою статью „Къ вопросу о началѣ кіевской академіи" („Кіевская Старина", 1886 г., мартъ, стр. 485—488).

[5]) См. стр. 232—233 и XIV приложеніе.

[6]) Срав. эту книгу съ „переписными книгами" малороссійскихъ городовъ 1654 г., напечатанными въ X т. „Акт. юж. и зап. Рос.", № 5 и приложеніе къ № 5.

Всиволожь), Володковичи и Иванъ-Городище. Населеніе этихъ городовъ съ ихъ уѣздами и было описано стольникомъ Измайловымъ, но переписи 3-хъ городовъ, именно Домонтова, Дѣвицы и Володковичь, нѣтъ въ кн. № 1.

Цѣль переписи населенія и способы самой переписи обстоятельно объяснены въ предисловіи книги: «наказъ малороссійскаго приказа» предписывалъ стольнику А. Т. Измайлову, по пріѣздѣ въ вышеупомянутые города, «сказать тѣхъ городовъ жителемъ: войтомъ, и бурмистромъ, и райцомъ, и лавникомъ, и всякимъ жилецкимъ, и промышленнымъ, и ремесленнымъ людемъ и поселяномъ, что великій государь, по своему государскому милосердому осмотрѣнію, а по челобитью боярина и гетмана войска запорожского Ивана Мартыновича Брюховецкого, и всего войска запорожскаго, и войтовъ, и бурмистровъ и всякихъ чиновъ малороссійскихъ жителей, указалъ въ своей государской *искони-вѣчной отчинѣ*, въ малороссійскихъ *городѣхъ* и въ *мѣстехъ* и въ *мѣстечкахъ*, переписать всякихъ чиновъ *жилецкихъ*, *промышленныхъ* и *тяглыхъ* людей, и въ селехъ и въ деревняхъ *крестьянъ* и *бобылей* по имяномъ, и *вѣдать их*ъ своимъ царскаго величества *бояромъ* и *воеводамъ* и приказнымъ людемъ, и *отъ старшины* и отъ всякихъ чиновъ и отъ казаковъ *оберегати*, а надогъ и обидъ имъ никому чинить не давать, и *поборовъ на старшину* и на всякихъ чиновъ начальныхъ людей и на казаковъ никакихъ *не збирать*. А обыкновенную должность (sic)—*хлѣбные* и *денежные поборы* указалъ великій государь на нихъ *положить* для своихъ великаго государя ратныхъ людей, которые нынѣ и впредь будутъ въ малороссійскихъ городахъ для обороны, а положить тѣ хлѣбные и денежные поборы указалъ великій государь *противъ ихъ же челобитья*, малороссійскихъ городовъ жителей: войтовъ, и бурмистровъ, и райцовъ, и лавниковъ, и всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, противъ росписи, какову они подали въ приказъ Малыя Россіи, чтобъ малороссійскимъ жителемъ *въ мочь было, а не въ тягость*, а великаго государя ратнымъ людемъ было-бъ чѣмъ *сытнымъ быть*»... (л.л. 1—2).

Войты, бурмистры, лавники и «лутчіе люди» должны были сами обложить себя «по своимъ пожиткомъ, и по промысломъ, и по торгомъ, и по пашнямъ, и по угодьямъ, *въ правду*».... Для этого велѣно въ городахъ и другихъ пунктахъ переписать дворы «жилец-

кихъ тяглыхъ людей», а въ нихъ «людей прожиточныхъ и середнихъ и молодчихъ», а въ селахъ и деревняхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы, также раздѣляя ихъ на 3 «статьи: первую, середнюю и меньшую». Велѣно также переписать принадлежащія къ городамъ и пр. «рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровые гоны, звѣриные стойла, бортевыя угодья, пасѣки, мельницы, рудни и о сколькихъ колесахъ которая мельница и рудня, и иные всякіе заводы, кто имяны какими угодьи владѣютъ, и сколькими волами или коньми пашню кто пашетъ, и своими-ль, или чюжими...», наконецъ переписать перевозы и ярмонки въ городахъ: на какихъ рѣкахъ существуютъ первые и въ какіе дни бываютъ торги на послѣднихъ. Составивши переписную книгу «за своею рукою и за окладчиковыми руками», Измайловъ долженъ былъ доставить ее въ малороссійскій приказъ (л.л. 2—3).

Во главѣ стоитъ перепись г. *Переяславля* и его уѣзда. Прежде всего перечислены выборные люди, присутствовавшіе «на окладѣ», произведенномъ стольникомъ Измайловымъ. Это были: войтъ Иванъ Степановъ, бурмистръ Ѳедоръ Кукличь и 8 райцовъ и лавниковъ (л. 4).

Далѣе указаны размѣры 3 окладовъ, взимавшихся съ переяславскихъ мѣщанъ по статьямъ, именно: мѣщане первой статьи обложены были «по рублю, средней по полгинѣ, меньшой статьи по полуполтинѣ съ дыму на годъ, а которые мѣщане изъ тѣхъ же статей пашню пашутъ волами и лошадьми, и тѣ положены, противъ указной статьи, съ плуга съ 8 воловъ денегъ по рублю, да хлѣба по полумѣркѣ на годъ ржи и овса пополамъ, а въ мѣркѣ по 8 осмачекъ, а съ лошадей въ пашнѣ денегъ и хлѣба противъ вола вдвое, а у котораго воловъ и лошадей въ пашнѣ больши или меньши, и съ тѣхъ воловъ и лошадей денегъ и хлѣба по росчету» (л. 4).

Приведу начало самой переписи, въ которой перечисляются дворы, приводятся имена дворохозяевъ, указываются ихъ занятія, количество скота и проч., именно:

«Переясловскіе мѣщаня *первой статьи*, которые положены по рублю съ дыму: Иванъ Степановъ сынъ, войтъ переяславской, пашетъ пашню плугомъ на 8 волахъ; Ѳедоръ Кукличь, бурмистръ, Андрей Арбу..., крамарь, Игнатій Михѣенокъ, а у него въ Переяславлѣ на

р. Трубежѣ мельница, а въ ней 3 камени, да ступа, а тѣ камени и ступы держитъ межигорского монастыря съ чернцами пополамъ, Григорій Семеновъ, пашню пашетъ на 6 волахъ, Семенъ Левковъ Волконосъ пашетъ пашню на 3 волахъ, Юрій Ивановъ, бурмистръ, держитъ медъ и пиво, Кирилъ Савоновъ, бурмистръ, торговой человѣкъ, Я. М. Томара, греченинъ, купецъ и крамарь, Б. Михѣевъ, торговой человѣкъ, Яковъ Александровъ, крамарь, пашетъ пашню на 3 волахъ», и т. д.

Далѣе идетъ подобный перечень еще 55 дворовъ, изъ нихъ: 14 дворовыхъ людей, 12 прасоловъ, 5 держатъ мельницы, 3 крамаря, 2 кушнюра, 2 калачника, 2 котляра, 2 шевца, 2 держатъ медъ и пиво, 1 только пиво, 1 ризанокъ, 1 мясникъ, 1 коваль, 1 гончаръ, 1 шапочникъ, 1 кравецъ и 4 человѣка безъ указанія на занятія. Нѣкоторые ихъ этихъ ремесленниковъ занимались и землею.—Всего въ 1 статьѣ было 66 дворохозяевъ.

Мѣщанъ «середней статьи» (л. 7) было въ Переяславлѣ *84 двора*, изъ нихъ: 19 прасоловъ, 10 пашутъ пашню, 6 мясниковъ, 6 кушнюровъ, 4 торговыхъ людей, 4 масленника, 2 торговки (вдовы съ 2 сыновьями), 2 рыбалки, 2 котляра, 2 кравца, 1 держитъ шинкъ, 1 держитъ медъ и пиво, 1 только медъ, 1 коваль, 1 чеботарь, 1 швецъ, 1 цырульникъ и 1 музычникъ—Лукьянъ Степановъ (инструментъ его не названъ); 20 человѣкъ безъ указанія занятій.

Мѣщанъ «меньшей статьи» (л. 9 об.) 124 двора, изъ нихъ: 12 швецовъ, 9 ковалей, 8 кушнюровъ, 7 пашутъ землю, 5 прасоловъ и проч., 48 человѣкъ безъ указанія занятій. Интересно указаніе на 2-хъ музычниковъ—Марка Михайлова и Ивана Захарьенка (послѣдній—скрыпка).

Всего въ Переяславлѣ мѣщанъ было 274 человѣка (изъ нихъ 24 ч. пашутъ землю на 61 волѣ и 2 коняхъ), съ которыхъ велѣно собрать 147 руб., 4 алтына, 1 денгу и 32½ осмачки ржи и овса пополамъ. Эти оброки они обѣщали внести на срокъ къ 14 ноября 175 г. Рыбныхъ ловель и другихъ угодій у переяславскихъ мѣщанъ «на передъ сего не бывало и нынѣ нѣтъ», а окрестныя озера и 2 перевоза на Днѣпрѣ (у техтемиревскаго и ржищевскаго монастырей) «къ Переяславлю не вѣдомы». «Ярманокъ» въ Переяславлѣ

бываетъ три: на «Десятую пятницу», на «Семенъ-день» и на Богоявленіе (л. 14 об.—15).

Далѣе идетъ тѣмъ же порядкомъ перепись «переяславского уѣзду» (л. 16), и именно селъ: Калениковъ, Богданова, Безпалчего, Лецкова, Войненца, Малой Каракули, Великой Каракули и еще 6 селъ (л.л. 16—18). Всего въ переяславскомъ уѣздѣ, въ 13 селахъ, оказалось 43 «пашенныхъ крестьянъ», а у нихъ 33 вола и 23 коня; положено на нихъ 9 руб., 29 алтын., 1 денга, да $39^1/_2$ осмачекъ ржи и овса пополамъ. Да въ 13 селахъ 15 бобылей, а окладу на нихъ, по 5 алт. съ человѣка, 2 руб., 8 алт., 2 ден.—Кромѣ того освобождено отъ оклада с. Ерковцы, отданное по жалованной грамотѣ (отъ 12 апр. 168 г.) изъ малороссійскаго приказа переяславскому успенскому протопопу Григорью, и с. Дѣвички, принадлежащее кіевскому никольскому пустынному монастырю (л. 18 об.—19).

Здѣсь оканчивается переяславская перепись. Затѣмъ идетъ такая же перепись города *Воронкова* (л. 20), гдѣ было мѣщанъ первой статьи 37 дворовъ, середней 58 дворовъ, третьей 17 дворовъ, всего 112 дворовъ. Большинство, именно 79 человѣкъ, занимались землею (пахали на 103 волахъ и 12 коняхъ), 19 человѣкъ было ремесленниковъ и занятія 14 чел. не указаны. Оброку всего положено съ мѣщанъ 3-хъ статей 85 руб., 29 алт., 1 ден., да $63^1/_2$ осмачки ржи и овса пополамъ. Замѣчено при томъ, что *ярмарки* бываютъ въ Воронковѣ на Вознесенье и на Рождество Пресвятой Богородицы, а въ концѣ прибавлено: «да воронковского *уѣзду* бобыли»: въ с. Санковѣ 8 дворовъ и въ с. Процевѣ 2 двора, а окладу на нихъ положено по 4 деньги съ человѣка, всего 1 р. 16 алт.

Не привожу переписей остальныхъ 18 городовъ и ихъ уѣздовъ, такъ какъ они сходны съ предъидущими и такъ какъ сдѣланныя извлеченія даютъ достаточное понятіе о всемъ содержаніи разсматриваемой «переписной книги» 174 г.

Въ кіевскомъ столѣ находятся еще 2 переписныя книги: а) весьма близкая къ предъидущей «приходная книга» того же 1666 г.[1])

---

[1]) Сибирскаго приказа кн. № 495. Въ архивной описи замѣчено: „означенная книга принадлежитъ кіевскому повытью, а не къ сибирскому приказу". Книга безъ начала и конца.

о сборѣ денегъ съ мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ по городамъ: Кіеву, Гоголеву, Борзнѣ, Басанѣ, Бобровицѣ, Остру, Козельску, Мѣнѣ и Сосницѣ и б) «оброчная книга» (т. е. переписная книга денежныхъ и другихъ сборовъ съ угодій, какъ-то: мельницъ, рыбныхъ ловель и пр., а также съ лавокъ и промышленныхъ заведеній) городовъ: Царева-Борисова, Змѣева, Сумина, Лебедина, Ахтырки, Боровли, Харькова, Суджи, Мирополья, Краснополья, Бѣлополья, Маяцка, Золочева и Ольшанска, 1688, 1690—1700 г.г. [1]).

IV.

Слѣдующее мѣсто отвожу сохранившимся въ значительномъ количествѣ *производствамъ* кіевскаго стола, т. е. болѣе или менѣе мелкимъ документамъ, въ которыхъ выражается какъ внутренняя дѣятельность кіевскаго воеводства, такъ и его сношенія съ малороссійскимъ, разряднымъ и другими московскими приказами, а также пограничныя сношенія и пр. Эти документы весьма цѣнны для исторіи воеводскаго управленія, ратнаго дѣла, церкви, народнаго быта и пр.

Сюда относятся: *9 книгъ* съ челобитьями служилыхъ и другихъ людей, воеводскими отписками, царскими грамотами изъ малороссійскаго, разряднаго и другихъ приказовъ, преимущественно о ратномъ дѣлѣ: о сборѣ и отпускѣ ратныхъ, о выдачѣ имъ жалованья, о заготовкѣ воинскихъ и продовольственныхъ припасовъ и проч.; *7 столбцовъ* кіевскаго стола преимущественно съ документами по сношеніямъ Кіева съ московскими приказами; *4 столбца сибирскаго приказа* съ наказами, памятями, грамотами и пр. объ исправленіи кіевскихъ укрѣпленій, съ воеводскими вѣстовыми отписками о турецкихъ, польскихъ, крымскихъ и др. вѣстяхъ, съ отписками о денежныхъ сборахъ, о высылкѣ ратныхъ на службу и проч. [2]).

Для примѣра сдѣлаю обозрѣніе нѣкоторыхъ производствъ, помѣщенныхъ въ *кн. № 37*. Книга начинается слѣд. дѣлами:

---

[1]) Кіевскаго стола кн. № 15.—Свѣдѣнія объ „оброчныхъ книгахъ“ см. въ „Обозрѣніи ист.-геогр. матер.“, VI отд., I глава.

[2]) Тутъ между прочимъ документы объ описаніи и измѣреніи г. Кіева, а также дѣла о переселеніи въ Малороссію.

1) Дѣло по челобитью, отъ 13 генв. 1701 г., кіевскаго протопопа Ивана Углицкаго и всѣхъ приходскихъ поповъ и діаконовъ о возстановленіи прежней дачи имъ денегъ «за молебное пѣніе на государскіе ангелы», прекращенной со времени пріѣзда воеводы кн. Петра Ивановича Хованскаго. Прежде, жаловалось духовенство, давали «на 11 чиселъ, за 11 молебновъ, а нынѣ намъ даютъ только въ дву числѣхъ, марта 17, да іюня 29...» Дѣло рѣшено было въ пользу челобитчиковъ: возстановлены всѣ прежнія дачи молебенныхъ денегъ, съ уплатою за пропущенные годы (л.л. 1—3).

2) Дѣло (въ іюлѣ 1701 г.) о пріемѣ на русскую службу француза Франца Демарла и объ опредѣленіи его «подполковникомъ кіевскаго жилого салдацкого полку» (л.л. 5—16).

3) Дѣло (въ генварѣ 1708 г.) по челобитью полковника стрѣлецкаго полка стольника Мих. Ѳед. Сухорева о назначеніи его сына Алексѣя подполковникомъ его полка «за службы, за кровь и за раны» отца (л.л. 17—18).

4) Отписка генералъ-маіора Юрія Ѳамендина о состояніи городскихъ укрѣпленій и воинскихъ припасовъ въ Кіевѣ (л. 19).

5) Дѣло о посылкѣ въ Кіевъ капитана инженера Эммануила Охмана (въ февралѣ 1702 г.), для починки кіевскихъ укрѣпленій (л. 22).

7) Дѣло о посылкѣ въ Кіевъ «зелейнаго мастера» для «перекрутки стараго и слеглого пороху» (мартъ 1702 г.) (л. 28).

7) Дѣло Семена Осип. Беклемишева съ Свѣнскимъ монастыремъ, брянскаго уѣзда, о бѣглыхъ крестьянахъ перваго (въ мартѣ 1702 г.) (л. 35).

Далѣе идутъ дѣла въ томъ же родѣ [1]); но нѣкоторые изъ нихъ представляютъ исключительный интересъ, какъ напримѣръ дѣло (въ сентябрѣ 1702 г.) о сыскѣ въ Кіевѣ и др. мѣстахъ бѣжавшаго изъ Углича игумена Улеймина монастыря Лаврентія, обвиняемаго «въ государевѣ великомъ дѣлѣ» (л. 225 и слѣд.).

Интересны также въ книгѣ № 37 часто встрѣчающіеся допросы «вѣстовщиковъ, торговыхъ людей, полоненниковъ» и проч. о польскихъ, турецкихъ и шведскихъ «вѣстяхъ».

---

[1]) Встрѣчаются между прочимъ документы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. это отписки иностранныхъ инженеровъ и пр.

V.

Къ вышеуказаннымъ производствамъ весьма близко примыкаетъ *книга № 5*, содержащая *описи столбцовъ* кіевскаго повытья за 190—200 гг., составленныя въ концѣ XVII в. подьячими малороссійскаго приказа. Такъ какъ описанные здѣсь столбцы не сохранились до нашего времени, то опись ихъ имѣетъ большое значеніе. Она составлена очень подробно и обстоятельно: представляя точные и ясные заголовки документовъ, опись часто даетъ и болѣе или менѣе обширныя извлеченія изъ нихъ, такъ что въ нѣкоторой мѣрѣ восполняетъ отсутствіе самыхъ документовъ. Вообще опись на столько хорошо составлена, что свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ развитіи приказнаго дѣла въ московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ разсматриваемаго времени и въ частности является любопытнымъ матеріаломъ для исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. Документы описаны въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, раздѣлены на «*столпы*», а «столпы» подраздѣлены на «*чети*».

Еще болѣе цѣнно самое содержаніе описанныхъ столбцовъ. Помимо историко-юридическаго ихъ значенія, какъ непосредственныхъ свидѣтельствъ о предметахъ и кругѣ вѣдомства кіевскаго повытья или стола малороссійскаго приказа, они имѣютъ и прямое историческое значеніе, какъ матеріалы для исторіи кіевскаго воеводскаго управленія, для исторіи самаго г. Кіева, ратнаго дѣла въ немъ и проч.

Приведу нѣсколько выписокъ изъ этой любопытной описи. Вотъ ея начало:

«*190 году—1 столпъ, четь 1-я*, а въ немъ: государева *грамота* въ Кіевъ, къ окольничему и воеводѣ къ Ивану Ѳедоровичю *Волынскому*: велѣно кіевскихъ полковъ маеору иноземцу Полдвину *Ѳику* за службы въ Кіевѣ-жъ быть въ подполковникахъ, и учинить ему окладъ противъ ево братьи».

«*Челобитная* и *выписка* салдатцкого строю маеора Ѳредриковской жены *Ѳика* вдовы Анны, что доправлено на мужа еѣ черниговскіе казны недочету 29 рублевъ 23 алт. 5 ден., и тѣ деньги ей выдать, и по помѣтѣ на выпискѣ думного дьяка Ларіона *Иванова* тѣ деньги велѣно ей выдать въ Кіевѣ, и отпускъ *грамоты*».

«*Челобитная* и *выписи*, за помѣтою дьяка Василія *Бобынина*, рейтарского кіевского политмаеора Алексия *Ободовского*, и отпускъ *памяти* въ патріаршъ разрядъ, для отстрочки въ судѣ, для кіевской службы, съ Афанасіемъ *Нелидовымъ*».

«*Отписка* окольничего и воеводы исъ Кіева о присылкѣ къ нему наказа, и что онъ принялъ».

«Великого государя грамота въ Кіевъ, къ окольничему и воеводѣ, о розборѣ начальныхъ людей и объ отпускѣ ихъ, которые будутъ за полками къ Москвѣ». (л. 1)

Того же 190 г. «указъ, за помѣтою думного дьяка Ларіона Иванова: велѣно въ Кіевѣ жилой кіевской стрѣлецкой приказъ вѣдать генералъ маеору Петру Гордону, а А. Ободовскому не вѣдать. И великого государя грамота (о томъ) въ Кіевъ» (л. 2).

«Отписка исъ Кіева, что прошлого 189 году, августа 9 числа, въ ночи въ 8 часу, въ 3-й чети, въ Кіевѣ, въ нижнемъ и въ верхнемъ городѣ, и въ монастырехъ въ ближнихъ и въ дальнихъ, изволеніемъ Божіимъ было трясеніе земли на половину чети часа, градъ и церкви вельми колебались» (лл. 2 об.—3).

«Великихъ государей грамоты въ Кіевъ о вѣдомости *моровато повѣтрія въ Сѣчи* и въ Крыму, и чтобъ *заставы* учинить» (л. 9).

«Указъ 190 г., ноября во 2 день: велѣно *быть въ Кіевѣ* боярину князю Петру Семеновичу Прозоровскому окольничего на Иваново мѣсто Ѳедоровича Волынского» (л. 2 об.).

«Указъ ноября въ 13 день: велѣно быть въ Кіевѣ *въ товарищахъ* съ бояриномъ со княземъ П. С. Прозоровскимъ стольнику князю Борису княжъ Васильеву сыну Горчакову, дьякомъ Андрею Черному, Лукѣ Нестерову». Прозоровскому приказывалось, по прибытіи въ Кіевъ, принять отъ Волынскаго «образъ Пресвятые Богородицы и городы, и во всемъ росписатся съ нимъ» (л. 4).

191 г. «Отписка изъ Сѣвска Леонтья Неплюева и подъ отпискою гетманской листъ о посылкѣ подьячего Василія Баутина въ Кіевъ, съ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ».

«Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подьячей В. Баутинъ посланъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль».

«Роспросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подьячего Василія били«.

«Велнкихъ государей грамота въ Кіевъ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подьячей В. Баутинъ, изъ с. Воздвиженского, о измѣнѣ князя Ивана и сына ево князя Андрѣя Хованскихъ, и будучи онъ Кіевѣ тое грамоту объявилъ, и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ розныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойные слова говорили, и подьячего били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, и за то инералу-порутчику и полковникомъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ людемъ и рейтаромъ и салдатомъ и стрѣльцомъ указъ сказанъ, чтобъ они къ той шатости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы били челомъ великимъ государемъ, чтобъ въ той винѣ ихъ великіе государи простили, а воровъ и завотчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указу, а въ винахъ они прощены» (лл. 46—47).

Описи остальныхъ документовъ книги № 5 представляютъ болѣе спеціальный интересъ.

Разсмотрѣнными 4 группами матеріаловъ исчерпывается все содержаніе документовъ кіевскаго стола. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить важное значеніе этихъ матеріаловъ для внутренней исторіи Малороссіи конца XVII в. и особенно для исторіи Кіева того времени.

И. Оглоблинъ.

Библіографія.

Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł hr. K. Stadnickiego: «Synowie Gedymina», «Olgierd i Kiejstut» i «Bracia Władysława Jagielly», przez Józefa Wolffa. Krakow. 1886 г.

Послѣ выхода въ свѣтъ извѣстныхъ монографій графа Стадницкаго о литовско-русскихъ князьяхъ издано было значительное число новаго матеріала, дающаго возможность болѣе точнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ по исторіи Литвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣнія графа Стадницкаго не всегда можно было признать безъошибочными и вѣрными; изслѣдователи отдѣльныхъ частей въ этой исторіи дѣлали время отъ времени исправленія и дополненія къ выводамъ польскаго историка. Сводъ всѣхъ этихъ поправокъ и дополненій и пересмотръ выводовъ гр. Стадницкаго принялъ на себя авторъ названнаго выше сочиненія, г. Іосифъ Вольфъ.

Свое изслѣдованіе г. Вольфъ раздѣляетъ на двѣ части: въ первой излагается родословіе Гедиминовичей, во второй Ольгердовичей. Части дѣлятся на главы, изъ которыхъ каждая имѣетъ предметомъ судьбу того или другаго сына Гедимина или Ольгерда.

Приступая къ частнѣйшему изложенію, авторъ ставитъ два вопроса относительно родословія литовскихъ князей, именно: были ли литовскіе князья самобытнаго происхожденія, или же происходили отъ Рюриковичей, а также былъ ли Гедиминъ узурпаторомъ или законнымъ наслѣдникомъ Витеня. Намъ кажутся нѣсколько странными эти вопросы послѣ того, что сдѣлано и издано русскими учеными по исторіи Литвы; теперь ужъ едва-ли можно сомнѣваться какъ въ самобытности происхожденія литовскихъ князей, такъ и въ законности наслѣдованія Гедимина.

Переходя за тѣмъ къ роду Гедимина, г. Вольфъ указываетъ на новое имя дочери Гедимина Данмилы или Елисаветы, бывшей въ замужествѣ за мазовецкимъ княземъ Воиномъ (Вацлавомъ); относительно

Монвида подвергаетъ сомнѣнію происхожденіе отъ него *Забржезинскихъ*, *Дорогостайскихъ*, *Гльбовичей* и *Вязовичей;* къ тремъ извѣстнымъ до сихъ поръ сыновьямъ *Наримунта-Гльба* прибавляетъ еще двухъ: *Михаила*, родоначальника пинскихъ князей *и Шимона*, быть можетъ Семена Свислочскаго; подвергаетъ сомнѣнію происхожденіе *князей Ружинскихъ* отъ *Алескандра* Наримунтовича; *Семена*, сына Явнутія, отличаетъ отъ Семена Свислочскаго и Семена Ямунтовича Клецкаго; говоря о *Витовтѣ*, замѣчаетъ, что у него была единственная дочь Софья за московскимъ княземъ, существованія же его сыновей Ивана и Юрія вовсе не признаетъ; у *Коріата-Михаила*, кромѣ четырехъ извѣстныхъ сыновей, находитъ еще трехъ: *Льва*, *Василія* и *Димитрія* Коріатовичей и наконецъ за сыномъ Любарта Ѳеодоромъ не признаетъ потомства, доказывая его бездѣтность его же завѣщаніемъ въ пользу короля, за отсутствіемъ наслѣдниковъ даже со стороны братьевъ, и утверждаетъ, что все относимое гр. Стадницкимъ къ Феодору Любартовичу, должно быть относимо къ Феодору Ольгердовичу.

Вторая часть разбираемой нами книги посвящена обзору судьбы семьи Ольгерда. Перечисляя сыновей третьяго сына Гедимина, авторъ выражаетъ сожалѣніе, что гр. Стадницкій въ своемъ спискѣ ихъ слѣдуетъ за Воскресенской лѣтописью и повторяетъ ея ошибки, неточности и исправленія. Сравнивая родословія таблицы Ольгердова потомства въ русскихъ, польскихъ и литовскихъ хроникахъ и принимая во вниманіе другія историческія свидѣтельства, онъ указываетъ ихъ ошибки и предлагаетъ свою таблицу. Говоря за тѣмъ болѣе или менѣе подробно о каждомъ изъ 12-ти сыновей Ольгерда и ихъ родахъ, г. Вольфъ останавливается въ особенности на Ѳеодорѣ Ольгердовичѣ, котораго до сихъ поръ историки опускали въ своихъ родословныхъ и котораго гр. Стадницкій смѣшивалъ съ Феодоромъ Любартовичемъ, умершимъ безпотомно. По изслѣдованію г. Вольфа у Феодора Ольгердовича было три сына: *Сангушко* (искаж. Семенъ), правившій въ Ратнѣ, *Романъ*, имѣвшій удѣлъ въ Кобринѣ и *Гурко,* жившій въ Красничинѣ; у перваго изъ нихъ было четыре сына: Василій, Иванъ, Александръ и Михаилъ; отъ ихъ сыновей уже произошли три княжескія семьи Сангушковъ: *Ковельскихъ*, *Кошерскихъ* и *Несухонтскихъ*. Въ заключеніе всего своего изслѣдованія авторъ приводитъ обстоятельныя и подробныя родословныя таблицы Ольгердовичей и Гедиминовичей.

Трудъ г. Іосифа Вольфа требовалъ кропотливой, утомительной работы; но достоинство его заключается не столько въ безспорныхъ дополненіяхъ и поправкахъ къ труду графа Казиміра Стадницкаго, сколько

въ подведеніи итоговъ всего сказаннаго доселѣ по избранному имъ предмету и сводѣ всѣхъ данныхъ о родословной литовскихъ князей. Авторъ воспользовался всѣмъ, что есть по этому предмету въ литературѣ польской и русской; но сдѣланныя имъ дополненія и поправки не всегда достаточно обоснованы и доказаны и многое въ его выводахъ и мнѣніяхъ можетъ быть оспариваемо; характеръ ихъ во многихъ случаяхъ гипотетическій и тѣмъ не менѣе работа цѣнна и интересна, какъ послѣднее слово исторической науки по данному вопросу.

И. Каманинъ

Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIV. Съ 6-ю литографированными листами. Одесса. 1886 года.

Настоящій томъ трудовъ одесскаго общества исторіи и древностей является новымъ пріобрѣтеніемъ для областной исторіи южной Россіи. Содержаніе его очень разнообразно. По обыкновенію изданіе общества начинается отдѣломъ археологическимъ, захватывающимъ тѣ отдаленныя времена крымскаго полуострова, когда онъ составлялъ греческую колонію. Тутъ объяснены три археологическія находки: двѣ печати, найденныя въ Херсонесѣ въ 1884 г., два отрывка ольвійскихъ надписей и одна генуэзская надпись, найденная въ 1883 г. въ Ѳеодосіи. Объясненіе принадлежитъ профессору О. В. Юргевичу и произведено съ строго научными пріемами. Одна изъ печатей, по сообщенію Юргевича, относится къ концу X или началу XI в. и была привѣшена къ грамотѣ хагана, котораго власть надъ собою признавалъ тогда Херсонесъ; другая принадлежитъ одному изъ трехъ императоровъ этого имени, т. е. Михаилу Керуларію, или Михаилу Керкуасу или наконецъ Михаилу Философу и относится къ XI в. Ольвійскія надписи принадлежатъ времени императора Севера (222—235 гг.) и свидѣтельствуютъ о какихъ-то передѣлкахъ въ какомъ-то храмѣ, б. м. Сераписа и Изиды. Генуэзская надпись говоритъ о построеніи генуэзцами въ Кафѣ, кромѣ извѣстныхъ доселѣ 8-ми башенъ, еще одной въ честь св. Ѳомы; въ надписи названы имена генуэзскаго дожа и консуловъ г. Кафы, при которыхъ произведена постройка.

За этими сухими и скучными объясненіями слѣдуетъ полная живаго интереса статья того-же профессора Юргевича: «Объ археологическихъ изысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію одесскаго общества исторіи и древностей». Изъ нея

мы узнаемъ, что изслѣдованіе и описаніе береговъ Крыма началось русскими учеными со времени его присоединенія къ Россіи, а французскими и гораздо раньше, что съ одной стороны расхищеніе древностей въ Крыму и вообще на югѣ Россіи, давшее возможность многимъ частнымъ лицамъ составить богатыя коллекціи монетъ, медалей и друг. предметовъ древности, съ другой разрушеніе и уничтоженіе многихъ вещественныхъ памятниковъ, побудили наше правительство обратить на это вниманіе и привели сперва къ учрежденію, по ходатайству генералъ-губернатора гр. С. М. Воронцова, музеевъ въ Одессѣ и Керчи въ 1825 году, а потомъ и къ учрежденію историко-археологическаго общества въ 1839 г. Авторъ высчитываетъ въ концѣ статьи все, что сдѣлано было обществомъ въ теченіи 47 лѣтъ его существованія; но сдѣлано было такъ много, что перечень всего занялъ бы нѣсколько страницъ; интересующихся отсылаемъ въ самому отчету, здѣсь же пожалѣемъ, что авторъ не далъ общихъ итоговъ подробно описываемой имъ дѣятельности общества.

«Новая надпись изъ Партенита», обслѣдованная г. Латышевымъ, важна для исторіи христіанства въ Крыму; она заключаетъ въ себѣ упоминаніе о монастырѣ св. апостоловъ, а это упоминаніе представляетъ новое подтвержденіе тождества этого Партенита съ средневѣковыми Парѳенитами. Такимъ образомъ существующіе теперь развалины храма принадлежатъ тому, который былъ сооруженъ въ VIII в. въ память св. апостоловъ въ Партенитѣ преподобнымъ Іоанномъ Готскимъ. Надпись свидѣтельствуетъ о раннемъ развитіи христіанства въ Крыму.

Въ историческомъ отдѣлѣ записокъ помѣщены «Подлинныя записки флотскаго капитана Ильи Ивановича Ханыкова о донской экспедиціи», авторъ которыхъ весьма подробно и обстоятельно описываетъ движеніе и дѣйствія на Азовскомъ морѣ донской флотиліи въ войну Россіи съ Турціей въ 1771 г., обращая иногда вниманіе и на физическую природу мѣстностей, окружающихъ Азовское море, а также и на самое море. Памятникъ чрезвычайно живой и дорогой по многимъ любопытнымъ своимъ подробностямъ.

Весьма цѣнный матеріалъ для исторіи представляютъ «Статистическія свѣдѣнія о Крымѣ, сообщенныя каймаканами въ 1783 году». Они вызваны были потребностью правительства знать состояніе присоединенной области. Сюда входятъ свѣдѣнія о количествѣ жителей, ихъ поселеніи, промыслахъ, торговли, религіи, количествѣ христіанъ и проч. Собраніемъ свѣдѣній занималось новоучрежденное тогда въ Крыму «Земское правительство«, состоявшее изъ лицъ близко стоявшихъ прежде къ управленію ханствомъ, т. е. уѣздныхъ каймакановъ, обладавшихъ

несомнѣнно богатымъ запасомъ свѣдѣній по разнымъ вопросамъ, которыя могла выдвинуть только практика жизни. Главными руководителями въ этомъ дѣлѣ были князь Потемкинъ и баронъ Игельстромъ. Въ заключеніе этого очерка приведены всѣ ордеры и рапорты, касающіеся собранія необходимыхъ свѣдѣній. Этому матеріалу предшествуетъ передовая статья г. Лашкова, излагающая вкратцѣ обзоръ правленія, установившагося въ Крыму вслѣдъ за его присоединеніемъ, и затѣмъ исторію того, какъ были собраны главнѣйшія статистическія свѣдѣнія о бывшемъ ханствѣ.

Въ отдѣлѣ географическомъ помѣщена карта елисаветградской провинціи 1772—1774 годовъ, съ «объяснительной запиской» къ ней В. Ястребова. По мнѣнію почтеннаго автора записки, карта составлена въ интересахъ первой турецкой войны между 1772—74 годами. Она изображаетъ всю нынѣшнюю херсонскую губернію, за исключеніемъ небольшой сѣверной части александрійскаго уѣзда и сверхъ того часть подольской, бессарабской, таврической и екатеринославской. Для опредѣленія запаса географическихъ данныхъ этой карты, авторъ сравниваетъ ее съ картами Дебоксета и Деволана и приходитъ къ слѣд. заключенію: по отношенію къ границамъ его рукописная карта находится въ полномъ согласіи съ картой Дебоксета, лишь съ незначительнымъ отличіемъ; относительно орошенія карта г. Ястребова несравненно богаче обозначеніями, чѣмъ Дебоксета; что-же касается до Деволана, то для участка очаковской земли, т. е. угла между Бугомъ и Днѣстромъ, онъ даетъ много больше свѣдѣній; по отношенію къ населеннымъ мѣстамъ карта Деволана даетъ также больше свѣдѣній, по сравненію же съ картой Дебоксета послѣдняя оказывается болѣе полной въ обозначеніи шанцевъ; но карта г. Ястребова имѣетъ то преимущество, что, кромѣ шанцевъ, даетъ обозначеніе слободъ и даже хуторовъ. Вообще въ сравненіи съ картой генеральнаго штаба разбираемая карта достаточно точна и полна; жаль только, что издатель въ приложенной имъ къ книгѣ копіи карты сдѣлалъ нѣкоторыя сокращенія и устранилъ краски, обозначавшія границы сосѣднихъ государствъ и провинцій. Однообразная черная краска требуетъ напряженнаго вниманія отъ изучающаго по картѣ данную мѣстность.

Разборъ обстоятельной и обширной монографіи А. А. Бертье-Далагарда „Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма“ мы отлагаемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ помѣщено ея окончаніе. Теперь мы имѣемъ пока ея начало.

Въ «Сборникѣ матеріаловъ» значительное мѣсто занимаютъ «Матеріалы, касающіеся запорожцевъ въ 1715—1774 гг., собранные А.

Андріевскимъ; они разобраны нами раньше отдѣльно и потому мы не имѣемъ необходимости останавливаться на нихъ въ настоящемъ случаѣ.

«Письма архіепископа херсонскаго и таврическаго Иннокентія къ Гавріилу, архіепископу рязанскому, 1829—1857 гг.,» съ примѣчаніями къ нимъ протоіерея А. Г. Лебединцева, въ количествѣ 56, доставлены членомъ А. А. Титовымъ и составляютъ живой и интересный матеріалъ какъ для біографіи этого знаменитаго проповѣдника, такъ и для характеристики быта нашихъ іерарховъ; они обнимаютъ собой 29 лѣтній промежутокъ времени и служатъ какъ-бы отголоскомъ его; прекрасный и картинный языкъ преосвященнаго Иннокентія сказался и въ его письмахъ, чтеніе которыхъ даетъ эстетическое наслажденіе читателю.

Все это разнородное содержаніе «Записокъ» заключается небольшимъ изслѣдованіемъ о «надписи съ именемъ императора Зинона и комита Діогена»; авторъ онаго приходитъ къ заключенію, что надпись относится не къ 512, а къ 418 г. и не къ Херсону, а къ Салоникамъ; при такомъ чтеніи ея уже нѣтъ необходимости пускаться въ догадки о томъ, какимъ образомъ Херсонъ могъ зависѣть отъ греческихъ императоровъ въ 418—512 годахъ, когда онъ подчиненъ ими только въ 835 году.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено 10 некрологовъ членовъ общества: Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, И. М. Базили, А. Е. Викторова, Г. Э. Караулова, І. Г. Михневича, еп. Порфирія, протоіерея С. А. Серафимова, граф. А. С. Норова, А. М. Ямковскаго и екатеринославскаго епископа Ѳеодосія. Въ концѣ книги приложены снимки съ печатей и камня съ надписью, чертежи храмовъ, планъ древняго инкерманскаго укрѣпленія и карта елисаветградской провинціи 1772—1774 гг.

Таково разнообразное и богатое содержаніе настоящаго тома «Записокъ» одесскаго общества. Остается пожелать полнаго успѣха въ будущемъ неутомимой дѣятельности его на пользу отечественной науки.

И. Каманинъ.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала. Вильна, 1886 г.

Настоящій томъ актовъ, какъ и предъидущія изданія названной коммиссіи, не служитъ выполненіемъ какого-либо опредѣленнаго плана, подобнаго тѣмъ, какіе практикуются въ изданіяхъ другихъ однородныхъ

учрежденій и самъ въ себѣ не заключаетъ какой либо системы. Документы, вошедшіе въ составъ его, не пріурочены къ какому либо періоду западно-русской исторіи, къ какой-либо эпохѣ или одной сторонѣ жизни, но подобраны какъ бы случайно. Это однако не отнимаетъ достоинства у изданія, такъ какъ всѣ изданные документы имѣютъ большій или меньшій историческій интересъ. Всѣ они относятся преимущественно къ XVI и XVII ст., расположены въ хронологическомъ порядкѣ и касаются различныхъ сторонъ жизни сѣверо-западнаго края въ періодъ литовскаго и польскаго въ немъ владычества: тутъ есть акты, касающіеся исторіи политической, областнаго и городскаго самоуправленія, исторіи землевладѣнія и крѣпостнаго права и всего болѣе исторіи городовъ; нѣкоторые говорятъ о дворянствѣ, евреяхъ, пошлинахъ, промыслахъ, залогахъ и займахъ, аптекахъ и училищахъ; есть наконецъ акты смѣшаннаго содержанія, не подходящія подъ какую-либо изъ названныхъ рубрикъ.

По недостатку общаго плана и руководящей статьи пользоваться изданными актами, равно сдѣлать изъ нихъ въ библіографической замѣткѣ общіе выводы, любопытные для читателя, одинаково трудно. Мы ограничимся поэтому указаніемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ для обозначенія общаго ихъ интереса.

Въ актѣ № 3 заключаются любопытныя свѣдѣнія о судѣ духовномъ. По грамотѣ князя Ростислава Мстиславича, данной смоленской епископіи въ 1150 году, всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ семейной жизни, даже убійствахъ, были переданы епископу съ правомъ взиманія десятины отъ всѣхъ доходовъ; при устройствѣ церкви въ селѣ Вячизнѣ епископъ уступаетъ владѣльцу право суда надъ священникомъ, удерживая за собой исключительно дѣла духовныя; изъ доходовъ же онъ довольствуется данью «зъ году на годъ кунецею шерсти на изборъ», другой же епископъ обязываетъ владѣльца имѣнія (кн. Глинскаго) «къ той церкви приписати сельцо свое Шепеловское, о чемъ тому священнику жить».

Въ листѣ короля Сигизмунда Августа отъ 1560 года (№ 12) говорится объ освобожденіи нѣкоторыхъ бояръ отъ обязанности «на замку... кликати, стеречи и подводы подъ войска и гонцы ставити»; освобождаются они потому, что прежде никогда не знали этой повинности.

Изъ многихъ другихъ актовъ настоящаго тома, по ихъ цѣнности и интересу, можно отмѣтить еще слѣдующіе:

Королевскую привилегію (1569 г.) думнымъ земянамъ на право дворянства, подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ III древнихъ правъ и вольностей Полоцкой земли, дарованныхъ ей Витовтомъ, Сигизмундомъ,

Скиргайломъ и друг. и вытекавшихъ изъ вѣчеваго устройства Полоцкаго княжества (1593 г.), опредѣленіе виленскимъ воеводой отношеній между юрисдикціями магистратской и замковой въ Вильнѣ (1623 г.), заявленіе витебскихъ обывателей, находившихся въ плѣну въ Казани о невзгодахъ, понесенныхъ ими во время занятія Витебска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и вмѣстѣ постановленіе ихъ не избирать въ должности тѣхъ, которые отказались участвовать, вмѣстѣ съ ними, въ защитѣ города и присягнули на вѣрность царю (1655 г.).

Въ числѣ документовъ этого тома встрѣчается одинъ, не касающійся вовсе исторіи сѣверо-западнаго края; это «Попись земли волынское, который въ ухвалѣ на сеймѣ виленскомъ року тысеча пятьсотъ двадцать осьмомъ, мѣсяца мая первого дня, стороны обороны земское, колько хто зъ обывателей великого князства литовского ку службѣ земской коней ставить маеть, за светое памети короля его милости Жикгимонта першого учиненъ». Документъ этотъ всецѣло принадлежитъ нашему краю и болѣе пригоднымъ мѣстомъ для него былъ бы «Архивъ юго-западной Россіи». Изданъ онъ со многими ошибками, вслѣдствіе незнакомства редактировшаго его лица съ фамиліями южно-русскаго дворянства; напр. напечатано «Богданъ Готскій» вмѣсто «Богданъ Госскій»; «Гаврило Холуневскій» вм. «Гаврило Холеневскій», «Закгура» вмѣсто «Викгура», «Костка Есиницкій», вм. «Костка Есининицкій» и друг. Перепечатка этого важнаго документа съ большей точностью въ изданіи кіевской археографической коммиссіи была бы весьма не лишнею.

Настоящими указаніями мы далеко не исчерпали всего содержанія названной выше книги, но и сказаннаго довольно, чтобы видѣть интересъ этого новаго изданія для исторической науки..

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ г. ХОЛМѢ.

Разумѣю Холмъ не псковской, но люблинской губерніи. Это маленькій уѣздный городокъ, которому суждено получить извѣстность лишь въ недавнее время. Онъ богатъ мѣстными интелектуальными силами и дышетъ своеобразною жизнію. Тутъ отбывается такой замѣчательный праздникъ, какого вамъ, читатель, не приходилось видѣть никогда. Мнѣ пришлось быть на этомъ праздникѣ и я хочу передать кое-что изъ моихъ наблюденій надъ нимъ.

Въ «Кіевской Старинѣ» помѣщались отзывы о замѣчательныхъ въ своемъ родѣ холмскихъ календаряхъ, издаваемыхъ въ послѣдніе годы мѣстнымъ православнымъ братствомъ, состоящимъ изъ лицъ духовной и свѣтской интеллигенціи, а изъ этихъ отзывовъ читатели могли видѣть, что просвѣтительный центръ холмской Руси не есть заурядное провинціальное захолустье, съ заглохшими умственными стремленіями, чуждое благихъ идейныхъ начинаній. Я не стану повторять того, что было въ свое время говорено въ «Кіевской Старинѣ» о статьяхъ холмскихъ календарей—напомню лишь одну литературную частность, хотя и стоящую внѣ спеціально-историческаго интереса, но въ то-же время достойную вниманія, именно то, что въ календаряхъ холмскихъ, сверхъ научныхъ и популярныхъ статей на литературномъ языкѣ, являются кое какія мелочи и на мѣстномъ народномъ нарѣчіи, въ видѣ отрывковъ малорусскихъ пѣсенъ, стихотвореній Шевченка, разговоровъ просто-

людиновъ. Этотъ элементъ привходитъ въ силу идеи холмскихъ календарей быть вполнѣ пригодными и понятными для народа, является здѣсь просто и естественно и потому производитъ пріятное впечатлѣніе. Нельзя не отдать чести умѣнью и такту редакціи, нельзя не благодарить ее за вниманіе къ нуждамъ и интересамъ такъ недавно еще забитаго и загнаннаго народа.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о другомъ явленіи холмской интеллигентной жизни, являющемся также плодомъ дѣятельности мѣстнаго православнаго братства.

Каждый годъ, 8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ бываетъ храмовой праздникъ, который въ послѣдніе годы отбывается особенно торжественно. Слышавши о большомъ интересѣ этого праздника, привлекающаго ежегодно огромное стеченіе народа какъ изъ окрестностей Холма, такъ и нашей сосѣдней Волыни, мнѣ очень захотѣлось быть 8-го сентября въ Холмѣ и я прибылъ туда къ этому дню.

Еще наканунѣ праздника городъ былъ очень оживленъ, вездѣ замѣчался большой наплывъ пріѣзжихъ, такъ что трудно было найдти пріютъ въ гостинницахъ. Нашъ поѣздъ пришелъ, когда всенощная въ соборѣ уже отошла, но на церковной горѣ и у подножія ея стояла толпа горожанъ и пришлаго люду,—смотрѣла фейерверкъ, устроенный на верху горы для удовольствія сельскаго люда. И дѣйствительно идея позабавить этимъ городскимъ дивомъ сельскій людъ, жизнь котораго такъ бѣдна развлеченіями, оказалась очень удачной: надо было видѣть восхищеніе старыхъ и малыхъ, при видѣ этихъ летавшихъ огней, ракетъ, огненныхъ сноповъ, при созерцаніи зрѣлища, котораго навѣрное большинству глядѣвшей публики «зъ-роду» не приходилось видѣть, да быть можетъ не придется увидать и «до вику»!.... Дѣтски-наивныя, громкія восклицанія сыпались со всѣхъ сторонъ, сопровождая полетъ и паденіе огней.

Зрѣлище кончилось, толпа горожанъ, въ томъ числѣ много гимназистовъ, шумно сходитъ съ горы, обмѣниваясь впечатлѣніями; но множество пришлаго люду остается на горѣ, очевидно располагаясь провести тамъ подъ открытымъ небомъ и ночь,—подъ деревьями растущими по склону церковной горы. Нѣжное сіяніе луны обливало живописную гору и всю эту мирную картину.

На другой день, утромъ, городъ имѣлъ уже совсѣмъ праздничный видъ. Вездѣ толпы народа, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ,—кстати скажу, чрезвычайно интересныхъ для этнографа: тамъ были всякаго рода свитки, расшитыя шнурками, разнообразныя шапки, съ углами, съ кисточками, замысловатыя женскія головныя повязки, между прочимъ, кромѣ хустокъ, длинные бѣлые куски полотна, съ вышитыми концами, падавшими на плечи; все это пестрѣло, двигаясь передъ глазами.

Говоръ толпы былъ такой-же малорусскій, какой можно слышать напр. на Волыни. Но здѣсь мнѣ приходится сдѣлать оговорку. Вѣдь уже и о Волыни въ массѣ нашей публики существуетъ мнѣніе, что это если и не совсѣмъ «Польша», то во всякомъ случаѣ край сильно ополяченный. Я не говорю, конечно, о людяхъ со спеціальными знаніями; но многіе и многіе изъ заднѣпровскихъ земляковъ съ сомнѣніемъ покачиваютъ головой, когда имъ говорятъ, что *простонародная* рѣчь на Волыни совсѣмъ малорусская, конечно въ селахъ и даже въ городахъ, среди *мѣщанства*, а не лакейскаго сословія, съ которымъ только и сталкивается поверхностный наблюдатель. Кто же изъ такихъ земляковъ, не убѣждающихся даже огромными сборниками чисто малорусскаго этнографическаго матеріала, повѣритъ, что гдѣ-то тамъ въ люблинской губерніи можно слышать прекрасно сохранившуюся малорусскую рѣчь!... А между тѣмъ это такъ; среди упоминаемой мужицкой толпы, двигавшейся по улицамъ г. Холма, за немногими случаями, въ которыхъ слышалось польское слово, лилась почти безпримѣсная украинская рѣчь, и нашъ слухъ утѣшался этой родной музыкой, вмѣстѣ съ присущею этой рѣчи образностью и юморомъ.

Всѣ въ толпѣ были болѣе или менѣе празднично настроены. Какой то находчивый торговецъ вынесъ продавать цѣлую кучу разноцвѣтныхъ воздушныхъ шариковъ, какіе въ большихъ городахъ покупаютъ для забавы дѣтей; но здѣсь ими занимались далеко не одни дѣти: продавецъ съ трудомъ двигался по улицѣ, осаждаемый толпою любопытствовавшихъ селянъ. «Дядьку»! спрашиваетъ дивчина сосѣда: «що то такее»?—А Богъ ёго знае! якась то забавка!—отвѣчаетъ сосѣдъ. Счастливцевъ, имѣющихъ свободные капиталы для пріобрѣтенія забавокъ, провожаютъ глазами,—и забавно было

видѣть, какъ иной дядько осторожно несъ въ обѣихъ рукахъ купленный шаръ, пробираясь къ своему возу...

Возовъ же на площадяхъ и улицахъ Холма было множество. Съѣздъ на этотъ холмскій праздникъ былъ именно вполнѣ демократическій: не видно было ни колясокъ съ «бѝчами», ни вообще всякаго рода затѣйливыхъ «повозовъ», какіе можно видѣть при «отпустахъ» католическихъ; здѣсь были все возы и возы... Лишь изрѣдка виднѣлась бричка священника или болѣе зажиточнаго сельскаго обывателя.

Послѣ ранней обѣдни въ церкви св. Духа, или такъ называемой гимназической, устроенной, какъ намъ разъяснили, изъ костела тото же имени быв. начальникомъ холмской учебной дирекціи, Ѳ. Г. Лебединцевымъ, наша маленькая компанія направилась къ собору, гдѣ служеніе должно было начаться позже. У подошвы соборной горы сидѣло много лирниковъ и просто «дидивъ», распѣвавшихъ молитвы и полустихотворныя обращенія къ проходящимъ. Бѣглая замѣтка не позволяетъ мнѣ остановиться на этихъ интереснѣйшихъ этнографическихъ образчикахъ, о которыхъ я позволю себѣ подѣлиться своими наблюденіями въ другой разъ. Взойдя на церковную гору, господствующую надъ городомъ, мы бросили взглядъ на него при свѣтѣ дня. Г. Холмъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе: нельзя сказать, чтобы мѣстность была гористая, напротивъ, кругомъ разстилается равнина, среди которой какъ бы неожиданнымъ холмомъ выступаетъ возвышенность города, представляющая вмѣстѣ съ окрестными широкими полями и лѣсами очень красивый видъ съ церковной горы, спускающейся очень хорошо отдѣланными террасами, содержимыми въ найлучшемъ порядкѣ. Кромѣ собора, на самой высшей террасѣ стоитъ интересной архитектуры часовня, воздвигнутая въ память возсоединенія уніатовъ, съ надписью на главномъ входѣ: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь».

При всемъ нашемъ желаніи, протолпиться въ соборъ не было уже никакой возможности и мы примкнули къ толпѣ, стоявшей на площади передъ соборомъ и ожидавшей перерыва служенія для проповѣди на той-же площади, передъ церковью. Дѣйствительно, передъ соборомъ былъ отдѣленъ широкій кругъ, граница котораго

оберегалась отъ натиска толпы; на одномъ краю этого круга возвышался налой, декорированный растеніями.

Мы еще раньше слышали, что эта проповѣдь на площади будетъ произнесена на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи и потому съ особеннымъ интересомъ пробрались сквозь толпу, сгустившуюся подлѣ круга, въ особенности вблизи каѳедры. Ждать выхода изъ собора пришлось довольно долго; но за то какъ мы были вознаграждены!... Разверзлась толпа, стоявшая у собора, вышло изъ церкви духовенство, съ пѣвчими, съ хоругвями, и помѣстилось среди круга на площади, вмѣстѣ съ высшими властями, пріѣзжими и мѣстными; къ налою, возвышенному надъ окружающей огромной толпой, подошелъ молодой проповѣдникъ, красивый, выразительной наружности, и первыя же слова его проповѣди какимъ то трепетомъ отозвались въ окружавшей его массѣ народа. Да, это была его родная, такъ близкая и вполнѣ понятная ему рѣчь! И она раздавалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два десятка лѣтъ назадъ слышалась еще только польская рѣчь. Проповѣдь производила необычайно трогающее впечатлѣніе. Скажу безъ преувеличенія, что изъ всѣхъ прилюдныхъ рѣчей, какія мнѣ приходилось слышать, никогда ни одна не захватывала такъ вниманія предстоящихъ, какъ эта проповѣдь подъ открытымъ небомъ на холмской горѣ. Надо было видѣть это умиленное напряженіе лицъ, слышать вздохи и восклицанія, вырывавшіяся у набожныхъ слушателей изъ глубины души! Этого чрезвычайнаго эффекта проповѣди мнѣ не забыть никогда.

Самое содержаніе проповѣди было очень просто. Примѣнительно къ чествуемому дню храмоваго праздника Рождества Богородицы, древнѣйшій чудотворный образъ которой находится въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ, проповѣдникъ говорилъ о необходимости во всѣхъ бѣдахъ прибѣгать къ небесной Утѣшительницѣ всѣхъ страждущихъ и скорбящихъ. Упомянутая икона была нѣкогда предметомъ жестокой борьбы между православными и уніатами, захвачена послѣдними предъ возстаніемъ Хмельницкаго и возвращена послѣ Зборовскаго договора, но потомъ взята самимъ королемъ и носима была въ польскомъ войскѣ во время Берестечской битвы. Она служила холмянамъ не разъ защитою отъ нападеній татаръ. Однимъ чудомъ на холмской горѣ во время нашествія татаръ воспользовался проповѣдникъ и слова его были особенно эффектны,

когда, указывая на окрестности горы, онъ говорилъ: «отъ на сихъ самихъ поляхъ, политыхъ кровію вашихъ дидивъ, стояли вороги, на сій самій гори зъявилась Пресвятая Мати—и знищыла ихъ»! Перейдя затѣмъ къ современнымъ или, лучше сказать, всегдашнимъ мірскимъ бѣдамъ и страданіямъ, въ которыхъ ищутъ помощи и утѣшенія у Всеблагой Утѣшительницы, проповѣдникъ продолжалъ: «Иншый несчаслывый не мае удачи ни въ чому и прыйшовъ винъ просити: О, Мати, каже, Пресвятая, поможи мени! Инша мати зоставила дитя недужее и просить-благае: о, Мати Божа, поратуй мою бидну дитиноньку!»... Въ толпѣ слышенъ гулъ восклицаній, многія женщины заливаются слезами.

Съ такой евангельской простотой склада и такими простыми словесами провозглашена была холмская проповѣдь. По окончаніи ея, толпа двинулась, глубоко потрясенная.

Мы, люди культурные, болѣе или менѣе удалились отъ непосредственной сильной впечатлительности, утратили «дѣтскую» воспріимчивость душевную, но и на культурную часть публики проповѣдь эта произвела какое-то особенно трогательное впечатлѣніе. Казалось, что эта простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразительная рѣчь проповѣдника имѣетъ особенную способность проникать въ сердца!

Судя по нѣкоторымъ оттѣнкамъ акцента, проповѣдникъ былъ галичанинъ, но это не вредило красотѣ рѣчи, которою онъ владѣлъ превосходно.

На обратномъ пути намъ пришлось ѣхать въ одномъ вагонѣ съ нѣсколькими семействами священниковъ и простыми богомольцами. Общій сосѣдскій разговоръ по вагону касался, конечно, праздника и разныхъ его подробностей; вспомнили, конечно, и о проповѣди. «Ну, вже-жъ и говоривъ»! толковали селяне, кивая головой,—и въ этихъ немногосложныхъ замѣчаніяхъ заключалось больше похвалы, чѣмъ въ иныхъ многорѣчивыхъ опредѣленіяхъ. Мы тоже присоединились къ этой похвалѣ, поставляя на видъ умѣнье проповѣдника. На это сосѣдъ-священникъ возразилъ какъ-то особенно горячо: «умѣнью тутъ совсѣмъ нечего удивляться,—всякій изъ насъ сказалъ бы такъ-же! совсѣмъ не въ умѣньи, а въ знаніи народной души и языка дѣло»!

Не разсуждая на тему, въ чемъ именно дѣло, говторю только, что проповѣдь произносимая на холмскомъ храмовомъ праздникѣ

вотъ уже третій годъ на томъ языкѣ, котораго народъ не слышалъ въ церкви сотни лѣтъ, но который, какъ святыню, беретъ въ своихъ убогихъ хатахъ, есть замѣчательное явленіе; родная рѣчь служитъ здѣсь могучимъ орудіемъ для воздѣйствія на массы, такъ недавно еще горячо преданныя уніи и католичеству, и для пробужденія въ нихъ національнаго русскаго самосознанія. Не мѣшало бы, быть можетъ, употребить это рудіе въ бесѣдахъ съ штундистами; авось либо дѣло пошло успѣшнѣе. Отъ души совѣтую сосѣдямъ-землякамъ, имѣющимъ возможность посѣтить холмскій праздникъ, не упустить случая послушать тамошнюю проповѣдь.

О. П.

ЗНАЧЕНІЕ СЕЛЬСКОЙ ГРОМАДЫ ВЪ СУДЕБНОМЪ ПРОЦЕССѢ КОНЦА XVII В.

Исторія крестьянскихъ судовъ, какъ древней, такъ и нынѣшней Россіи мало разработана. Мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго историческаго очерка такихъ судовъ, не смотря на тотъ жизненный интересъ, который заключаетъ въ себѣ этотъ вопросъ.

Правда, свѣдѣнія о крестьянскихъ судахъ центральной Россіи находятся въ статьяхъ почтенныхъ профессоровъ: Н. В. Калачова, А. Ф. Кистяковскаго и И. И. Дитятина, а юго-западной въ извѣстномъ изслѣдованіи «о древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи», проф. Н. Д. Иванишева, у г. Новицкаго въ его «Очеркѣ исторіи крестьнскаго сословія юго-западной Россіи XV—XVIII, 1876 г., а въ послѣднее время въ статьѣ г. А. Е., указавшей на существованіе копнаго суда въ лѣвобережной Украйнѣ (Кіевск. Стар., 1885 г., № 10). Но всѣ эти свѣдѣнія далеко не воспроизводятъ всѣхъ сторонъ жизни этихъ судовъ и относятся только лишь къ извѣстному времени. Мы, напримѣръ, почти не имѣемъ свѣдѣній объ организаціи и дѣятельности крестьянскаго суда въ XVIII в., между тѣмъ нѣкоторыя данныя въ сочиненіи В. И. Семевскаго и А. Ф. Кистяковскаго заставляютъ предполагать, что исконный крестьянскій самосудъ существовалъ и при крѣпостномъ правѣ.

Такая неполнота работъ по данному вопросу объясняется, конечно, недостаткомъ самихъ матеріаловъ, такъ что историкамъ юристамъ приходилось выяснять положеніе крестьянскаго суда въ прежнее время только по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, попавшимъ въ законодательные акты. Впрочемъ относительно лѣвобережной Украй-

ны со второй половины XVII в. мы не имѣемъ даже и такихъ отрывочныхъ свѣдѣній. Какое участіе принимала сельская громада въ судѣ съ половины XVII в., мы почти не знаемъ. Вотъ почему я думаю, что сообщеніе новаго факта, выясняющаго до нѣкоторой степени дѣятельность южно-русской громады въ лѣвобережной Украйнѣ, не будетъ лишено интереса.

Въ числѣ протоколовъ магистратскаго стародубовскаго суда 1690 г., хранящихся въ архивѣ малороссійской коллегіи (№ 1921), находится жалоба магистратскому суду «Васка Пимяна на убійцу его сына». Вотъ ея содержаніе: Васко, разыскивая неизвѣстно куда исчезнувшаго сына, нашелъ трупъ его между селами Кистромъ и Борщовымъ (стародуб. у.). Найдя трупъ, Васко, «яко отецъ зъ жалемъ часъ отъ часу шляковалъ (розыскивалъ) забойцу». Разыскивалъ онъ «забойцу», «узявши поводъ отъ селъ околичнихъ и пойшовши до села Азаровки, позналъ тамъ у Васка Скакуна коня своего власного, при замордованному сыну взятого». Скакунъ показалъ, что онъ купилъ коня у Яреми азаровця, который «далъ зъ себе виводъ, же купилъ (коня) у Васка Михайлова, человѣка московского, зайшлого зъ-за Дону». Михайловъ «виводу» не далъ.

Собралась азаровская громада козаковъ и посполитыхъ съ атаманомъ и войтомъ во главѣ. Въ присутствіи громады, Михайловъ показалъ, что онъ «того коня на Орлѣ купилъ», знаетъ «забойцу», въ подтвержденіе чего «становилъ свое горло, еслибы не могъ вывестися». Тѣмъ не менѣе доказать несправедливость взведеннаго преступленія Михайловъ не могъ. Подозрѣніе на него увеличилось еще тѣмъ, «что въ дому его найденъ казанъ, украденный Устиновъ и подъ свидомомъ тоежъ громады азаровской, якъ злодѣя, по мѣскому обычаю, водили его за шию». Съ Азаровки Михайловъ былъ приведенъ въ стародубовскій магистратъ и тутъ онъ показалъ, что купилъ коня у «Тишка москаля, который человѣкъ, почувши, же шлякутъ забойцы въ Азаровце, утеклъ». Показаніе данное въ магистратѣ разнилось съ прежнимъ показаніемъ.

Присутствовавшіе въ магистратѣ азаровцы, «атаманъ и войтъ зъ *мужами*, повѣдали, же зъ притомностью Васка Пимяна, отца забитого человѣка, въ того-жъ москаля задоньского Васко позналъ хомутъ власний»; «мы громада азаровская», продолжали войтъ зъ мужами, «питали его Васки, где тотъ хомутъ взялъ». Михайловъ отвѣчалъ: «не мой то хомутъ, але обмѣняный».

Въ магистратѣ Михайлова снова спросили, гдѣ онъ взялъ хомутъ. Онъ показалъ, что это его хомутъ «власний», съ которымъ купилъ коня. Показаніе опять разнилось отъ показанія, даннаго предъ громадой. Подозрѣніе въ совершеніи Михайловымъ убійства увеличивалось; но онъ все-таки не сознавался. Вслѣдствіе этого въ магистратѣ рѣшили прибѣгнуть къ испытанію, «и Васко для выявленя злого его мордерства печенъ на тортурахъ, по трикроти, зъ легкости роспаленною шиною». Испытаніе не дѣйствовало: «Васко перся свого злого учинку». Въ это время «ставши вси азаровци громадою», заявили магистрату, что отъ Михайлова о «запаленяхъ виходили похвалки... и не певную его въ себе маючи особу шкодливую, просили прилѣжно, абы зъ ними въ едномъ селѣ не мѣшкалъ». На этомъ и заканчивается магистратская запись.

Изъ этихъ данныхъ выясняется участіе громады въ разслѣдованіи преступленія. Громада допрашиваетъ обвиняемаго, громада, какъ видимъ, прибѣгаетъ къ наказанію за воровство, наконецъ громада, окончивъ разслѣдованіе дѣла, добытыя данныя передаетъ суду магистратскому чрезъ войта, атамана и мужей. Какова роль этихъ мужей? Указаній на это въ документѣ не имѣется, но, по всей вѣроятности, это были особые выборные отъ громады для засвидѣтельствованія доклада атамана и войта и для большаго выясненія допроса громады, если-бы это потребовалось на оффиціальномъ судѣ, каковъ былъ магистратскій. Тотъ фактъ, что магистратъ находитъ вполнѣ законнымъ разслѣдованіе дѣла громадой и принимаетъ во вниманіе добытыя при этомъ данныя, указываетъ на право громады въ концѣ XVII в. разыскивать преступника и допрашивать его. Право это, конечно, покоилось на обычаѣ, но оно было выгодно для оффиціальнаго суда, такъ какъ собрать предварительныя свѣдѣнія о преступникѣ и преступленіи, совершенномъ въ предѣлахъ извѣстнаго села, удобнѣе всего могла сдѣлать сама громада.

Николай Бакай.

ЕЩЕ О ГАРКУШѢ.

Гаркуша, какъ извѣстно, въ одинаковой мѣрѣ волновалъ мирный бытъ и Гетманщины и Слободской Украйны. Объ одномъ изъ его похожденій въ архивѣ бывшей слободско-украинской губернской

канцеляріи сохранилось дѣло съ такимъ характернымъ заглавіемъ: «О колодникѣ Семену Гаркуши, кой уворовалъ у малороссійской войсковой товарищки Костенецкой деньги и, будучи въ Ахтырки на богомольи, роздалъ священникамъ на молебствія» [1]). Вдова Костенецкая жила въ Конотопѣ. Гаркуша съ товарищами ограбилъ ея домъ; но былъ пойманъ и попалъ въ Глуховскій острогъ; будучи допрашиваемъ здѣсь въ генеральномъ судѣ, онъ далъ показаніе повѣренному Костенецкой, канцеляристу Андрею Житкову, что изъ числа доставшихся ему, *по подълу*, ограбленныхъ у Костенецкой денегъ, онъ, Гаркуша, въ бытность свою въ г. Ахтыркѣ на поклоненіи у чудотворной иконы Богоматери, далъ «находящемусь при церкви Покровской *называемому соборному*, котораго имени и прозванія такожъ и жилья его не вѣдаетъ, 25 рублевъ; священникамъ двумъ той-же церкви—одному 6 руб., а другому 5 р. 50 коп.» Генеральный судъ отнесся о разысканіи названныхъ лицъ и истребованіи отъ нихъ данныхъ имъ Гаркушею денегъ въ малороссійскую коллегію, малороссійская коллегія въ слободско-украинскую губернскую канцелярію, эта въ бѣлгородскую духовную консисторію, а послѣдняя предписала ахтырскому духовному правленію: «справясь, находящійся при упоминаемой Покровской церкви, называемый соборнымъ, котораго имяни и прозванія и житья не прописано, въ вѣдомствѣ ль духовной команды, или свѣтской онъ состоитъ, и буде въ духовной командѣ, то какъ ему, что онъ получилъ ли на церковь 25 рублевъ, такъ, сыскавъ оной церкви всѣхъ священниковъ, объявить имъ о томъ, кто изъ нихъ одинъ на молитву 6 рублевъ, а другой 5 р. 50 к. взялъ». Ахтырское духовное правленіе донесло, что при ахтырской соборной Покровской церкви «названіемъ «соборнаго» никогда не бывало, а находятся опредѣленные къ оной ктитори», которые всѣ объявили, что «отъ такого человѣка 25 рублевъ никто съ нихъ на церковь не бралъ и по записной ихъ книгѣ таковыхъ денегъ нигде не значитъ, что и протопопъ оного собора и священники показали, что оный Семенъ Гаркуша *на богомоліи въ церкви ихъ никогда не бывалъ* и никто оныхъ денегъ, отъ него никогда на молитвы не получалъ», и что два священника, находившіеся при той же церкви, Ефимъ Постовойтовъ 777 г. авгу-

[1]) Архивъ бывшей Слободско-Украинской губ. Канцеляріи, дѣло № 283.

ста 4 дня, да Михаилъ Назаревской 779 года померли, но и отъ нихъ, покойниковъ, о такихъ деньгахъ никогда не слыхали». Такимъ образомъ, дѣло и не было обнаружено, хотя переписка о немъ длилась съ 17 января по 3 іюля 1779 года.

Очень возможно, что Гаркуша вовсе не давалъ названнымъ имъ лицамъ денегъ и придумалъ такое показаніе, какъ обыкновенный воровской изворотъ, для продленія суда надъ нимъ и въ надеждѣ уйти изъ тюрьмы, что удавалось ему не разъ; но еще болѣе возможно, что ахтырскій соборный причтъ скрылъ фактъ богомоленія Гаркуши и принятія отъ него денегъ на поминъ его многогрѣшной души. Имя Гаркуши наводило страхъ и впутываться въ какую либо исторію съ нимъ было очень рисковано. А запереться было такъ легко; ибо кто же могъ изобличить причтъ въ невѣрности его показанія? Подобныя приношенія дѣлаются безъ свидѣтелей, да и почемъ знать причту, кто этотъ щедрый жертвователь, и откуда у него и какія это деньги. Какъ бы тамъ ни было, но въ показаніи Гаркуши проглянула характерная для него и его времени черта. Приношенія награбленнаго въ церкви и монастыри были въ ту пору явленіемъ обыкновеннымъ; это сплошь и рядомъ дѣлали запорожцы, всю жизнь промышлявшіе грабежомъ и разбоемъ. Вытекало это у нихъ, какъ и у Гаркуши, изъ ихъ коммунистическаго, точнѣе, радикально-демократическаго взгляда на жизнь и людей и нисколько не мѣшало самому искреннему религіозному настроенію. Гаркуша, какъ впослѣдствіи Кармелюкъ, считалъ себя призваннымъ брать лишнее у богатаго и давать бѣдному и былъ убѣжденъ, что творитъ угодное Богу. Что удивительнаго, если онъ идетъ на поклоненіе въ Ахтырку и дѣлаетъ жертву Богу изъ такой же добычи? Ему нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ послѣдовательности; не то съ богачами, грабящими бѣдныхъ и дающими щедрыя жертвы Богу.

А. Т.

ДВА ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Въ южно-русской историко-библіографической литературѣ есть не мало общихъ и спеціальныхъ изслѣдованій о существовавшихъ въ южной Руси XVI—XVIII ст. типографіяхъ. Болѣе всѣхъ разработана

Львовѣ московскимъ первопечатникомъ Иваномъ Ѳедоровымъ, ставшей потомъ собственностію львовскаго братства и существующей доселѣ при львовскомъ ставропигіальномъ институтѣ. Особая монографія посвящена недавно г. Селецкимъ типографіи, основанной въ г. Острогѣ кн. Константиномъ Острожскимъ. Сводъ данныхъ о типографіи кіево-печерской помѣщенъ и въ нашемъ изданіи. Но какъ общія изслѣдованія по сему предмету, такъ и отдѣльныя монографіи трактуютъ исключительно почти объ изданіяхъ той или другой типографіи и ихъ издателяхъ или авторахъ; свѣдѣній же объ устройствѣ типографій, средствахъ и способахъ ихъ существованія и дѣятельности у насъ нѣтъ или почти нѣтъ и внутренняя закулисная или домашняя жизнь этихъ учрежденій намъ вовсе неизвѣстна.

Помѣщаемые ниже два документа обрисовываютъ нѣсколько именно съ этой стороны одну изъ нашихъ южно-русскихъ типографій въ концѣ XVI и началѣ XVIII ст. Это типографія, учрежденная извѣстнымъ южно-русскимъ дѣятелемъ, архіепископомъ черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, а потомъ переведенная имъ въ Черниговъ. Барановичъ былъ весьма плодовитый писатель и имѣлъ надобность въ типографіи для печатанія собственныхъ многочисленныхъ сочиненій; настояла при томъ большая надобность въ печатаніи церковно-богослужебныхъ книгъ, а также книгъ для начальнаго обученія. Барановичъ, какъ видно, не жалѣлъ на это средствъ. Нѣкто Симеонъ Ялинскій взялся устроить ему типографію; Барановичъ далъ на это 4,000 злот., сумму, по тогдашнему времени, очень значительную и кромѣ того разныя необходимыя принадлежности. Барановичъ былъ собственникомъ типографіи, Ялинскій ея орудователемъ и какъ бы пайщикомъ. Каковы были первоначальныя ихъ условія, неизвѣстно; дѣло велось, кажется, на вѣрѣ и по словесному договору. Протекло много лѣтъ, типографія не была доведена до совершенства. Открылось взаимное недовольство. Барановичъ претендовалъ на медленность и несовершенство работы, Ялинскій жаловался на невыгодность условій. Барановичъ принимаетъ и утверждаетъ предложенныя самимъ Ялинскимъ условія, и это есть документъ № 1. Но и письменныя условія не помогли; Ялинскій просто оказался малосвѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ и даже недобросовѣстнымъ эксплуататоромъ престa-

рѣлаго архипастыря. Типографія приходила въ упадокъ, сбытъ книгъ, по причинѣ несовершенной печати, уменьшался. Барановичъ перевезъ типографію въ Черниговъ подъ свой ближайшій присмотръ; но и это не помогло. Тогда онъ отстранилъ Ялинскаго отъ типографіи и прянялъ какого-то типографскаго «ремесника» изъ Вильны, именемъ Лукаша. Этотъ повелъ дѣло гораздо лучше, но скоро умеръ, а между тѣмъ прогнанный Ялинскій обжаловалъ Барановича предъ гетманомъ Мазепою въ обширной суппликѣ на нѣсколькихъ листахъ. Барановичъ въ письмѣ къ гетману оправдывается въ взводимыхъ на него Ялинскимъ обвиненіяхъ и разсказываетъ любопытную исторію учрежденія, содержанія и веденія его типографіи. Это письмо его есть документъ № 2. Какъ разобралъ и рѣшилъ гетманъ претензію Ялинскаго, остается неизвѣстнымъ. Приводимъ оба документа въ копіяхъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

I.

ПУНКТА

на споряженъя друкарнѣ.

Лазаръ Барановичъ, милостію Божіею православный архіепископъ чернѣговскій, новгородскій и всего сѣвера.

Ознаймуемъ сымъ писанемъ нашимъ всѣмъ вѣдать о томъ потребуючимъ теперъ и на пототомные часы. Ижъ панъ Сумеонъ Ялинскій, типографъ друкарнѣ нашой, поднявшися досконале намъ друкарню выстатчити и възявши на то золотыхъ чотиры тысячи и иншіе належачые до выстатченъя того дѣла рожные потребы, совершенно оноѣ презъ такъ много лѣтъ еще не выстатчилъ. Еднакъ поневажъ и въ далний часъ около совершенства оноѣ пилное старанъе и вшелякий дозоръ обѣцуетъ мѣти, прето абы за тотъ трудъ свой нагороды и належного до друкарнѣ певенъ былъ доволства, пункта его, отъ него намъ поданые, приймуемъ и на все то, чого колвекъ въ тыхъ пунктахъ потребуетъ, соизволяемъ. Которые такъ ся въ собѣ маютъ:

„Будучи я, Сумеонъ Ялинскій друкарнѣ его пастырской милости типографомъ, жебымъ мѣлъ въ друкарнѣ зъуполную моцъ во всемъ (еднакъ не безъ волѣ и моцы старшого) такъ надъ товариствомъ, яко и учнями, которые того типографского куншту (искуства) схотѣли бы научитися,

такъ тежъ и особливое пошанованъя у началныхъ адгерентовъ его пастырской милости.

Прикладъ (часть, выдѣлъ) мнѣ фолѣіовый книгъ маетъ быти сто, квартовыхъ полтораста, октововыхъ двѣстѣ, яко то: часовниковъ и инныхъ таковыхъ же; полуставцовъ зась и инныхъ поважнѣйшихъ октововыхъ книжечокъ полтораста.

Прикладъ типографскій жебы волно въ діецезіи его пастырской милости збывати, продавати, где хотѣти и где мощно будетъ.

Книга якая будетъ друковатися въ типографіи, на тую книгу постановленъя чинить отъ книги плату, уважаючи оной великость коштy и забавы, а зъ того постановленъя маетъ все товариство, въ типографіи зостаючое, мѣти плату и иншіе потребы, до друкарнѣ належачіе, доходити.

На оотливанъя лѣтеръ новыхъ давать мнѣ олово, шпижъ, глясъ, желѣза доброго, броки и уголья, такъ же и на пунцопы сталь добрую и на новые лѣтеры, которыхъ еще въ друкарнѣ не машъ, яко то на писмо евангелское на схоластику, то есть указное, и если якой меншой мѣры робилобися писмо, на все тое коштъ маетъ быти его пастырской милости, а моя праца такъ въ пунцонахъ резанъю, яко и въ отбитъю метрицесъ и въ отливанъю лѣтеръ маетъ быти завше, а мѣдь на метрицесъ отъ его пастырской милости.

Дрова до друкарнѣ при кождой роботѣ повинни быти до даванъя зъ маетностей его пастырской милости.

Смола на паленъя сажи на фарбу друкарскую—и тая зъ маетностей его пастырской милости маетъ доходить.

Олѣй на покосты до фарбы, албо насѣнъя лляное, и то отъ его пастырской милости маетъ быти давано, прошки тежъ до покосту рожные, яко то: бурштинъ, мѣлѣя и кглийта, и то отъ его милости маетъ доходить.

Если якая книга будетъ роблена зъ червонымъ, теды его пастырской милости коштъ на цыноберъ повиненъ быти.

Оливы до смарованъя прасовъ, ежели на два прасы будетъ робота, треба на два дни кватирка, а ежели на еденъ, то полкватырки.

Столяръ, слюзаръ и злотникъ, съ росказанъя его милости, чого будетъ до друкарнѣ потреба, такъ нового зъробитъ, яко и старые рѣчы поправить повинни, а за тую працу имъ отъ его милости плата маетъ доходить.

Товариству, въ типографіи працуючому, также и хлопцомъ прикладъ мѣетъ быти ведлугъ печерского (въ кіево-печерской типографіи) постановленъя позволенъ, а потребнѣйшому товаришу, который способный

до полщизны и руского писма, тому, для задержанъя его, прибавити, звышъ иншихъ прикладки, скилка книжокъ; хлопцомъ одежа до роботы друкарской отъ его милости маетъ быти давана.

Форти, фѣкгурки поважнѣйшіи, коштомъ его милости маютъ быти рѣзаны; а если былъ мѣлъ до тоей роботы якого учня, то въ тотъ часъ, поки зъ науки не выйдетъ, не потреба будетъ жадной платы за роботу, тылко ему дать одежду таковую, въ якой до друкарнѣ прийдетъ.

Если бы товариство куншту друкарского не мѣючи роботы, мѣло ваковать, въ тотъ часъ контентацыя (вознагражденіе) имъ отъ его пастырской милости маетъ быти, для ихъ задержанъя; а еслибы для неуконтентованъя мѣли отъ друкарнѣ розыйтися и на роботу знову бы ихъ треба зобрати, въ тотъ часъ на зобранъя ихъ промыслъ и коштъ его пастырской милости маетъ быти отваженый.

На товариство куншту друкарского, при початку кождой роботы, меду съ пивницы его пастырской милости кгарцовъ десять, або спорую коновъ меду маетъ быти дано.

При роботѣ яковой книги пиво и горѣлка маетъ быти отъ его милости на товариство позволена, ведлугъ уваги, якъ великая робота.

Типографъ, который маетъ всѣхъ речий тыхъ быти дозоромъ, старанемъ и працею во всемъ, що ся тутъ не змѣнковало, додавать рады, докладать кошту и своеи особливои працы, абы былъ цале ласкою его пастырской милости окритый, а особливе, абы мѣлъ зъ добръ его пастырской милости на выживленъя вылученый млынъ, такъ тамъ въ Новгородку зостаючія, яко и пренестися тутъ, а млынъ тотъ абы направу греблѣ подданными его пастырской милости мѣлъ, якъ тому будетъ потреба, безъ отмовы.

На томже постановленъю потомокъ въ потомные часы, ежели Богъ задержитъ и статечность въ томъ ему даруетъ и ростропность, повиненъ зоставати, а ни прикладаючи, а ни уймуючи. А если бы того тяжару не хотѣлъ на собѣ двигати, теды ему яко отчизной працы поднятъя и вѣчный заводъ абы былъ ласкове нагороженъ».

Тые всѣ пункта принявши и зъгодне на всѣ въ ныхъ выражоные речы соизволивши, симъ нашимъ писанемъ ствержаемъ и не иначей мѣти хочемъ. Которое выдаемъ зъ подписомъ руки власной и зъ приложенемъ печаты нашой архіепископской. Року 1679, сентембра 7 дня.

Рукою власною (Подпись пропущена).

Писано въ Чернѣговѣ, при катетрѣ нашой архіепископской.

II.

Списокъ листу блаженной памяты ясне въ Богу преосвященного архи-епископа Лазара Барановича, писаного до ясне велможного его милости гетмана. Выданъ зъ канцеляріи року 1701 февраля 20-го.

Радъ бымъ ся не наприкралъ велможности вашой, мѣючи завше многие въ повѣренномъ себѣ отъ Бога малороссійскомъ рейментарствѣ забавы и трудности о многихъ хлопотахъ и скорбехъ; еднакъ надъ силу не могучи, яко слабый, двигати тяжару, описуючися до велможности вашой, пастырско и архиерейско велце просячи о ласкавую велможности вашой, милостивого добродѣя моего, помощъ и милость, облегчаючую старости моей тые неудобъ носимые бремена, которые немнѣй налагаетъ мнѣ п. Семенъ Ялинскій, бывшій нашъ друкаръ, чрезъ лѣтъ килка безъпрестанне турбуючи мене и скаржачи невинне мене предъ всѣми, яко и передъ велможностю вашою, добродѣемъ моимъ, гостившимъ въ Чернѣговѣ недавно. Для чого умисле велѣлемъ зъехати превелебному въ Богу отцу архимандритѣ нашему чернѣговскому, такъ же изъ уряду полкового тутейшого певныхъ для прислуханъя тоей справы заживши людей, злецѣлемъ имъ приняти пункта и выслухати скарги п. Ялинского, а уважаючи, чого онъ на мнѣ потребуетъ и о що такъ много безпрестанне мене турбуетъ, предложить. Теды онъ, яко намъ потимъ донесено, на килкохъ аркушахъ жалобы своей претендуючи много шкодъ и утратъ, зъ оказыи нашой архіепископской друкарнѣ понесенныхъ, на которые противъ кгды положено наши пастырскіе шкоды, въ тойже черезъ него починеные друкарнѣ, а пожитки, якіе онъ мѣлъ, неровнаннимъ способомъ преладованая его сторона зостала. На початку бовѣмъ тыхъ заводовъ друкарскихъ далемъ ему тысячей чтиры, за що онъ офѣровалъся намъ и друкарню выставити, и тимже коштомъ книги, працѣ нашей, зовемые Трубы, на свѣтъ подати, а то ся иначей стало: кгдыжъ онъ п. Ялинскій, нѣкгды въ куншгѣ друкарскомъ не бувавши, допюро сталъ по Вилняхъ ездити учитися и способовъ друкарскихъ шукати, що мы видячи и не прудко зъ працы своей тѣшитися чаючи, повторе чтиры тысячы золотыхъ на выдрукованъе книгъ Трубъ важили до друкарнѣ печерской. А. п. Ялинскій часть писма друкарского учинивши въ Новгородку, выдруковалъ тры тысячы книжечокъ, то есть кграматички, часловцѣ, елементари, безъ вѣдома нашего изъ того себѣ, зъ превелебнымъ отцемъ архимандритомъ новгородскимъ, болшъ на полтори тысячи мѣли пожитку, чого безъ мене, власного тоей друкарнѣ господара, чинити бы ся не годило. На помощъ тыхъ же заводовъ дру-

карскихъ далисмо ему млынъ, на рецѣ Ромѣ подъ Новгородкомъ стоячий, который хожовалъ въ арендѣ до року подъ сто копъ. Того млына п. Ялинскій черезъ лѣтъ десять уживаючи, одобравъ пожитку полтрети тысячи, надто давано овси, солоды, горѣлку, быдло, дрова, сѣно, чого не пораховать. Потимъ которые книги друковалися, завше закладаючи мало не полторы тысячы кнытъ, намъ господареви пятсотъ давалъ, а себѣ зъ вышписанымъ отцемъ архимандритомъ двѣ части роздѣляли. Що мы видячи, умыслили въ Чернѣговѣ препроводити друкарню, абы такъ способнѣйшою до выдрукованья намъ праць своихъ и до учиненья пожитковъ намъ, а не кому иншому, поблизу зоставала. И тутъ скоро звабивши его, далисмо ему млынъ добрий подъ городомъ, который въ вѣчность купуючи, тутейшіе чернѣговскіе обывателѣ шацовали тры тысячи золотыхъ, якимъ млыномъ и до сего часу пожиткуетъ. Далисмо тыжъ пляцъ зъ будинкомъ, купленый нами за золотыхъ триста. А зъ друкарнѣ якъ много онъ мѣлъ п. Ялинскій завше пожитковъ, потреба особливый реестръ чинити. Причина зась отдаленья его отъ друкарнѣ тая, же онъ якъ ремесла друкарского непорядне и недосконале училься, тылко доходячи чрезъ способы и свою текавость, такъ ани сили многимъ въ друкарнѣ рѣчамъ знаючи, въ отливанью лѣтеръ великіе намъ чинилъ шкоды, матерій добре не умѣлъ приправовати, лечъ отливши азбуку и едну выдруковавши книжку, що разъ ново а ново переливалъ лѣтеры зъ значною намъ шкодою. А що непреливаными лѣтерами друковалъ въ Чернѣговѣ псалтиры, шестодневцѣ и малые молитвеннички, тыми отразилъ людей отъ друкарнѣ, же нѣхто не хотѣлъ и глядети на такъ темное писмо; до того фарбы друкарской не умѣлъ добре въправовати, такъ, же на инныхъ книжкахъ мощно бы рукою чернило отерти. Для чого была пришла наша чернѣговская друкарня людемъ въ огидъ, ажъ мусилисмо знову ремесника, именемъ Лукаша, зъ Вилня затягати, который подалъ тотъ способъ нѣкоторымъ изъ законниковъ нашихъ такъ въ матеріи до отлитья лѣтеръ, яко до чернила потребныхъ, взявши на тры тысячы отъ насъ въ нагороду. Тотъже Лукашъ многое множество знайшолъ по улицѣ предъ дворомъ п. Ялинского и предъ друкарнею валяючогося шляку матеріи гисарской, которыхъ онъ п. Ялинскій, не знаючи силы и за непотребные мнѣмаючи, вонъ выкидалъ зъ немалымъ ущербкомъ убогому кошту нашему. Що все при выше мененныхъ обоего стану персонахъ прекладаючи, припомнено ему, п. Ялинскому, тое, кгды въ року 1677-мъ зъ нароженъя Божого на болѣзненномъ ложку лежалемъ, а зъ любвѣ своей мене киевское духовенство, яко старого пастыря, посѣтило, на тотъ часъ давалемъ друкарню мою тую, чрезъ п. Ялинского выставленную, въмѣсто заплаты, на молитву до

печерского монастыра въ двохъ тысячахъ золотыхъ, при бытности нынѣшнего высоце въ Богу превелебного господина отца архимандриты печерского и нынѣшнего господина отца архимандриты елецкого, на тотъ часъ ігумена выдубицкого, и многихъ духовныхъ особъ, отповидѣлъ велебный отецъ Іоасафъ, дозорца друкарнѣ киевской, же и пять сотъ золотыхъ (яко теперъ наочне оному выраховано) пожитковавши, кромѣ книжокъ малыхъ, якихъ по килко сотъ на его отходило завше, и намъ на другіе девять тысячей и болшъ шкодъ друкарнею навѣвши, теперъ еще неслыханыхъ рѣчий на насъ доходитъ, абысмо ему тысячей двѣ, не знать за що, платили, млынъ и дворъ въ вѣчность записали, маетность монастира нашего іллѣнского, зовемую Бѣлоусъ, надали, дворы въ Новгородку подданными нашими направовати, въ друкарнѣ дѣтемъ его, если зъ наукъ выйдутъ, безъ плати во весь вѣкъ до килка десятъ аркушовъ позволили и записали. Чѣмъ поневажъ потурбовалъ и велможность вашу, милостивого добродѣя моего, любо моглъ бымъ я иначей якъ правнымъ отбыти способомъ, еднакъ поважной інстанцѣи за нимъ велможности вашой даючи мѣстце, абы южъ болшъ и моей старости не турбовалъ и предъ поважными не обносилъ немощей моихъ персонами, росказалемъ его уконтентовать тымъ: млынъ, которого онъ и теперъ заживаетъ, по прошенію его, ствердити ему и потомству его въ вѣчность, дворы въ Новгородку подданными нашими направовати, дѣтемъ въ друкарнѣ безъ нагороды до двадцити аркушовъ друковати, а тысячей давать (которыхъ я и самъ немного маю и остатные теперъ на образы до церкви святой Тройцы офѣровалемъ сложити), такъ же и маетности монастырскіе и пляцы потребные, жадною мѣрою ему давати анѣ мишлю. Еслы не контентуется тымъ такъ добримъ млыномъ и иншими выражеными зъ ласки нашой рѣчами, воленъ есть нехай знову до друкарнѣ приступуетъ, любо южъ небожчика Лукаша працею далеко поправлена зостала. Мы его приняти не не хочемъ.—Велможности вашой, моему велце милостивому добродѣевѣ, тое все предложивши и до высокой панской подавши уваги, горливе прошу, жебы болшъ велможность ваша невинному его оскарженю насъ не давалъ у себе мѣстца, овшемъ высоце поважною рейментарскою протекцѣею своею старость мою отъ таковыхъ турбаторовъ боронити рачилъ. О що и по стократне просячи, архіерейское мое благословеніе, при залеценъю всегдашныхъ молитвъ, велможности вашой, особливому добродѣеви моему, препосылаю.

Зъ катедры архіепископіи нашой чернѣговской. Року 1689, февраля 6-го.

Велможности вашой, моего велце мосцѣвого пана, въ Духу Святомъ возлюбленого сына и великого добродѣя моего, всѣхъ благъ желаючий

пастыръ и богомолецъ и слуга поволный. Лазаръ Барановичъ, архіепископъ чернѣговскій новгородскій рукою власною.

Сообщ. **А Лазаревскій.**

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ МАЛОРОСІЙСКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и малороссійскій гражданскій губернаторъ Ф[illegible]ренздорфъ.

Увидя изъ донесенія, мною полученнаго отъ бывшаго малороссійскаго гражданскаго губернавора Миклашевскаго, усердіе и ревность ко службѣ дворянъ малороссійской губерніи, изъ коихъ по присланному оказалось тысяча двѣстѣ пятьдесятъ пять человѣкъ, и благоволя на оное, далъ я новелѣніе опредѣлить ихъ всѣхъ, по ихъ желанію, въ военную службу; а вамъ, яко управляющему губерніею, поручаю симъ объявить дворянству малороссійскому мое полное благоволеніе и въ монаршей моей милости его увѣрить.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

Подлинный писанъ и подписанъ собственною его величества рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Петергофъ, іюня 22 день 1800 года.

ОРДЕРЪ ПРАВИТЕЛЯ МАЛОРОССІИ А. РУМЯНЦЕВА ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ПѢВЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ ГЛУХОВѢ.

Въ войсковую генералную канцелярію предложеніе.

Понеже по именному ея императорскаго величества указу повелѣно учредить въ Глухове неболшую школу при одномъ реинтѣ, которой бы въ пеніи четвероголосномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ, въ которую набирать со всей Малороссіи исъ церковниковъ и съ козачихъ и мѣщанскихъ дѣтей и съ протчихъ и содержать всегда въ той школѣ одъ двадцати человѣкъ, а при томъ сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и малорос-

сиянъ и оныхъ учениковъ обучать и струнной музыки: того ради войсковой генералной канцеляріи, куда надлежитъ, подтвердить, дабы реинта такого, которой бы четыреголосному и партесному пенію действително былъ искусенъ и другихъ также бы кто школьниковъ и струнной музыкѣ обучать могли, сыскать и сыскавъ присланы бъ были ко мнѣ, а содержены они будутъ на казенномъ коштѣ.

Декабря 27 дня, 1737 г.
Переяславль (№ 9254):

А. Румянцевъ.

ГОЛОДЪ ВЪ ПОЛТАВЩИНѢ ВЪ 1833 и 34 гг. И МѢРЫ ПРИНЯТЫЯ ПРОТИВЪ НЕГО.

До сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ Полтавщины сохранилось воспоминаніе о постигшемъ ее въ 1833 и 1834 годахъ голодѣ. Мы не имѣемъ современнаго описанія этого народнаго бѣдствія; подробности его давно забыты, въ народномъ преданіи сохранились лишь общіе разсказы о томъ, какъ люди питались тогда желудями, березовыми шишками, мякиной и т. п., а многіе буквально умирали отъ голода. Но въ нашихъ рукахъ всеподданнѣйшій отчетъ за эти годы бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Н. Гр. Репнина, гдѣ этому бѣдствію посвящены многія страницы. Съ помощію его сухихъ фактовъ и голыхъ цыфръ можно однако же составить себѣ понятіе какъ о размѣрахъ этого бѣдствія, такъ и о мѣрахъ принятыхъ для его облегченія. Вотъ какія общія свѣдѣнія о семъ можно извлечь изъ отчета.

Голоду 1833 г. предшествовали война съ Турціею, холера, падежъ скота и трехлѣтній неурожай. Наступилъ 1833 г. Съ начала апрѣля и по конецъ іюня не выпало и одной капли дождя. Озимые хлѣба совсѣмъ высохли, яринные едва-едва взошли; когда настало время жатвы, пришлось скосить всѣ хлѣба на кормъ скоту. Какъ на бѣду въ помѣщичьихъ амбарахъ оказался весьма незначительный запасъ хлѣба; обнаружились всѣ признаки грозившаго въ ближайшемъ будущемъ голода. Къ счастію, малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ упомянутый выше кн. Репнинъ, администраторъ умный и энергическій и, какъ извѣстно, вполнѣ симпатизировавшій населенію управляемаго имъ края. По его иниціативѣ принятъ цѣлый

рядъ мѣръ, которыя если не предотвратили совершенно грозившаго бѣдствія, то значительно его облегчили.

Прежде всего, по высочайшему указу 28 іюня, выведены войска, расположенныя въ предѣлахъ полтавской губерніи, въ распоряженіе Репнина отпущено на первый разъ 500,000 р., а самому ему предложено, объѣхавъ ввѣренный край, представить въ Петербургъ проэктъ дальнѣйшихъ мѣръ къ отвращенію угрожающаго голода.

Осмотрѣвъ полтавскую губернію, Репнинъ нашелъ пять уѣздовъ: полтавскій, константиноградскій, кобеляцкій, кременчугскій и гадяцкій въ самомъ бѣдственномъ положеніи; въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ нужда также была, хотя и не такъ велика. По донесеніямъ уѣздныхъ начальствъ, нуждалось 617,525 душъ (338,847 казенныхъ крестьянъ и 278,678 помѣщичьихъ), а на нихъ требовалось 357,028 четвертей хлѣба. Съ помощію предводителей дворянства и земскихъ исправниковъ, а также своихъ адъютантовъ и чиновниковъ, Репнинъ произвелъ повѣрку числа нуждающихся и опредѣлилъ оное въ 219, 278 человѣкъ. Сообразно этому, имъ исходатайствовано было отъ казны 3,365,197 р. 97½ к., изъ продовольственнаго капитала полтавской губерніи 1,709,343 р. 80¼ к., всего 5,074, 541 р. 87¾ к.

По разрядамъ населенія найбольшую нужду терпѣли безземельные козаки, снимавшіе прежде хлѣбъ на поляхъ богатыхъ козаковъ и помѣщиковъ за третью и четвертую часть урожая, а теперь оставшіеся безъ хлѣба, такъ какъ крупные землевладѣльцы сняли собственными силами все незначительное количество хлѣба на своихъ поляхъ; но въ такомъ же почти положеніи находились и помѣщичьи крестьяне. Репнинъ выхлопоталъ у правительства денежныя ссуды помѣщикамъ для пріобрѣтенія хлѣба, а затѣмъ объявилъ имъ еще въ концѣ августа, что они обязаны продовольствовать каждый своихъ крестьянъ во время голода, побуждая притомъ ихъ къ работамъ и изыскивая новыя, чтобы тѣмъ удержать ихъ отъ нищенства, а если кто оставитъ своего крестьянина безъ средствъ къ жизни, выгонитъ его изъ дому и послѣдній самъ прокормитъ себя во время голода, то тѣмъ самымъ получитъ свободу.

Принимая мѣры относительно закупки хлѣба въ урожайныхъ мѣстахъ по возможно дешевой цѣнѣ, Репнинъ обратилъ вниманіе на правильную распродажу вывозимаго на базары хлѣба, такъ какъ въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ были уже случаи нападенія мѣстнаго населенія на скупщиковъ. Поэтому предписано было городскимъ и земскимъ полиціямъ допускать продажу жизненныхъ продуктовъ на торгахъ и базарахъ до полудня лишь мѣстнымъ жителямъ, а потомъ уже и другимъ лицамъ, а въ предупрежденіе сосредоточенія массы хлѣба въ однихъ рукахъ были опубликованы строгія взысканія за скупку. Въ тоже время, чтобы открыть запасы новаго хлѣаа, поручено было предводителямъ дворянства, собравъ достовѣрныя свѣдѣнія о количествѣ хлѣба, хранящагося еще у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, побудить ихъ уменьшить винокуреніе и пустить свой хлѣбъ въ продажу, не ожидая возвышенія цѣнъ.

Главными хлѣбными рынками въ это время сдѣлались три уѣздныхъ города: Лохвица, въ которую было привезено много хлѣба изъ орловской и курской губерній, Переяславъ, куда былъ доставленъ хлѣбъ изъ кіевской и минской губерній, и Кременчугъ, получившій много хлѣба, сплавленнаго по Днѣпру изъ разныхъ мѣстъ. Въ этихъ городахъ дѣлались частныя и казенныя закупки хлѣба. Съ цѣлью понижать въ нихъ цѣну на хлѣбъ, достигавшую иногда до четырехъ рублей за пудъ ржи, казенные коммиссіонеры, избранные генералъ-губернаторомъ изъ завѣдомо-честныхъ чиновниковъ и купцовъ, скупали въ разныхъ мѣстахъ хлѣбъ и доставляли его въ Переяславъ, Кременчугъ и Лубны, какъ центральный городъ всей губерніи. При каждомъ отправленіи ихъ назначались цѣны, выше которыхъ они не могли платить безъ особаго разрѣшенія. Всего было куплено: ржи 1,939,986 пудовъ, гречихи 352,253 п., пшеницы 167,377 п., ячменя 112,488 п. и овса 83,679 п., всего на сумму 3,185,498 рублей 4 к. Кромѣ того было выдано въ ссуду помѣщикомъ для покупки хлѣба на продовольствіе ихъ крѣпостныхъ 911, 852 р. 85 коп. Такимъ образомъ изъ отпущенной въ распоряженіе Репнина суммы было пущено въ расходъ 4,097,351 руб. Закупка производилась съ начала августа 1833 г. по февраль 1834 г. Наиболѣе было закуплено хлѣба въ августѣ въ минской губерніи по очень дешевой цѣнѣ переяславскимъ предводителемъ дворянства, Иваненкомъ, благодаря содѣйствію минскаго губернатора дѣйств. ст. сов. фонъ-Дребуша; затѣмъ въ курской губерніи еще болѣе дешевая закупка, по 1 р. 90 к. за пудъ ржи, была произведена губернскимъ секретаремъ Величковскимъ; зимою хлѣбъ покупался въ

кіевской, волынской и подольской губерніяхъ. Чтобы еще болѣе увеличить количество хлѣба въ полтавской губерніи, генералъ-губернаторъ поручилъ первой гильдіи купцу, Зеленскому, сдѣлать закупку 40,000 пудовъ ржи въ турецкихъ владѣніяхъ, съ тѣмъ, чтобы поднять его по Днѣпру до г. Александріи. Пудъ этого хлѣба съ доставкой до Одессы обошелся въ 2 р. 35 к.; но такъ какъ съ доставкой его нѣсколько запоздали, вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣтровъ и карантина, то разрѣшено было Зеленскому промѣнять 7,725 пудовъ этого хлѣба на тоже количество хлѣба, лежавшаго въ Кременчугѣ, принадлежавшаго конторѣ Штиглица, съ приплатою по 15 к. за пудъ.

Хлѣбъ, купленный ранней весною, былъ доставленъ къ концу октября въ назначенныя мѣста, съ остальнымъ было не мало хлопотъ, вслѣдствіе распутицы въ западныхъ губерніяхъ съ начала февраля 1834 г. Тамошніе фурщики, обязавшіеся подвезти хлѣбъ къ Днѣпру, бросали свои возы и скрывались, и только благодаря усиліямъ мѣстнаго тамошняго начальства, не пришлось понести значительныхъ убытковъ. Въ общемъ четверть ржи восьми пудоваго вѣсу обошлась съ доставкой въ назначенные пункты въ 19 р. 77⅓ к. Кромѣ затрудненій съ доставкою къ пристанямъ и во время самого сплава, приходилось терпѣть и убытки; такъ напр. на рѣкѣ Припяти затонуло 12,000 пуд. ржи, доставлявшейся помѣщикомъ Хржановскимъ, вслѣдствіе сильной бури.

Когда хлѣбъ, благодаря энергичной дѣятельности властей, сталъ прибывать въ полтавскую губернію со всѣхъ сторонъ, нужно было подумать о способахъ его распредѣленія среди населенія, а прежде всего объ обсѣмененіи озимыхъ полей. Такъ какъ это слѣдовало сдѣлать еще въ августѣ 1833 года, когда не было еще привознаго хлѣба, то на посѣвъ были взяты остатки общественнаго хлѣба и сдѣланы были займы у зажиточныхъ жителей. Все количество взятаго хлѣба было возвращено при первомъ подвозѣ. На продовольствіе хлѣбъ раздавался лишь дѣйствительно нуждавшимся, по удостовѣренію волостныхъ правленій, жителямъ, считая по 30 фунтовъ ржи въ мѣсяцъ для каждаго взрослаго и по 15 ф. для малолѣтняго.

Изъ мѣстъ, гдѣ ссыпался хлѣбъ, нужно было перевозить въ другіе уѣзды на обывательскихъ подводахъ. Въ близкомъ разстоя-

ніи, т. е. не далѣе 30 верстъ, перевозка производилась безплатно; для болѣе далекихъ разстояній была назначена плата по 5 коп. съ пуда за каждые 30 верстъ, что составляло съ днемъ накладки менѣе одного рубля на человѣка и пару воловъ. Уплата возчикамъ была возложена на земскихъ исправниковъ и уѣздныя коммиссіи народнаго продовольствія, подъ наблюденіемъ гражданскаго губернатора. Всего было заплачено за перевозку 94,627 р. 87½ к.

На обсѣмененіе яровыхъ полей былъ розданъ хлѣбъ, купленный въ курской, орловской, черниговской, кіевской губерніяхъ и въ прилуцкомъ и роменскомъ уѣздахъ полтавской, всего 83,464 п. 33 ф. пшеницы, 52,185 п. 6½ ф. ячменя, 168,492 п. 11 ф. гречихи и 40,810 п. 5 ф. овса. Но этотъ хлѣбъ не пошелъ въ прокъ: 29 апрѣля 1834 г. пронесся по полтавской губерніи на разстояніи 300 верстъ страшный ураганъ, а затѣмъ наступила засуха, продолжавшаяся до конца іюля, изсушившая всѣ поля, такъ что обыватели, получившіе хлѣбную ссуду, не вернули даже сѣмянъ, въ особенности ячменя и гречки.

Изъ выданныхъ казною денегъ было израсходовано еще 69,766 р. 38 ½ к. на покупку мѣшковъ, пересылку денегъ, разъѣзды чиновниковъ, починку хлѣбныхъ магазиновъ, жалованье смотрителямъ и канцелярскіе расходы уѣздныхъ коммисій продовольствія.

При выдачѣ ссудъ помѣщикамъ приняты были мѣры, чтобы выданныя деньги не были употреблены ими на покупку предметовъ роскоши и на хозяйственные обороты. Отъ просившаго ссуды требовалось свидѣтельство, что онъ дѣйствительно не можетъ прокормить своихъ крѣпостныхъ, а съ другой стороны—что запрещенія на его имѣнія не превышаютъ опредѣленной закономъ суммы, коммиссія же продовольствія, выдавая ссуду, обязывала получающаго подпискою, что по полученіи денегъ онъ вполнѣ обезпечитъ своихъ крѣпостныхъ, подъ опасеніемъ наложенія на имѣніе опеки.

Кромѣ денегъ, отпущенныхъ изъ государственнаго казначейства и изъ суммъ продовольственнаго капитала, въ помощь бѣднымъ поступали пожертвованія. Государь императоръ далъ 16,000 р.; епископъ полтавскій и переяславскій Наѳанаилъ собралъ отъ разныхъ лицъ 8,000 р.; московскій 1-й гильдіи купецъ, нѣжинскій грекъ, Хаджи-Конста, пожертвовалъ 2,000 р.; выручено за розыгранныя въ лотереѣ издѣлія воспитанницъ полтавскаго института

и полтавскихъ дамъ 1,339 р.; собрано въ первый день Пасхи при взаимномъ поздравленіи 1,401 р.; выручено за два концерта, данныхъ любителями музыки въ пользу бѣдныхъ 2,910 р.; собрано въ уѣздахъ, по приглашенію полтавскаго гражданскаго губернатора, 4,250 р. и 500 пуд. разнаго хлѣба.

Изъ этихъ денегъ около 20,000 руб. разошлось по уѣздамъ, 1,000 руб. была роздана нуждавшимся семействамъ духовнаго званіи, остальныя разошлись на пособіе голодавшимъ жителямъ г. Полтавы. Для большаго удобства Полтава была раздѣлена на восемь участковъ, которыми завѣдывали дамы высшаго круга; ими были устроены бараки, гдѣ за полъ-цѣны отпускалась порція хлѣба и говядины. Кромѣ того, нѣкоторые жители Полтавы содержали на свой счетъ по нѣскольку семействъ, а именно: архимандритъ крестовоздвиженскаго монастыря Гавріилъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, 50 человѣкъ, полтавскій городской голова купецъ Панасенко, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, 120 человѣкъ и полтавскій 1-й гильдіи купецъ, Петръ Ворожейкимъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, 175 чел.

Сверхъ пособія хлѣбомъ разрѣшено было отправляться на заработки, не взнося пошлинъ за паспорты, подати взыскивались исподоволь, перепись пріостановлена и населеніе освобождено было отъ рекрутскаго набора.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, были предотвращены до нѣкоторой степени всѣ ужасы голода и народное спокойствіе въ Полтавщинѣ нигдѣ не было нарушено.

МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ У ВЕЛИКО-РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

По поводу взаимодѣйствія двухъ народностей, великорусской и малорусской, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они непосредственно соприкасаются другъ съ другомъ, существуетъ то общераспространеннее мнѣніе, что великорусская народность всюду поглощаетъ малорусскую, что малороссы, живя по сосѣдству съ великороссами, утрачиваютъ свою самобытность, теряютъ свой языкъ, свои нравы и обычаи и *все перенимаютъ у великороссовъ*. Мнѣніе это намъ кажется слишкомъ одностороннимъ и тенденціознымъ. Мы лично въ теченіи долгаго времени жили какъ разъ на рубежѣ, гдѣ сталки-

ваются эти двѣ народности (въ курской губерніи), видѣли много такихъ селеній, гдѣ живутъ смѣшанно великороссы и малороссы. и такимъ образомъ не можемъ согласиться съ поборниками приведеннаго мнѣнія. Не распространяясь подробно объ этомъ предметѣ, такъ какъ намѣрены посвятить ему въ близкомъ будущемъ особый очеркъ, мы скажемъ здѣсь только, что малороссы въ порубежныхъ мѣстностяхъ, по нашимъ наблюденіямъ, перенимаютъ у русскихъ лишь одинъ языкъ, который они усваиваютъ частію въ народной школѣ, частію при сношеніяхъ съ волостнымъ правленіемъ и другими оффиціальными учрежденіями и лицами; обычаи же и нравы ихъ не подвергаются, повидимому, никакому вліянію со стороны сосѣдей великоруссовъ. Въ этомъ сказывается весь національный характеръ хохла, упрямство котораго вошло у русскихъ въ пословицу. Намъ лично разсказывали въ одномъ большомъ селѣ, населенномъ исключительно одними малороссами, какъ мѣстный становой приставъ, наслышавшись о развратѣ, царствующемъ будто бы на «вечерницахъ» и желая водворить нравственность среди молодежи, цѣлую зиму гонялся по вечерамъ, въ сопровожденіи десятскаго, за «парубками» и «дивчатами», чтобы не дать имъ возможности собраться гдѣ бы то ни было на вечерницу, накрывалъ и ловилъ ихъ не только по избамъ, но даже въ сараяхъ, но въ концѣ концовъ утомленный борьбою, сложилъ оружіе и плюнулъ на всѣ эти дѣла, предоставивши молодежи полную свободу веселиться и устраивать вечерницы, какъ онѣ ни казались ему безнравственны и противозаконны... Тоже самое мы должны сказать и относительно пѣсенъ, сказокъ и другихъ продуктовъ народнаго творчества. Мы собрали въ Бѣлгородщинѣ и Посемьи около 400 пѣсенъ и болѣе 100 сказокъ какъ среди малорусскаго населенія, такъ и среди великороссовъ, и сличая ихъ тексты, мы не нашли въ малорусскихъ пѣсняхъ *ни одной* такой, которая бы указывала на прямое заимствованіе ея у русскихъ. На оборотъ, вопреки всѣмъ своимъ ожиданіямъ, мы нашли среди русскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ великорусскихъ деревняхъ и отъ кровныхъ великоруссовъ, не мало такихъ пѣсень и сказокъ, которыя или всѣ цѣликомъ, или только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ заимствованы у малороссовъ, при чемъ это заимствованіе бываетъ до того ясно и произошло, должно быть, такъ еще недавно, что нѣкоторыя отдѣльныя слова (въ родѣ той же

«вечерницы», «дивчата», предлога «пидъ» и т. п.) и даже цѣлыя выраженія не успѣли еще перевестись на русскій языкъ и поются по малороссійски. Приведемъ здѣсь, для примѣра, хотя двѣ такихъ пѣсни, записанныхъ среди велико-рускихъ крестьянъ и, какъ кажется, цѣликомъ заимствованныхъ ими у малороссовъ.

Записывались эти пѣсни, разумѣется, съ буквальной точностію,— такъ, какъ онѣ поются въ деревняхъ.

I.

Въ Польшѣ огонь горитъ, а въ Кіевѣ дымно.
Ходилъ козакъ по рыночку,—
Только мощи видны.
Померъ, померъ козаченько (sic!)
Въ недилю въ ранци.
Ахъ, вы, братцы, товарищи,
Выводите коня моего на стойло,
Выносите мнѣ сбрую на могилу;
Пускай конь вороной заржетъ надо мною,
Чтобы услышали отецъ и *маты* [1]) (sic!).
... Одна въ новой хатѣ [2]).
Коли бы [3]) я была зезулинька [4]),
Я бъ крылушки имала
И всю бъ тую вражу Польшу
Кругомъ облетала,
Своего (бы) сына Ивана
По шапкѣ узнала.
Сѣла (бъ), пала на могилѣ
И сказала (бъ): «куку, куку;
Сынъ мой возлюбленный (sic!),
Подай мнѣ правую руку»!
— «Радъ бы я, мати, встати,
Засыпаны очи сырою землею».
Взлеталъ пивень на вороты,
Кричитъ: «кукареку»!
Не жди-жъ меня матушка
Изъ сырой земли до вѣку.

---

[1]) Передъ этими стихами, очевидно, что-то пропущено.
[2]) Въ другомъ варіантѣ: „кабы“.
[3]) Въ другомъ варіантѣ прямо по русски: „отецъ съ матерью“.

II.

Умéръ, умеръ козаченько
Въ недѣлюшку рано.
Положили козаченьку
Въ свѣтлицѣ на лавку,
Покрыли ясны очи
Черною тафтою.
Лежитъ, лежитъ козаченька
Съ ранней зори до заранку.
Какъ прикажетъ панъ полковникъ:
«Выкопайте, братцы, яму»!
Выкопали козаку
Что глубокую могилу.
Охъ, вы, братцы-атаманы,
Вы чините мою волю,
Что я только вамъ позволю.
Ведутъ коня, несутъ сбрую,
Несутъ гробъ за мною,
Заржи мой вороной конь
Сегодня надо мною.
Какъ заслышитъ моя мати,
Что изъ каменной палаты,
Сбросилася моя мати
Пташкой-голубочкомъ,
Полетѣла моя мати
Что на *вкрагну*;
Убивалась моя мати
Надъ моей могилой:
«Дитя мое милое,
Подай бѣлы руки»!
—«Радъ бы я подати,—
Не могу подняти:
Гробовой доской закрылся,
Желтымъ пескомъ засыпанъ».

(Запис. въ путивльскомъ уѣз., курской губ.)

Н. Добротворскій.

---

4) Въ другомъ варіантѣ: „кукушечка“.

малу. Вечеромъ были и ужинали у маіора гвардіи и генерала маіора Івана Афанасіевича Шипова.

12. Былъ я въ сенатѣ, но дѣла нашего съ Соколовскимъ не слушано. Куплены: портретъ государыни великой княгини—1 р. 25., три картини проспекту С.П.Бурха—1 р. 5 к., три азбуки: латинская, нѣмецкая и французская—36 к. Данъ зипунъ Сидору, купленный за 1 р. 20 к. Государыня изволила быть на бархатномъ дворѣ у Евдокіи Гарасимовни Жоравкиной.

13. Рано перво были у Петра Івановича графа Шувалова и тутъ видѣлись съ генераломъ маіоромъ Флоровымъ-Багріевымъ, потомъ въ дворцѣ у графа Розумовского. Даны къ пошитю сукень пара, кунтушъ и кафанъ, кравцю и ему-жъ отъ мене даны на всякіе потребы 2 р. ad interim. Вечеромъ сидѣлъ у насъ подполковникъ Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ до Прусъ.

14. Золотошвеямъ девкамъ, которіи шили золотые и срѣбрные петли до 2-хъ кунтушовъ, сверхъ прежныхъ 4 р., еще сего числа доплачено 3 р. 50 к. Пущалъ я сего-жъ числа кровь и пущателю греку дано 50 к. Канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій прислалъ сафянъ красный, а Жоравко тютюну турецкого, жена-жъ его вчора прислала вишніовки барилко.

15. Куплено свистуна три аршини на подбой до кунтуша за 3 р. 15 к. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, а по полднѣ были у насъ-же секретари сенатскый Новоторжцовъ, штатсъ-канторы Шишкинъ и канцеляристъ Тимофіевъ, которымъ—послѣднымъ 15, а первому 30 лимоновъ соленыхъ отъ насъ конферовано.

16. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись съ Жоравковою. Обѣдали у насъ канцеляристъ Данилевскій, да женщини Крюкова и Козляницина. Передъ вечеромъ были мы у дѣйствителного статского совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ у Александра Тихоновича Лукина.

17. Рано едучи къ дворцу, были у генерала-маіора, гвардіи маіора, Шипова, послѣ полдня у графини Гендриковой, которая насъ и заячимъ удцемъ подарила. За лѣкарство, купленное въ аптекѣ Мееровой, дано 60 к.

18. За перчатки бѣлые дано 50 к., за конфору, за крайку и носки дано 23 к. Шевцю за пошитье сапоговъ красныхъ—30 к.

19. Ради тезоименитства своего Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ звалъ насъ къ себѣ обѣдать, где и обѣдали мы, между протчими, съ капитаномъ 5-й роти ізмайловского полку гвардіи Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Павловымъ, да братомъ его и нѣкоторымъ Воейковымъ съ женою его, а послѣ обѣда былъ тутъ-же совѣтникъ военной коллегіи Козловъ, и уже оттуду вечеромъ возвратились.

20. Государыня изволила ездить кушать до камеръ-юнкера Сіверса зъ нѣкоторими придворними. Мы знову обѣдали у генерала Шипова купно съ генераломъ-лейтнантомъ и кавалеромъ Петромъ Михайловичемъ Шиповымъ и генераломъ маіоромъ Іваномъ Ивановичемъ Дивовымъ, генералъ-рекетмейстеромъ и съ женами ихъ. Потомъ надъ вечери ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ и тамъ былъ у графа Розумовского, которій между протчимъ обнадеживалъ скорою уже имѣющею быть нашею отправою. Тамъ-же въ дворцѣ рано подана сочиненная записка о классахъ рангамъ малороссійскимъ.

21. Рано въ дворцѣ между протчими и мы допущены были къ ручки іхъ высочествъ, ради рожденія сего числа государини великой княгини празднуемого, где и обѣдни слушали. По полдни былъ въ нашей квартерѣ генералъ маіоръ отъ кавалеріи Яковъ Лукичъ Флоровъ-Багрѣевъ безъ насъ.

22. Обослалъ насъ графъ Гендриковъ зайцемъ, отъ него затравленнымъ, а обѣдали мы у Жоравка и тамъ-же по огороду и ренжереямъ гуляли.

23. Обѣдни слушали въ дворцѣ, потомъ звалъ насъ тамъ-же оберъ маршалъ Шепелевъ къ себѣ на водку. Жоравко обѣдалъ у канцлера, а жена его у государини. Мы обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ привезъ мнѣ футлярикъ на стеклорѣзный алмазъ, а передъ симъ мнѣ-жъ подарилъ г. Лукинъ одинъ болшый, а два маленкихъ блоковъ.

24. Куплены у Янджула 14 срѣбныхъ гузіковъ. Весь день пробыли въ квартерѣ, толко вечеромъ ездили въ дворецъ, однакожъ графа А. Г. Розумовского не видали.

25. Ради торжества коронаціи государини, сездъ былъ ко двору многочисленный по утру, и на обѣдни изволила быть государыня и іхъ высочества въ церквѣ теплой, что при болшой салѣ,

и послѣ обѣдни былъ я у ручки государини, протчіи такожде допущены были къ руки, и многихъ повышено рангами, а во первыхъ: генерала-маіора и гвардіи маіора Івана Афанасіевича Шипова—генераломъ-лейтнантомъ, Шереметева генералъ провіантмейстера—генераломъ-лейтнантомъ въ отставку, брегадира отъ артилеріи Івана Ѳедоровича Глѣбова—генераломъ маіоромъ и другихъ. Послѣ обѣда были мы у оного генерала-лейтнанта Шипова и поздравляли его, где застали у его-жъ губернатора нижегородского, дѣйствителного статского совѣтника, князя Данила Андріевича Друцкого и генерала маіора Флорова-Багріева. Послѣ полдни знову были въ дворцѣ, где былъ балъ перво, а потомъ и государиня туда-жъ прійти въ началѣ 10-го часа по полдни изволила и до 12-го пробыть. Послѣ былъ ужинъ для всѣхъ знатныхъ персонъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, въ болшой салѣ, и тамже ишли фонтаны и музика вокальная и інструментальная, купно съ пѣвчими придворными, играла.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ у графа Розумовского застали нѣкоторыхъ повышенныхъ рангами, кои приходили благодарить. Тамъ-же съ Жоравкомъ, досаждавшимъ намъ, имѣлъся переговоръ, а вечеромъ онъ же былъ у графа Гендрикова, зовучи его къ своей квартерѣ на завтра обѣдать; а послѣ его были и мы до позна у того-жъ графа Генорикова.

27. Въ домѣ графскомъ бархатномъ у Жоравки многіе знатные господа, въ томъ числѣ канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, генералъ аншефъ Апраксинъ и другіе обѣдали и весь день гуляли, а графъ Розумовскій изъ-рана ездилъ на охоту и ужиналъ у нѣкоторого конюшенного ассесора Поздѣева Сергія Василіевича. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню Пруси, а мы были рано у Любисткова и Шубского. Надъ вечери быаъ у насъ генералъ-лейтнантъ Шиповъ съ синомъ своимъ Михайломъ, сержантомъ гвардіи ізмаиловского полку. Подано отъ насъ доношеніе въ сенатъ о дачѣ економу артилерійскому Кирилу Бѣлоровскому подорожной до Глухова на двѣ подводы ямскіе.

28. По оному нашему доношенію послань указъ въ Ямскую о даче ему таковыхъ 3-хъ ямскихъ подводъ, и объ немъ-же виданъ указъ въ Глуховъ въ канцелярію генеральную, объ немъ-же писано отъ насъ писмо до старшины генералной въ дѣлѣ его о частяхъ войсковыхъ

въ одной мелници. Да чрезъ него-жъ посланы писма въ пакетѣ: 1-е до Скоропадского отъ мене въ отвѣтъ на его писмо сторони виговоровъ, ему чиненныхъ отъ насъ г. Кочубеемъ, полковникомъ нѣжинскимъ; 2-е до Кочубея о присилки его писма до графини Солтиковой Парасковіи Юрьевни и о лошадяхъ 8-ми одношерстныхъ и вина бочкѣ волоского; 3-е пакетъ, отъ Жоравки на имя асаула енералного Валкевича надписанный, и онъ-же Бѣлоровскій простилъся зъ нами къ отезду до Глухова съ секундъ-маіоромъ Михайломъ Івановичемъ Коченевскимъ. Надъ вечери были у прокурора Петра Михайловича Николева.

29. Послѣ полудня были у князя Івана Андріевича Щербатова сенатора и такъ объ ассесорѣ, стараючомся въ коммиссію щетную, яко и о своемъ дѣлѣ имѣлъ я доволный розговоръ. Въ вечеру прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ.

30. Послѣ бытія въ дворцѣ обѣдали у генералъ-лейтнанта І. А. Шипова. По полдни былъ у графа Гендрикова зговоръ тестя его, Сергія Івановича Бутурлина, дочери Елени за салдата семеновского полку гвардіи, князя Петра Івановича Урусова. Потомъ ездили мы до Новоторжцова, секретаря сенатского и тамъ застали судного приказу президента князя Борятинского. Въ дворцѣ простились съ Жоравкомъ за бывшій переговоръ.

Маій.

1. Рано были у штатского дѣйствителного совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ въ дворцѣ, где при насъ изволила государиня отъехать и ихъ высочества въ Покровское, а оттоль имѣли быть и въ Преображенскомъ. Гудовичъ по обѣдѣ ездилъ до Жоравки. Въ недавно прошедшихъ числахъ дано за 14 пуговокъ срѣбрныхъ 1 р. 35 к., шнурка срѣбрного за 20 к., шолкового за 4 к., за двое подошевъ 15 к., за два аршина зеленой ленти 5 к., за тясму нитчаную до сапоговъ $2^1/_2$ к. Куплены два вѣдра горѣлки за общые денги, дано 2 р. 40 к. На строеніе церкви подписались у г. Демидова дать 6 р. общихъ-же. Надъ вечери былъ у сенатора князя Щербатова съ Янушкевичемъ и подлинный въ Статутѣ артикулъ и родословіе о наслѣдствѣ въ добрахъ показиваны, где при томъ былъ и офіцеръ гвардіи Алексіевъ.

2. Рано были въ дворцѣ у полковника Ѳедора Ивановича Коченевского, а пріехавъ въ квартеру, застали тутъ атамана городового стародубского Ѳедора Яскевича, которій пріехалъ почтою по подорожной, данной ему изъ міністерской канцеляріи и привезъ ко мнѣ изъ дому при писмахъ де-которую посилку, да и отъ другихъ привезъ-же писма.

3. Ездилъ я въ сенатъ за дѣломъ съ Соколовскимъ, толко оного не слушали. За пошитье сукень кравцю, кунтуша капарового и кафана зеленого атласового, дано 1 р. 50 к.

4. Рано были съ поздравленіемъ праздника Вознесенія Господня у канцлера Бестужева, а потомъ слушали обѣдни въ болшой дворцовой церкви и послѣ, между протчими, допущены къ ручки государини и іхъ высочествъ. Обѣдали у насъ штатсъ-канторы секретарь Яковъ Васильевъ Шишкинъ, Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцеллярістъ, и копеистъ. Послѣ обѣда были у архіерея псковского и у архимандрита петровского монастыря Пахомія.

5. Будучи въ дворцѣ, обѣдали у Ѳедора Ивановича Коченевского, а рано были у графа Петра Ивановича Шувалова и объ указѣ печатномъ, публікованномъ отъ сената, о висилки козаковъ слободскихъ полковъ изъ великой и малой Россіи (трактовали?).

6. Послѣ полдня прислана коляска изъ лавры троецкой сергіевской, на которой я туда отъехалъ въ 9-мъ часу по полдни, а прибылъ въ лавру

7. по полночи въ 7-мъ часу и тамъ, по вислушаніи набоженства, обѣдалъ у келаря тамошнего, отца Феофана Чарнуцкого, купно съ братомъ его Іовомъ, а надъ вечери ездили смотрѣть ново-вилитого колокола, вѣсомъ въ 4, 500 пудъ, съ нимъ-же келаремъ и казначеемъ Мисаиломъ и съ Іовомъ-же; тако-жъ и на загородній дворецъ ездили, а оттуду возвратясь, были на всенощномъ въ соборѣ троецкомъ, где и преподобного Сергія мощы.

8. Рано были у мене тамошней семинаріи учители, ректоръ Афанасій Ваховскій, префектъ Кирилъ Лящевскій и іеродіаконъ Іннокентій Паскевичъ. По обѣдни-же были вси купно съ отцемъ келаремъ перво у казначея, потомъ и у тихъ учителей, а обѣдали у отца келаря. Потомъ паки до тѣхъ-же учителей ходили, а далѣе, простясь со всѣми и напутствованъ будучи де-чимъ отъ отца келаря, отъехалъ изъ лавры, и самъ съ Свѣрскимъ и Прокопіемъ Чарнуц-

кимъ поехалъ прямо въ деревню Сергіевско помѣщика Сергія Ивановича Бутурлина. где смотрѣлъ конскій его заводъ предорогой, а оттуду поехавъ, къ Москвѣ прибылъ въ 4 часу по полуночи и

9. не засталъ Гудовича въ квартерѣ, которій отъехалъ вчора съ графомъ Гендриковымъ до деревнѣ его Прусъ, а засталъ тутъ вчерась-же пріехавшпго товарища бунчукового Николая Тризну. По обѣдни кушали у мене Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ, да сержантъ гвардіи преображеского полку Никита Александровичъ Шубинъ. Въ поездѣ до лаври помянутой и въ обратѣ розишлось 1 р. 50 к.

10. Слушано дѣло въ сенатѣ наше, где передъ сенаторами Соколовскій бранніе слова говорилъ, о чемъ я и протествовалъ. Писано писмо до жены на ея писмо, чрезъ Яскевича полученное, въ отвѣтъ и что-бъ Грицка ко мнѣ не присылала, и оное вручено почепцямъ для пересилки, да и до сина подъ 11-мъ числомъ писано-жъ съ приложеніемъ писма отъ студента Рихарди. Послѣ вечерней зари дворъ прибылъ въ Москву.

11. Писалъ до Лисаневича, сотника мглинского, съ приложенными копіами кредитива и облѣга, врученныхъ мнѣ отъ Татіани Лизогубовни Вайниковой, о доправки по онымъ денегъ на козаку мглинскомъ Руцкомъ. Тако-жъ писалъ до Гудовича о прибытіи его изъ Прусъ въ Москву. Войтъ почепскій обослалъ мене вишніовки бочонкомъ. Состоялся указъ печатный о неподаваніи челобитныхъ самой государинѣ.

12. Рано были въ дворцѣ, где графъ, отъежджая на охоту, спрашивалъ о вѣдомостяхъ изъ Украини. Потомъ былъ у Ѳедора Ивановича Коченевского и у него видѣлься зъ Демидовымъ. Послѣ полдня былъ у графа Мойсѣя Ивановича Владиславича, а между тѣмъ прибылъ изъ Прусъ графъ Гендриковъ, а съ нимъ и Гудовичъ и Соловіовъ.

13. Отъ почепціовъ отправленный въ Почепъ человѣкъ отъехалъ, чрезъ котораго и выше намѣненные писма въ домъ и въ Мглинъ, а особливо отъ протопопа мглинского до сотника тамошнего пакетъ надписанный, отпущены. Рано были у духовника, которій сказовалъ намъ, что слышалъ онъ о скорой нашей отправѣ, да и о купцяхъ здешныхъ, кои откупили были пограничные таможни, намъ-же говорилъ.

14. Рано въ 9-мъ часу по полуночи преставилась Евдокія Денисовна, жена сина канцлерового, графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина. Рано-жъ были мы у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, обѣдни слушали въ дворцовой болшой церквѣ, потомъ были у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали у Жоравки на бархатномъ дворѣ, ужинали у г. Гендрикова. Государиня изволила отъехать въ Перово.

15. Куплены: чашка полоскателная, чайниця и двѣ солонки, въ которыхъ серебра вѣсомъ 1 фунтъ и 84½ золотника, дано 30 р. 27 к., да старой доплатки, Волкову надлежавшей, 1 р. 35 к., да мѣдное вѣдро 2 р. 75 к., за двойной фунтъ 1 р., итого всего заплачено 35 р. 34 к. Обѣдалъ у насъ гайдукъ дворцовый Захаръ Каліновскій. Розишлось въ прошлыхъ числахъ на разные дробные экспенси 84½ к.

16. Взяты денги 100 р. харчевые за мѣсяцъ априль изъ московской рентеріи, изъ которыхъ себѣ я и Гудовичъ взяли по 30 р., а осталось на харчевый росходъ 40 р. Государиня изволила прибыть зъ Перова, а мы вечеромъ ездили до князя Николая Юріевича Трубецкого на его загородный дворъ, что за донскимъ монастыремъ, и тамъ просили о почтѣ по тракту отъ Глухова до Кіева, о почепцяхъ, и указъ печатный именный показивали о висилки всѣхъ слободскихъ козаковъ и подпомощиковъ изъ-за помѣщиковъ.

17. Рано я ездилъ въ сенатъ и тамъ дѣло съ Соколовскимъ слушаніемъ окончено, а потомъ подалъ я генералу прокурору челобитную о злословленіи его въ сенатѣ. Послѣ обѣда были у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ужинали у графа Гендрикова.

18. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ виносъ умершей Евдокіи Динисовны, невѣстки канцлеровой, которая погребена на Арбатѣ въ церквѣ Бориса и Глѣба каменной. А на виносѣ и при погребеніи были многіе господа сенатори, генералитетъ и кавалери, а между протчими и мы тамъ-же присутствовали. Графъ Гендриковъ отъехалъ на свадбу къ тестю своему Сергію Івановичу Бутурлину, которій видаетъ дочь свою Елену за князя Урусова. Отослалъ вѣдро вина куму Якову Тимофіеву.

19. Рано были въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ве-

черомъ онъ же и у насъ былъ. Ужинали у графини Гендриковой. За направу фузіи старой данъ 1 р.

20. Были въ дворцѣ рано, но не застали графа Розумовского, отъехалъ на охоту. Потомъ заездили въ слободу салдатскую, бывшую прежде Лафортовскую, и тамъ были у муншенка дворцового Алексія Петровича Соболева. Надъ вечери были у Новоторжцова.

21. По вислушаніи обѣдни въ церквѣ св. мученика Никиты, поехали были въ дворецъ, потомъ возвратясь, встрѣтили при церкви Петра и Павла государиню, возвращаючуюся изъ церкви володимерской Богородици. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ стародубскій Максимовичъ, потомъ соборный обители Тройци сергіевской Леонтій съ попомъ семеновскимъ Димитріемъ. Въ вечеру пяній вздорилъ Яскевичь, въ вечеру-жъ были у Лукина.

22. Рано присилалъ по насъ Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій, до которого прибывъ, тамъ-же застали и духовника и просили ихъ напоминать объ отправѣ нашей. Потомъ были у графа, чрезъ которого покои въ 12-мъ часу изволила и государиня прошедъ отъехать въ Перово, село графа Розумовского. А мы мимоездомъ заехали къ генералу лейтнанту Шипову и у него обѣдали и долго проседѣли. А отъ него пришедши, застали въ квартерѣ нашей прибывшихъ изъ Глухова Кулябокъ—Петра, бунчукового товарища и обозного полка лубенского Івана, синовъ, пріехавшыхъ за пашпортами въ іностранную коллегію для поездки въ чужые краи. Пожаловала государиня сержантомъ въ гвардію сина пятимѣсячного генерала Стефана Ѳедоровича Апраксина, Николая.

23. Явился до насъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Карпѣка, изъ Глухова прибывшій, и у насъ-же обѣдалъ. Мы рано ездили до великого канцлера, которого за болѣзнію видѣть не могли. Рано у насъ былъ Лукинъ, объявляя, что синъ Апраксиновъ пожалованъ сержантомъ.

24. Писаны писма въ домъ до жены о домашныхъ дѣлахъ и о іноземки, до дѣтей уговоренной, да въ Глуховъ до Скоропадского о подсвѣщникахъ, передъ симъ въ монастырь сумскій отъ подполковника Шубского посланныхъ чрезъ Івана Мировича. Рано былъ у насъ генералъ-лейтнатъ Шиповъ. Мы ездили въ Перово, где перво въ болшой салѣ были у ручки государини и іхъ высочествамъ кланялись; потомъ у полковниковъ придворныхъ обѣдали, а по обѣдѣ

знову отъехали въ Москву. Вечеромъ былъ у насъ іностранной коллегіи секретарь Урилъ Ларіоновичъ Ивановъ и графъ Мойсѣй Владиславичъ.

25. Рано отъехалъ почтою Яскевичь въ Стародубъ, чрезъ котораго и писма вчорашные посланы. Сего числа по утру жена Сергія Ивановича Бутурлина Гликерія Юревна княжна Шаховская преставилась. Подано извѣстіе въ сенатъ о почтовыхъ станахъ отъ Глухова до Кіева. Послѣ полдня ездили къ секундъ-ротмистру конной гвардіи Александру Петровичу Толстому на загородный его дворъ, не далече убогого дому будучій, а оттоль Гудовичь ездилъ въ дворецъ къ Ѳедору Ивановичу Коченевскому, а я сидѣлъ у Лукина.

26. Рано принималъ лѣкарство слабителное. Въ 11-мъ часу по полуночи прибылъ въ Москву графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своею фамиліею. Отдалъ мнѣ Коноваленко денегъ заниманныхъ 10 р.

27. Погребеніе было помянутой Бутурлиновой въ церквѣ св. Николая, что на Мясницкой, где былъ межъ протчими и отставный генералъ маіоръ Афанасій Даниловичъ Татищевъ, который водилъ насъ въ огородъ нѣкотораго посадского Полуярославцова. Потомъ были у архіепископа московского Платона Маліновского, у котораго за Москвою рѣкою въ домѣ умершого князя Юрія Юревича Долгорукого обѣдали и съ нимъ-же заездили до одного капитана, Петра Іосифовича Мякинина, изъ Камчатки прибывшого. Послѣ ездили до князя Никити Юревича Трубецкого и оного завтрешнымъ тезоименитствомъ поздравляли.

28. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ деревню свою Прусы. Я чрезъ весь день не могъ и никуди изъ квартери не бывалъ.

29. Обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шапова ради тезоименитства третей дочери его Ѳеодосіи, и съ нами обѣдалъ-же у него капитанъ гвардіи ізмайловского полку Ѳедоръ Ѳедоровичъ Павловъ, а надъ вечери былъ у насъ Ілія Лизогубъ.

30. Ездили до Перова, а перво были въ дворцѣ у духовника. Въ Перовѣ-же обѣдали съ Жоравкомъ по приказу графа Розумовского въ его квартерѣ, куда намъ присланы кушанья отъ кухни государевой. Тамъ-же заплатилъ я за фузію, взятую передъ симъ у Івана Ѳедоровича Фукса, 29 р. По обѣдѣ изволила государиня

совсѣмъ изъ Перова вїехать и прямо поехать въ Покровское. Капитанъ Соловіовъ отдалъ мнѣ должные денги 25 р. Куплены для Сидора сапоги съ подбоемъ за 53 к., бриль за 20 к., да на прочіе дробязки розишлось 8 к.—Дочь Сергія Ивановича Бутурлина преставилась.

31. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Ѳедора Івановича Коченевского, а отъ него едучихъ зазвалъ къ себѣ генералъ лейтнантъ Шиповъ, у которого мы и обѣдали. А отъ его идучи, были у Сергія Івановича Бутурлина и тутъ графа Гендрикова застали, пріѣхавшого изъ Прусъ. По полднѣ въ 6-мъ часу былъ пожаръ за Яузою. У насъ былъ генералъ Шиповъ, потомъ знову мы у него и у графа Гендрикова были.

Юнь.

1. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были перво до полдни, потомъ обѣдали у Жоравки, а послѣ знову были-жъ въ дворцѣ и дожидались даже до полночи, но не могли видѣть графа Розумовского для розговоровъ. Государиня изволила проежджатся на одноколцѣ за Лафортовскій дворъ и въ саду ужинать.

2. Знову были рано въ дворцѣ и перво у духовника видѣлись съ архіереемъ костромскимъ Сильвестромъ Кулябкою, потомъ какъ государиня шествовать изволила для поезду въ милню, были у ручки; послѣ, за возвращеніемъ государини изъ милнѣ отъ Григорія Михайловича Любисткова, отъехали были въ квартеру, но тотъ часъ присланъ былъ по насъ ездовый конюхъ, зъ которымъ паки отъехали въ дворецъ и тамъ у стола государева, купно съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Розумовскимъ, да съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ и шталмейстеромъ Петромъ Спиридоновичемъ Сумароковымъ, обѣдали и при столѣ многіе о нуждахъ малороссійскихъ имѣли розговоры. Потомъ были у Жоравка, а отъ него ездили въ оперный домъ на французскую комедію.—Писалъ къ полковнику гадяцкому въ отвѣтъ на его писма чрезъ канцеляристу Кирила Лобисевича, которій съ Москви во свояси отъехалъ. За спермацети дано 10 к.

3. Куплено солоныхъ лимоновъ въ домъ 130 за 3 р. 25 к. За оправу книжки Молитовника дано 30 к. Рано были въ дворцѣ и графу кланялись, потомъ заездили до шталмейстера Сумарокова,

а послѣ полдня изволила государиня воспріять шествіе до монастыря Тройци Сергіева пѣшкомъ, а великій князь и великая княгиня рано въ тотъ-же путь отъехали. Рано-жъ съ княземъ Никитою Юревичемъ Трубецкимъ въ дворцѣ де-которіе имѣли розговоры, а вечеромъ были у генерала Івана Афанасьевича Шипова. Писалъ писмо до жены чрезъ отправляючуюся отъ графа Мойсѣя Івановича Владиславича окказію о посилки помянутихъ солоныхъ лимоновъ, которое писмо включилъ Гудовичъ до жены своей въ писмѣ-жъ. Да писали писмо інстанціалнос за швагромъ придворного полковника Кирила Стефановича Рубановского Яковомъ Холкидецкимъ до генералной старшины, въ войсковой генералной канцеляріи присутствующихъ.

4. Обѣдали у генералъ лейтнанта Івана Афанасьевича Шипова, куда пришолъ и секретарь Новоторжцовъ, потомъ и у насъ онъ-же. да брегадиръ Акѕаковъ и учитель Тройцы Сергіева монастыря отецъ іеродіаконъ Іннокентій съ Політикою были. Послѣ съ Новоторжцовымъ-же были мы у секретаря іностранной коллегіи Урила Ларіоновича Іванова. По полдни въ 5-мъ часу прибылъ Григорій Дмитріевъ изъ дому и привезъ писма и водки, и вишніовки по боченку.

5. Писалъ въ С. П. Бурхъ до маіора Василія Івановича Вайникова о покупки тамъ для мене 1) косъ съ приборомъ чухонскимъ для кошенья сѣна и хлѣба, 2) блоковъ разныхъ сортовъ, 3) виписалъ-бы, при посилки пакетъ-ботовъ, французской водки анкарокъ и штофъ ратафи, 4) о инструментахъ до содержанія регулярного саду и огороду потребныхъ, и что о доправки денегъ по облѣкгу на козаку Макару Руцкому писано отъ мене до сотника мглинского Лисаневича. Надъ вечери сздили къ архіерею костромскому Силвестру Кулябцѣ, где застали и госпожу отца духовника государини, и тамъ-же видѣлись потомъ съ архіереемъ московскимъ Платономъ Маліновскимъ.

6. Рано былъ у графа Гендрикова архіерей костромскій Кулябка, а потомъ оба они у насъ были, и мы съ тѣмъ архіереемъ, имѣющымъ на свой престолъ отъездить, простились. А графъ Гендриковъ отъехалъ съ своею фамиліею въ деревню свою Прусы. Куплено въ аптекѣ лѣкарство и плястиръ на груди, дано 45 к.

7. Чрезъ отъехавшого отселя въ домъ до Новгородка придворного лакея, Василія Васильева Христичевского, дано писмо до жены, подъ завтрешнымъ числомъ писанное, о прибытіи въ Москву Григорія Дмитріева Засулского. Парились въ банѣ въ домѣ графа Гендрикова.

8. Послѣ обѣда былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а потомъ мы у него, купно-же съ нимъ ездили до Івана Жоравки, где и ужинали съ ними и съ камеръ-юнферами, свойственницами графа Розумовского, да съ племѣнницею мадамъ Іоганны. Передъ вечеромъ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій.

9. Принесены изъ рентереи кормовые за май мѣсяцъ денги 100 р., изъ которыхъ взяли мы съ Гудовичемъ по 20 р., а осталось на росходъ 60 р. Писано представленіе въ генералную канцелярію въ Глуховъ о нарядѣ изъ ближныхъ отъ Козелця полковъ въ дворъ графскій тамошный работныхъ 300, да плотниковъ 50 человѣкъ, и оное отправлено чрезъ Статіева, бывшого писаря індуктарского, отправленного по почтѣ.

10. Въ 9 мъ часу по полуночи отъехали изъ Москвы къ воскресенскому монастырю, называемому Новый Іерусолимъ, отстоящему отъ Москви 45 верстъ и за селомъ того-жъ монастыря Черневымъ въ 1-мъ часу лошадей кормили, которые наняты были въ тотъ и обратный путь за 4 р. 25 к. Потомъ прибыли въ оный монастырь въ 7-мъ часу по полдни, где застали преосвященного Стефана Каліновского, архіепископа велико-новгородского, и архимандрита новоспаского Гавриила Кременецкого, и тамъ съ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ ужинали и въ егожъ келіяхъ ночевали.

11. Предъ службою Божіею ходили въ церквѣ великой, которая во всемъ подобная церкви Воскресенія Господня, что въ Іерусолимѣ, состроенная покойнымъ патріархомъ московскимъ и всея Россіи Никономъ, и тамъ показиваны намъ всѣ мѣста и церкви, и мѣста-жъ разновѣрныхъ христіанъ асіатицкихъ, африканскихъ и европейскихъ молбищные около гроба Господня, и около олтаря великого, и за олтаремъ, и въ землѣ за великимъ-же олтаремъ, где царицею Еленою, по показанію святого Киріака, знайденъ крестъ Господень и два разбойническіе. А обѣдни слушали на хорахъ въ

великой церкви отправованной. Тамъ-же видѣлись зъ камеръ-юнкеромъ Михайломъ Ивановичемъ Софоновымъ. Обѣдали у архимандричихъ келіахъ на горѣ съ преосвященнымъ новгородскимъ и архимандритами новоспаскимъ, савинскимъ и воскресенскимъ, и намѣстникомъ тамошнымъ Антоніемъ, да монахомъ Амвросіемъ Коссаковскимъ. Послѣ полдня преосвященный новгородскій съ помянутими архимандритами и намѣстникомъ воскресенскимъ въ Савинъ монастырь, а мы къ Москвѣ обратно отъехали и ночовали въ селѣ Черневѣ, за 25 верстъ отъ монастыря, въ дворцѣ монастырскомъ. Сего числа было обрученіе въ квартерѣ нашей въ Москвѣ покойного брегадира Андрея Николаевича Дуніна дочерѣ Анастасіи съ синомъ отставного генерала маіора Петра Алексіевича Саковнина Михаиломъ, салдатомъ гвардіи семеновского полку. Сего-жъ числа государиня изволила возвратиться съ половини дороги отъ лавры свято-Троецкой Сергіевской въ Москву.

12. Изъ села Чернева поехавъ въ началѣ 11-го часа, прибыли въ Москву въ 2-мъ часу по полудни, где насъ надъ вечери візитовалъ провіантской главной канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ.

13. Рано были въ дворцѣ и у Ѳедора Ивановича Коченевского, а послѣ обѣдни былъ у насъ Лукинъ, да надъ вечери имѣли розговоръ съ Тризною о его рѣчахъ, произнесенныхъ отъ него передъ служителми и Носенкомъ.

14. По утру мимоездомъ до дворца визитовали болного генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, потомъ были въ дворцѣ, но за продолжающеюся педогричною болѣзнію графа Розумовского не видали. Обѣдалъ у насъ Ілія Лизогубъ. Прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ съ своею фамиліею. у которого и у графини мы были. Потомъ ездили до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, но его не заставъ, заездили до монастыря донского, и тамъ перво въ болшой церквѣ, послѣ и у архимандрита тамошнего и у ректора московского коллегіума отца Іоанна Козловича были.

15. Рано едучи въ дворецъ, были у оберъ-гофъ-маршала и кавалера Дмитрія Андріевича Шепелева. Обѣдали у графа Гендрикова въ новыхъ хоромахъ. По полдни ездили до архіерея велико-

новагородского просить за протопопомъ мглинскимъ, потомъ были и у князя Алексія Дмитріевича Голицина, сенатора.

16. Будучи въ дворцѣ, заходили до духовника, где зъ откупщиками московскими, кои закупили были таможню пограничную, имѣли переговоръ. Обѣдали на бархатномъ дворѣ у Жоравки. Рано былъ у насъ куріеръ сенатскій, посиланный съ указами о саранчѣ и о запрещеніи винокуренія въ Глуховъ, которій и къ намъ привезъ писма. Надъ вечери былъ у насъ Аполлонъ Ладижинскій, сержантъ Березинскій, переводчикъ Політика и другіе.

17. Рано были у подполковника Шубского въ дворцѣ, а оттоль прибывъ въ квартеру, обѣдать были начали, но, за непотребными Гудовича розговорами о передъ симъ купленной горѣлцѣ, отъ обѣда всталъ. По полдни ездилъ до Аполлона Ладижинского, потомъ былъ и у Лукина. Для сина Василя куплено Грицкомъ нѣмецкое сѣдло со всѣмъ приборомъ за 5 р. 75 к.

18. Писано инстанціалное писмо за протопопомъ мглинскимъ Іваномъ Яновскимъ до митрополита кіевского, преосвященного Тимофея Щербацкого, которое тому-жъ протопопу, отъежджающему въ Кіевъ, вручено.

19. Обѣдали у Жоравки, а послѣ полдня ездили до князя Николая Юрьевича Трубецкого и до генерала рекетмейстера Дивова, но ни одного не застали.

20. Рано были въ дворцѣ, потомъ обѣдалъ у насъ секретарь іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ. Надъ вечери знову были въ дворцѣ и въ оперномъ домѣ на нѣмецкой комедіи.

21. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила государыня отъехать паки для шествія до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ віездомъ отклонялися ея величеству генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, да губернаторъ нинѣшный нижегородскій, князь Данило Андреевичъ Друцкой. Обѣдали мы у графа Гендрикова, а потомъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцеляристъ и принесль ко мнѣ указъ изъ генералной канцеляріи, зъ Глухова по почтѣ присланный, о строеніи мнѣ двора въ Глуховѣ по Першпективой улицѣ противъ сенатского указу.

22. Послѣ полдня былъ у насъ значковый полку кіевского Петро Подвысоцкій, отправляючійся отъ графского двора въ Малороссію, чрезъ которого наказовали въ Глуховъ до енералной стар-

шины, чтобъ насъ увѣдомили, війшолъ-ли уже изъ Полтавы генералъ Бісмаркъ, а въ Нѣжинъ къ полковнику о присилки коней 8 для Шувалова и вина для генерала Шипова. Сего-жъ числа куплено 3 чорные, а 1 сѣрый баранки бухарскіе за 6 р. Сего-жъ числа написано доношеніе въ енералную канцелярію противъ полученного вчора указу о строеніи двора въ Глуховѣ по прешпективѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ.

23. Писано писмо до Скоропадского въ Глуховъ о томъ, что по писму его даны отъ мене маіору лантміліцкихъ полковъ Глѣбову пятдесятъ рублей денегъ и о томъ отъ того маіора до полковника Челищева сообщено писмо. Да тамъ-же включенъ облѣгъ до Скоропадского, данный отъ капитана Пасинкова на 20 р., занятыхъ у мене въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, чтобъ по оному на немъ тѣ денги доправилъ и удержалъ у себе до щоту со мною. Писано писмо къ полковнику стародубскому Максимовичу о обидахъ дому моему, отъ сотника погарского Соболевского и отъ полковой старшины показуемыхъ, и оное сообщено до жены моей при писмѣ, чтобъ она, если того надобно, отослала отъ себе въ Стародубъ.

24. Писано доношеніе въ войсковую генералную канцелярію о пляцахъ Рубановскихъ, въ Глуховѣ имѣючихся,—одномъ, что былъ подъ судовнею новою, другомъ, что возлѣ канцеляристского куреня и возлѣ Полонского, да что были шесть коморъ крамныхъ, и оное доношеніе при особомъ моемъ писмѣ сообщено до писаря суда генералного Пиковця. Всѣ-же вышепоказанные доношенія и писма вручени отъежджаючому въ Глуховъ бунчуковому товарищу Стефану Карпѣкѣ, которому и пашпортъ отъ насъ на проездъ данъ былъ, но онъ, не поехавъ, вручилъ тѣ писма Петру Подвисоцкому. Обѣдали мы у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шипова съ брегадиромъ Хомяковымъ, назначеннымъ въ крѣпость св. Анны комендантомъ. А по полдни были у графа Мойсѣя Владиславича, куда пріехалъ и Богданъ Івановичъ Пассекъ съ нѣкоторымъ отставнымъ маіоромъ Дурасовымъ.

25. Ездили рано въ монастырь Новоспаскій, а по полдни до секретаря іностранной коллегіи Урила Іванова, а съ нимъ были у Новоторжцова.

26. Рано былъ у насъ пріехавшый изъ Глухова подполковникъ Алексій Константиновичъ Яблонскій и подалъ къ намъ писмо отъ

старшины генеральной. Вчора рано отосланъ пакетъ до жены моей надписанный, въ которомъ включено и полковника стародубовского Максимовича писмо, ему-жъ для подачи въ домѣ моемъ врученный. Онъ-же сего числа рано и отъехалъ изъ Москви. По полдни былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а мы были у помянутого подполковника Яблонского, въ домѣ духовниковомъ стоящого и у купца тамъ-же жиючого Прокопа Дмитріевича Пастухова.—Куплено аксамиту красного поларшина на шапку за 1 р. 60 к., да на подбой тафи голубой за 45 к., шолку за 3 к. Вечеромъ были у Іліи Лизогуба и у сержанта преображенского полку Мойсѣя Романова Березинского.

27. Рано и по обѣдѣ были у графини Гендриковой, а надъ вечери у Лукина. За пошитье шапки новой и переправку старой дано шапочнику 50 к. Обѣдали у насъ синодалный переводчикъ Політика и Свѣрскій.

28. Послѣ полдня ездили въ Перовъ и, тамъ отъужинавъ, ночью уже прибыли въ Москву.

29. Обѣдали у капитана Соловіова, а съ нами и зять ихъ новозговоренный Саковнинъ, а передъ обѣднями были у графини и у генерала лейтнанта Шипова. Обѣдни и молебня слушали въ церквѣ Харитона ісповѣдника.

30. Рано отъехавъ въ Перовъ, тамъ обѣдали и весь день пробавили, да послѣ ужина пріехали уже ночью въ Москву.

Юль.

1. Обѣдали у графини Гендриковой, а послѣ обѣда были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, потомъ Богданъ Пассекъ съ синомъ и Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Надъ вечери отъехалъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ въ путь свой къ командѣ на лінію до полковъ лантмиліцкихъ и сталъ на ночлегъ за монастыремъ Сумоновымъ по ту сторону Москви-рѣки, где и мы были у него и простились съ нимъ послѣ ужина. Рано былъ у насъ Жоравко.

2. Послѣ полдня перво были у генералши Шиповой, послѣ у графини Гендриковой и у неи-жъ ужинали. За чорный бархатъ на карпузъ дано 1 р. 6 к., за шолкъ 3 к., за пошитье того-жъ карпуза 40 к., за лѣваръ 13 к.

3. Куплены книги: Система магометанской религіи за 1 р. 65 к., Минея праздничная 75 к., Евангеліе страстное 10 к., О поливалномъ крещеніи 20 к., два буквари съ толкомъ о блаженствахъ 54 к., два елементари 20 к., о антихристѣ 30 к., о огородныхъ уборахъ картины 85 к., и того за 4 р. 59 к., да на другіе малые росходы пошло 47 к.—Надъ вечери ездили къ княю Николаю Юрьевичу Трубецкому. Писали къ старшинѣ генералной въ Глуховѣ съ посилкою указовъ о содержаніи почтъ по кіевскому тракту, и тѣ указы отправлены по почтѣ изъ сената. Въ 6-мъ часу по полдни государиня изволила прибыть въ Москву, потомъ и іхъ высочества, великій князь и великая княгиня, съ гофъ-штатами.

4. Были рано въ дворцѣ, а оттуду пріехавъ, обѣдалъ у насъ Стефанъ Карпѣка. За вишліофованье 6 бритовъ нашихъ персіанину дано 25 к. Около вечерень одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ и видѣлъ графа отъежджаючого въ оперный домъ на французскую комедію.

5. Рано были въ дворцѣ и у духовника, где были-жъ и всѣ архіереи сунодалные. Обѣдали въ квартерѣ, а по полдни знову ездили въ дворецъ и графа видѣли, но ничего съ нимъ не говорили. За перешитье шапки зимной дано шапочнику 30 к.

6. Рано принималъ графъ слабителное и для того его не видали. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ штатсъ-кантору за кормовыми денгами, но не видана ассигнація безъ докладу сенатского.

7. Сочинено писмо просителное до графа Розумовского о исходатайствованіи имъ у государини намъ отпуску съ указомъ о учрежденіи гетмана, котораго послѣ полдня видѣли, какъ государиня изволила отъежджать въ оперный домъ на комедію французскую.

8. Въ сей день празднуемый явленія іконы Богородицы казанской изволила государиня быть въ Кремлѣ и слушать въ болшомъ успенскомъ соборѣ литургіи, которую целебровалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ московскій и сѣвскій. По обѣднѣ-же государиня въ Кремлѣ-жъ, въ дворцѣ болшомъ, въ полатахъ потѣшного дому обѣдать изволила, а мы были передъ обѣдомъ у помянутого преосвященного, а отъ него пріехавъ, обѣдали въ квартерѣ своей, съ нами-же и сѣбѣрскій купецъ, недавно изъ Кіева пріехавшый, Антонъ Алексіевъ Самойловъ. Принесены изъ рентереи денги за прошедшый юль мѣсяцъ сто рублей, изъ которыхъ

взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные въ росходъ харчевый имѣютъ быть употреблены. Надъ вечери былъ у насъ Ѳедоровичъ, которому были отъ насъ о его, съ подобними ему, поносителныхъ словахъ виговори. Потомъ отошли мы до графа Гендрикова, где застали графовъ Мартина Карловича Скавронского и Андрея Михайловича Евфимовского и тамъ-же у графа Гендрикова ужинали. Вчорашного 7-го числа родилась дочь Наталія Івану Жоравцѣ въ Перовѣ.

9. Рано были у Василія Ивановича Димидова и отданы на церковь Трохъ Святителей 6 р. По полдни государиня изволила ездить до Перова для посѣщенія родившей Жоравкиной. Вечеромъ были мы у лейбкомпанца Козмы Ивановича Вайникова. Обѣдали у Лукина. Дано перепліотчику за оправу книжокъ «о поливалномъ крещеніи», «евангелій страстныхъ» и огородной 15 к.; за пошитье шапокъ служителскихъ 10 к.

10. Рано были въ дворцѣ у духовника, и чрезъ него подано прошеніе къ графу Розумовскому, написанное о гетманѣ и о отпускѣ нашемъ, которій оное ему въ церкви вручилъ. Послѣ были мы у Ѳедора Ивановича Коченевского, а по полдни знову у духовника. Потомъ были-же и у графскихъ покояхъ и давали Барановскому двѣ писми для обявленія графу: 1-е о саранчѣ, 2-е о томъ, что по требованію графскому для роботъ въ домъ его козелецкій работные люди съ 4-хъ полковъ отъ генералной канцеляріи наряжены, якое послѣдное писмо привезено къ намъ сенатскимъ курієромъ Уваровымъ. Обѣдалъ у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, и ему-жъ книги его двѣ отданы и моя одна, Лексиконъ Саваріевъ, позичена для прочитанія. Данъ отъ насъ пашпортъ для проезду къ Глухову Степану Карпѣки съ будущими при немъ. Прибылъ въ Москву швагеръ мой Іванъ Гамалія.

11. Рано ездили въ дворецъ и уже на виездѣ застали государиню, передъ которую представлялъ графъ Розумовскій Ілію Лизогуба, отъежджаючого изъ Москвы въ Малую Россію. Послѣ обѣда былъ у насъ графъ Гендриковъ и съ нимъ Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, отставный маіоръ, а вечеромъ у насъ-же былъ секретарь Урилъ Ивановъ.

12. Рано былъ у насъ Іванъ Гамалія швагеръ, а вечеромъ мы у него были на квартерѣ за Арбацкими воротами и уже смер-

комъ отъ него возвратились. Дочь его, а моя крестница Елена подарила мене шолковымъ платкомъ. Секретарь Урилъ Ивановъ прислалъ мнѣ трубку курителную фарфорную.

13. Писаны писма въ домъ до жены: 1-е противъ писма, Гамаліею мнѣ поданного, о не поездѣ еи сюда и о протчемъ, 2-е до сина Василя съ посилкою до него кулбаки нѣмецкой, тако-жъ о долгахъ его килскихъ и о конику Буцефалу; 3-е до жены-жъ о нѣкоторомъ Ѳедору Алексіеву, засаженномъ отъ нея въ секвестръ погарскій, и о Леску Ковбасѣ, что-бъ его отослала въ Глуховъ, какъ туда прибудетъ, и оные писма: 1-е, въ якомъ и двѣ книжки: букварь Настусѣ, а елементарь Івасевѣ сину включены, и 2-е чрезъ служителей Гамаліивыхъ, а 3-е чрезъ Ковбасу отпущены. Послѣ обѣдень ездили мы въ Перовъ и тамъ у Івана Жоравки обѣдали, потомъ и у жены его родившей довольно сидѣли, где и съ поруччикомъ драгунского полку Силивановымъ видѣлись, и уже послѣ вечерень оттуду возвратились. Сего числа его высочество великій князь и великая княгиня, а при ныхъ и графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, были въ подмосковской деревнѣ графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ у него кушали, а именно въ Петровскомъ.

14. Рано были у мене лейбъ-компаніи гранадеръ Козма Ивановичъ Вайниковъ, да изъ Лохвици прыбывшей тамошняго обывателя Ѳомы Грека зять, Николай Дмитріевъ, которій и писма зъ Глухова привезъ и подарилъ бочонокъ вина волоского, тютюну и 2 чубуки турецкіе. Ѳедоръ Яскевичъ знову пріехалъ въ Москву. По полдни были у Івава Алексіевича Горчакова и у него взяты 3 книжки для прочтенія.

15. Vacat. 16. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалія, а потомъ ездили съ нимъ въ Перово и тамъ были у Жоравка, где видѣлись и зъ лейбъ-компаніи гранадеромъ Артемомъ Ивановичемъ Іконниковымъ. Государиня изволила прибыть въ Москву по полдни въ 11-мъ часу.

17. Рано были въ дворцѣ у духовника, а съ нами и Гамалія. По полдни надъ вечери сидѣли у графини Гендриковой и ужинали. Въ ночѣ былъ великій пожаръ при церкви Преображенской, недалече отъ нашей квартери, где на силу другіе, близь будучіе, дворы

разные отстояли. Графъ Гендриковъ пріехалъ ночью изъ деревнѣ своей Прусъ.

18. Рано будучи въ дворцѣ, видѣлись съ Григоріемъ Александровичемъ, прибывшимъ изъ Украины, который у насъ и обѣдалъ, а потомъ знову были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли.

19. Рано были-жъ въ дворцѣ и тамъ заходили до Ѳедора Ивановича Коченевского съ Гамаліею, где видились изъ Василіемъ Ивановичемъ Демидовымъ. А по полдни былъ у насъ на квартерѣ секретарь Новоторжцовъ. Послѣ обѣда отъехать государыня изволила въ Перово для крестинъ дочери Жоравкиной.

20. Рано были у графа Гендрикова, а съ нами и Іванъ Гамалія, которій съ женою у насъ и обѣдалъ. Потомъ у насъ-же были Михайло и Іванъ Шиповы, сины генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова и канцеляристъ войсковой Прокопъ Чарнуцкій.

21. Въ 11-мъ часу ездили въ дворецъ и тамъ видѣли графа Розумовского, а въ вечеру знову тамъ-же въ дворцѣ были, и графъ сталъ говорить былъ съ нами при присутствіи графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера, потомъ отошли оба къ государынѣ.

22. Писалъ до Василія Туманского канцеллярист за канцеллярістомъ-же Прокопомъ Чарнуцкимъ, да за нимъ-же писана отъ насъ до старшины генералной, въ войсковой канцеляріи присутствующихъ, інстанція, и ему-жъ данъ пашпортъ на проездъ къ Малой Россіи. Ездилъ дворъ въ Раево.

23. Рано были въ дворцѣ, где заразъ по начатіи литургіи здѣлалъся алярмъ о пожарѣ, случившемся на Пріснѣ, дворъ царевича грузинского Бакара згорѣлъ. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, а по обѣдѣ были у него перво секретарь Новоторжцовъ, потомъ Петръ Ѳедоровичъ Бутурлинъ, и мы оттуду заездили до Новоторжцова, у которого видѣлись и изъ Петромъ Петровичемъ Курбатовымъ, а какъ оттуду поехали, то превеликая молнія и дождь были.

24. Обѣдали у графа Гендрикова ради тезоименитства дочери его Христины, и графъ былъ воспріемникомъ зъ княгинею Анною Даниловною Трубецкою. Простилъся съ нами Ілія Лизогубъ, которому и пашпортъ данъ на проездъ.

25. Нарочно званныи отъ Петра Ѳедоровича Бутурлина, отставного (*пробылъ*), обѣдали у него купно съ Іваномъ Гамаліею, а по обѣдѣ долго проседѣли при музикѣ и пѣвчихъ. Рано приходилъ Іванъ Білоровскій съ жалобою на Лизогуба, что его вчора держалъ у себе на цепѣ закованного, до которого я посилалъ Грицка и о томъ, и о отдачи мнѣ должныхъ 10 р. денегъ, но онъ, не учиня ни почему сатисфакціи, отъехалъ изъ Москви. Жена Бутурлинова Мавра Афанасіевня Соловјовыхъ (*пробылъ*). Куплено полотна 30 аршинъ, дано за оное 97¾ к., да на разные росходы мѣлкіе розышлось 92¼ к.

26. Рано были въ дворцѣ, где былъ-же и Іванъ Гамалія; мимоездомъ оттоль заежджали къ генералши Шиповой. Въ вечеру у насъ былъ Петръ Ѳедоровичъ Бутурлинъ, а прежде его графъ Гендриковъ. Въ вечеру-жъ пріехалъ съ писмами отъ асаула енералного Якубовича служитель его Семенъ.

27. По утру перво были въ дворцѣ, и понеже государиня изволила отъездить до села Алмазова, то мы сами отъехали въ Петровское до графа Кирила Григоріевича Розумовского, у которого тамъ и обѣдали, и у него тамъ-же застали Романа Ларіоновича Воронцова, князя Алексія Никитича Волконского, графа Івана Григорьевича Чернишова, Василія Онуфріевича Брилкина, да бѣлоградского лютнисту и ассесора академіи наукъ Григорія Николаевича Теплова. Послѣ обѣда зъ луковъ стрѣляли. Потомъ имѣли которые о Украинѣ розговоры съ графомъ Кириломъ Григоріевичемъ и отъехали, на пути-же встрѣтили туда-жъ едучого віце-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова. По прибытіи въ квартеру, ходили къ г. Гендрикову, а въ вечеру графиня занемогла.

28. Писали до старшины енералной въ Глуховъ чрезъ подполковника Алексія Константиновича Яблонского, где включено и отъ мене писмо до Скоропадского, писанное сего юля 23-го дня о Стефану и Івану Барановскихъ и о протчемъ, да тамъ-же приложено писмо и отъ Василія Івановича Вайникова изъ С. П. Бурха до Івана Скорупы, а съ онымъ Яблонскимъ, отъежджаючимъ въ Украину простясь, отъехали на Крутицу къ архіерею крутицкому Іларіону Григоровичу, где не заставъ оного, ходили перво по садамъ и по другимъ мѣстамъ, потомъ были у новопосвященного митрополита сибірского Силвестра Гловацкого, тамъ на Крутици

квартерою стоячого. По пріездѣ-же изъ синода архіерея крутицкого, обѣдали у него и долго забавлялись, а между тѣмъ пріехалъ туда-жъ отецъ духовникъ государини съ женою своею и съ сыномъ Захаріемъ къ митрополиту сибірскому, у котораго и мы знову побувавъ, отклонились и отъехали на свою квартеру.

29. Отклонилъся мнѣ бывшій служитель Сидоръ Гудокъ, которому велѣлъ дать 1 р. на его нужды, да ему-жъ даны сапоги, шляпа, локейскій зипунъ и передъ симъ 50 к.

30. Государиня изволила слушать обѣдни въ большой дворцовой церкви, а потомъ были у графа, а послѣ полдня ездили мы въ Перово до Жоравки и до жены его. Писано писмо въ отвѣтъ къ асаулу генералному Якубовичу чрезъ служителя его Семена.

31. Едучихъ насъ изъ дворця и отъ Полтавцова мимо дворъ оберъ-гофъ-маршала Шепелева, зазвалъ онъ къ себѣ, и у него-жъ мы обѣдали купно съ генераломъ-лейтнантомъ Родіономъ Михайловичемъ Кошелевымъ и другими. А по полдни позваны были къ графу Гендрикову, где застали сестру его Марію Симоновну Чоглокову, а потомъ туда-жъ пріехала и другая сестра его Марѳа Симоновна Софонова, послѣ и мужъ ея Михайло Ивановичъ Софоновъ, камеръ-юнкеръ, съ которымъ у него жъ графа Гендрикова мы оба и ужинали.

Августъ.

1. Рано перво были у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, которій купно съ Корфомъ камергеромъ отпущенъ въ деревнѣ на 10-ть дней. Потомъ отъехали въ село Покровское, куда послѣ прибыть и государиня изволила, и обѣдни, а потомъ водосвятія, которые архіерей новогородскій целебровалъ, слушали, и много господъ и ихъ императорскіе высочества тамъже были; а по набоженствѣ въ тамошнемъ дворцѣ и кушалъ дворъ при пушечной палбѣ. Послѣ полдня и надъ вечери были у насъ Іванъ Гамалія, да Александръ Лукинъ и поруччикъ ізмайловского полку Гаврило Ѳедоровичъ Вишневскій, лакей Пуховичъ, а потомъ пришелъ къ намъ-же камеръ-гофъ-фуріеръ Сергій Михайловичъ Нестеревъ съ капитаномъ Соловіовымъ, своимъ братомъ. Ночью

безвременно родила сина Стефана графиня Гендрикова, которій послѣ крещенія тотчасъ и умеръ.

2. Послѣ обѣднѣ ездили въ дворецъ и тамъ графа Розумовского видѣли, токмо ничего не говорилъ намъ. По полудни былъ у насъ переводчикъ синодалный Григорій Политіка, которій объ отъездѣ своемъ имѣючемъ быть въ Украину и о другомъ де о чемъ говорилъ. Мы-же посѣщали графиню болную и тутъ много было розговоровъ о женскихъ немощахъ зъ Марѳою Симоновною и съ бабкою голандкою.

3. Писали до полковника нѣжинского г. Кочубея, чтобъ сездилъ до г. Розумовскои старои, о написаніи отъ нея къ сину въ нуждахъ Малороссіи. А отъ себе писалъ въ Глуховъ до Скоропадского о сотнику волинскомъ Роману Журбѣ, и тѣ писма отпущены чрезъ Івана Полторацкого, жителя сосницкого, сей день отъежжаючого. Сего числа принесены денги изъ штатсъ-кантори кормовые 100 р. за мѣсяцъ юль, изъ которыхъ взяли себѣ по 30 р., а осталъные 40 р. отданы на росходъ Грицку. Въ банѣ милъся у графа Гендрикова.

4. Переводчикъ сунодалный Політика простилъся съ нами на отъездъ свой до Малой Россіи. Розышлось отъ 25-го юля по се число, а именно: за букварь 27 к., за два аршина ленты 34 к., паперу за 7 к., а на другіе мѣлочи 15½ к.

5. Писаны писма: 1 е до сотника козелецкого Стефана Барановского съ копіею, какъ въ его дѣлѣ писано отъ мене въ Глуховъ; 2-е въ С. П. Бурхъ до Василія Івановича Вайникова на его писмо въ отвѣтъ, стороны отдачи облѣга Макара Руцкого племѣнникамъ Ланковымъ, и сее писмо для отсилки къ нему отдано брату его Козмѣ. Віехали изъ нашей квартери на Никицкую въ дворъ графскій капитанъ Соловіовъ съ женою и съ протчими своими. Государиня отъехать изволила въ Перово.

6. По благости Божіей удостоилъся причаститись святымъ Тайнамъ на службѣ въ церквѣ всемилостивого Спаса, приходу Панкратіевского, а исповѣдь имѣлъ передъ тамошнымъ священникомъ Александромъ Григоріевичомъ. Розышлось 40 к. Изъ дворця заежджалъ къ намъ Іванъ Гамалія, которого будто звалъ къ себѣ обѣдать князь Іванъ Василіевичъ Одоевскій, а послѣ обѣда были у

насъ Александровичъ и Яскевичь и сотникъ Куликъ. Государыня изволила изъ Перова возвратится ночью въ дворецъ.

7. Рано одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ и тамъ слышалъ, что якобы передъ нѣсколко днями графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій графу Алексію Гендрикову говорилъ о насъ и о нашихъ малороссійскихъ дѣлахъ доволно. Государыня обѣдать изволила у графа Петра Ивановича Шувалова. Мы по полдни ездили въ дворецъ, а оттоль были у Івана Гамаліи, где съ секретаремъ Новоторжцовымъ и зъ бывшимъ поруччикомъ кирасирскимъ Ланцкимъ видѣлись.

8. По утру были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а послѣ обѣда были у графа Гендрикова, потомъ у насъ былъ Іванъ Гамалія.

9. Рано перво заехали до Василія Ивановича Демидова, потомъ въ 9-мъ часу были у графа Розумовского и оному доволно представляли о нуждахъ общыхъ и своихъ. По обѣдни, въ болшой церквѣ отправленной, а послѣ и въ малой, где государыня присутствовать изволила, были у духовника, тоже у Ѳедора Ивановича Коченевского, у которого и обѣдали и доволно съ нимъ розговаривали, а передъ графомъ Розумовскимъ не худо рекомендовали Новоторжцова. Александру Тихоновичу Лукину синъ Александръ родилъся. Были надъ вечери у генералши Шыповой, потомъ у графа Гендрикова, у которого и ужинали. Тайный совѣтникъ Іванъ Юрьевъ пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

10. Рано были въ дворцѣ, а по полудни былъ у насъ перво каморъ-музикантъ Василь Стефановъ, потомъ подполковникъ, пріехавшый изъ Казани, Іванъ Мойсіевичъ Ликевичь, онъ-же и Левіцкій, да Яковъ Хелкидоцкій съ своею женою, а сестрою Кирила Стефановича Рубановского, придворного полковника. Въ домъ графа Гендрикова поднимали ікону ради болѣзни жены его. Швагеръ Іванъ Гамалія переехалъ на другую квартеру. Надъ вечери ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, но не засталъ оного, отозванъ-же изъ дому въ габінетъ.

11. По утру будучи у насъ, Лукинъ обявлялъ о своемъ новорожденномъ сину, да и Іванъ Гамалія пріездилъ къ намъ. Потомъ отъехавъ мы до дворца, видѣлись тамъ съ недавно прибывшымъ

костенского монастыра[246]) архимандритомъ Карновичемъ, камордина великого князя, Стефана Евфимовича Карновича братомъ. Тамъ-же вручены копіи указовъ и проекту о конскихъ заводахъ и о ярмарку кролевецкомъ Барановскому для представленім графу. Были на новой квартерѣ у Гамаліи, потомъ у графа Гендрикова.

12. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звалъ къ себѣ въ Перово Жоравко и тамъ у него купно съ Гамаліею и его женою, такожъ съ прибывшымъ машевскимъ попомъ Помаранскимъ и попадею его[247]), обѣдали, а подъ часъ обѣда туда-жъ прибылъ Ѳедоръ Ивановичъ Кочеревскій. Послѣ обѣда ходили на качелѣ гулять и уже позно оттуду отъехали.

13. Въ дворцѣ передъ службою Божіею миропомазивана и въ церковь нашу принята дочерь бывшаго герцоха курляндского Бірона, которую въ томъ воспріймать изволила сама государиня, и оная-жъ Біроновна на службѣ Божой сообщалась святымъ тайнамъ. Мы обѣдали у Івана Гамаліи съ Сидоромъ Перфільевичемъ Денисьевымъ, потомъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ Бутурлинымъ ездили къ сестрѣ его, а женѣ ассессора конюшенной канцеляріи Поздѣева, и тамъ огороду и протчего уборства, такожъ и будинковъ его съ всякими убранствами смотрѣли. Пріехалъ въ Москву Лесевіцкій, Дубиновну за собою имѣючій.

14. Рано были у духовника, и вручена ему книжка, Василія Тредіаковского изданія, «о буквахъ русскихъ». Послѣ полдня явилъся у насъ сотникъ кролевецкій Григорій Огіевскій, пріехавшый сего числа изъ Глухова зъ челобитною о ярмарку тамошнемъ. Государиня изволила отъехать къ Александру Борисовичу Бутурлину надъ вечери и въ домѣ его ночевать.

15. Рано въ 7-мъ часу предъ полуднемъ государиня, прибывъ въ Кремль, въ болшомъ успенскомъ соборѣ изволила слушать службы Божой и святымъ тайнамъ сообщаться. По обѣднѣ была изъ пушекъ многихъ палба и при віездѣ изъ Кремля во всѣ колокола звонили. Предъ обѣдомъ были мы у графа Гендрикова, потомъ съ

---

246) Костянскій монастырь, нынѣ закрытый, находился около Почепа, откуда были родомъ Карновичи.

247) Померанскій, священникъ с. Машева, новгородъ-сѣверскаго. уѣзда, былъ женатъ на какой-то родственницѣ Разумовскихъ.

нимъ у тестя его Бутурлина; послѣ онъ-же графъ и у насъ былъ, а обѣдалъ у насъ сотникъ кролевецкій. Асаулъ енералный Яковъ Якубовичъ прибылъ съ своею ассистенціею въ Москву. Я былъ послѣ вечерень у князя Алексія Дмитріевича Голицина и тамъ засталъ отставного маіора Шеншина. Графу Гендрикову данъ смушекъ черный.

16. Передъ обѣднями были у канцлера Бестужева, где генералъ С. Ѳ. Апраксинъ обявилъ намъ о прибытіи въ Москву асаула енералного Якубовича. Потомъ слушали обѣдни въ церквѣ болшой дворцовой, и тутъ первой разъ зъ Якубовичемъ видѣлись, да съ нимъ-же ходили перво въ графскіе апартаменты, потомъ къ духовнику, у которого застали митрополита сибірского Силвестра Гловацкого и съ нимъ, сегодня въ свою епархію отъежджаючимъ, простились. Тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ прибывшимъ недавно Лесевіцкимъ, судьею полковимъ ахтирскимъ, а у духовника съ о. Василіемъ Барановичемъ, изъ С.П.Вурха прибывшимъ; тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ пріехавшимъ изъ своихъ деревень генералъ-рекетмейстеромъ Дивовымъ. Надъ вечери ездили до Якубовича мы и съ нами Іванъ Гамалія.—Въ прошлихъ числахъ розишлось денегъ, а именно: за алембикъ въ 11-ть фунтовъ съ трубкою дано 2 р. 64 к., за простиню до колдри 70 к., на другую мѣлочь 8 к. Графа Івана Симоновича Гендрикова четверолѣтная дочь Христина ночью умерла.

17. Рано были у графа Петра Івановича Шувалова и о ярмарку кролевецкомъ розговоровали. А въ дворцѣ при насъ изволила государиня отъехать по службѣ въ Перово. Обѣдалъ у насъ секретарь Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, а послѣ обѣда ездили до подполковника тверского драгунского полку Івана Мойсѣевича Ликевича и съ нимъ и съ женою его невидущою Анною, полькою, нѣсколько часовъ просидѣли. Чрезъ гранадера семеновского полку, отъ брегадира Полозова изъ Глухова присиланного, отпущены въ Глуховъ писма: 1-е подполковника Шубского до Скоропадского, 2-е подполковника Ликевича до брата его, сотника полкового нѣжинского, Левіцкого.

18. Изъ дворца заездили до Гамаліи, а вечеромъ были у Михайла Івановича Шипова, саржанта ізмаиловского полку. Вчера помянутая дочь графская погребена.

19. Званніи до Івана Гамаліи, обѣдали у него и весь день просидѣли, куда приходилъ и канцеллярист Ѳедоръ Дмитріевъ Квітніцкій, которій между протчими розговорами сказовалъ, что госу-

дариня Жоравкиной родѣлѣ[248]) пожаловала 3,000 р. и разныхъ парчей 16-ти цвѣтовъ по 40 аршинъ. Въ донскомъ монастырѣ былъ праздникъ.

20. Изволила государыня слушать обѣдни въ нѣкоторой церквѣ, называемой Всѣхъ скорбящыхъ Радости, а обѣдать на Воробіовой горѣ. Дожчь началъ ити. Мы по службѣ заехали перво къ муншенку Вожжинскому и тутъ отъ жены его Олени Ивановны трактованы кофемъ, потомъ до генералши Шиповой. Обѣдалъ у насъ съ женою своею Іванъ Гамалія и весь день пробавилъ.

21. Вечеромъ были у совѣтника коллегіи вотчинной Василія Силича Полякова и съ нимъ о межѣ малороссійской розговоръ имѣли.

22. Рано едучимъ намъ къ дворцу, явилъся въ квартерѣ нашей бывшого полковника Милорадовича синъ nothus Николай и о матерѣ своей спрашовалъ[249]). Мы обѣдали у Ѳедора Ивановича Коченевского, а при выходѣ отъ него видѣлись съ камеръ-лакеемъ Милорадовичемъ, потомъ видѣли графа Розумовского отъежджаючого на охоту съ г. Шуваловымъ. Надъ вечери пришолъ къ намъ Василъ Танскій полковникъ съ зятемъ своимъ Сименомъ Лизогубомъ и у насъ-же оба ночовали, тако-жъ и сотникъ кролевецкій.

23. Рано будучи въ дворцѣ, застали тамъ у графа Розумовского великого канцлера Бестужева, графа Кирила Григоріевича и Стефана Апраксина, при которыхъ былъ передъ графомъ Розумовскимъ подполковникъ Ликевичъ, да и къ намъ графъ виходилъ, токмо ничего не говорилъ до насъ. Тамъ-же былъ прінцъ Голштейнбекъ и Брюмеръ генералъ-маіоръ. Вечеромъ были у Александра Тихоновича Лукина.

24. Одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, зъ которымъ надъ вечери онъ-же былъ и у сенатора, князя Івана Андріевича Щербатова сторони ярмарку кро-

---

248) Родильницѣ.

249) Николай Милорадовичъ былъ сынъ отъ второй жены гадяцкаго полковника. Рѣшеніемъ генеральнаго суда 1748 г. онъ былъ признанъ незаконнорожденнымъ и всѣми имѣніями его отца упаслѣдовалъ внукъ полковника Петръ Степановичъ Милорадовичъ, бывшій въ это время камеръ-лакеемъ. См. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., т. I, стр. 493.

левецкого. Былъ у насъ и посидѣлъ не мало камеръ-лакей Милорадовичъ.

25. Рано былъ у насъ генералный асаулъ Якубовичъ съ зятемъ своимъ Ѳедоромъ Савичемъ и съ швагромъ Александромъ Дуніномъ, а отъ насъ поехалъ къ графу Гендрикову. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, где было екстраординарное собраніе міністровъ и сенаторей для нѣкоторыхъ дѣлъ, которые тамъ-же весь день пробавили. Сказовалъ Тризна, что до графа Розумовского Якубовичъ дважды былъ призиванъ. Надъ вечери былъ у насъ віце-губернаторъ бѣлагородскій Пассекъ, подполковникъ Ликевичъ и швагеръ Іванъ Гамалія.

26. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ въ болшой церквѣ, где былъ и Якубовичъ съ женою своею, съ дочерью и зятемъ прежде у графа Розумовского, послѣ въ церквѣ подходили къ ручки ихъ высочествъ. Зъ дворца заездили до Гамаліи, а обѣдалъ у насъ Якубовичъ и пробавилъ до вечеренъ, потомъ зъ зятемъ своимъ, да съ швагромъ капитаномъ Соловіовымъ, а съ ними и Тризна отъехали на Никитскую въ ихъ квартеру. Мы ужинали у графа Гендрикова.

27. Въ 10-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ въ церквѣ малой, въ старыхъ покояхъ будучой, слушали обѣдни, а въ 12-мъ часу была отпускная авдіенціа послу аглинскому, послѣ которой какъ изволила государиня возвращатись въ свои покои, то были мы у ручки ея, а послѣ обѣда въ квартерѣ нашей были Александровичъ, да Павелъ Голембіовскій и Яскевичъ, потомъ и Лукинъ. Якубовичка была передъ государинею съ своею дочерью рано.

28. По утру перво были у г. Демидова, потомъ у великого канцлера, и оныхъ по общымъ малороссійскимъ дѣламъ о ходатайство просили. Послѣ пріездили въ дворецъ, где графа Розумовского не застали: отъехалъ на охоту въ 5-мъ часу по полночи, а государиня изволила отъехать кушать на Воробіовые горы. Мы обѣдали у камеръ-фуріера Ігната Кириловича Полгавцова и у него-жъ застали брата его старшого, вчора зъ Украини пріехавшого. У насъ обѣдали: канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій и сотникъ кролевецкій, да при томъ былъ и сотникъ Куликъ. Вечеромъ были у секретаря габѣнетского Бахирева.

29. Рано приходившей къ намъ сотничцѣ яготинской Купчинской (*пробылъ*) Володковсковнѣ даны отъ мене въ займы 10 р., а Гудовичъ

ей-же далъ 5 р. Надъ вечери были перво у князя Івана Василіевича Одоевскаго и о кролевецкомъ ярмарку говорили, потомъ у Александра Борисовича Бутурлина и поздравляли его тезоименитствомъ завтрешнымъ и кавалеріею. Далъ передѣловать кезикинь, до которого на разные мѣлочи портному дано 15 к., крашенини 16 к., пуговицъ за 20 к., да на другіе росходы пошло 34 к.

30. Рано были съ поздравленіемъ у оберъ-маршала Шепелева, у віце-канцлера графа Воронцова, у Катерины Карловны Корфовой, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у дежурной графовъ Александра и Петра Ивановича Шуваловыхъ, а въ покояхъ государевихъ прихожыхъ и протчихъ кавалеровъ ордина святого Александра Невского поздравляли. Въ исходѣ 11-го часа ишли всѣ кавалери по парамъ, а за ними его высочество государь великій князь, а въ замкѣ сама государиня въ бѣломъ платьѣ съ красними камзолами и въ чолкахъ красныхъ всѣжъ кавалери, за государинею великая княгиня, прінцесса Госсенгомбурская, штатсъ дамы и другіе придворные-жъ дамы до церкви малой, внутрь покоевъ имѣючейся, и изъ церкви обратно въ покои такимъ-же порядкомъ, въ которыхъ столы заготовлены были для кавалеровъ, и тутъ они всѣ у стола государева обѣдали при пушечной палбѣ. Мы были у духовника, где архіереевъ сунодалныхъ и протчихъ застали; оттоль заездили до Гамаліи, а надъ вечери и онъ къ намъ прибывъ, проседѣлъ до позна.

31. По утру ездили до Александра Борисовича Бутурлина и просили о кролевецкомъ ярмарку, а оттоль были въ дворцѣ, где Якубовичъ допущенъ будучи передъ государиню, говорилъ рѣчь перво ставши на колѣнихъ, а кончилъ стоя. Мы обѣдали и весь день пробавили у Гамаліи. Весь-же день паче протчихъ прежныхъ силный дожчь шолъ.

Сентемврій.

1. По утру призиваны мы въ сенатъ и подали доношеніе о кролевецкомъ ярмарку самымъ сенаторамъ, которое при насъ и читано и обѣщана резюлюція. При концѣ обѣда пріехалъ до насъ Якубовичъ и, мало покушавши, сидѣлъ у насъ нѣсколко часовъ. Вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

2. По утру изволила государыня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъехать до монастыря воскресенского, называемого Новый Іерусолимъ. Писано отъ мене повторное доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію о пляцахъ Рубановскихъ, имѣвшихся подъ селитбами и подъ 6-ю коморами крамними, чтобъ оные отведены были подъ строеніе и подъ коморы между другими крамними лавками; да до Скоропадского отвѣтовалъ противъ его трохъ писемъ и къ нему-жъ сообщено писмо отъ Савы Матвѣева, къ намъ передъ симъ писанное.

3. Весь день въ квартерѣ пробыли, а въ вечеру заежджалъ къ намъ Іванъ Жоравко съ сожителницею своею Евдокіею Герасимовною.

4. Писаны писма въ домъ до жены о алябастрѣ, купленномъ и отпущенномъ въ Кролевецъ, до Скоропадского о доношеніи подъ 8-мъ числомъ въ войсковую генералную канцеллярію писанномъ, до атамана кролевецкого Зубахи стороны двора его продажного. Позичены два рубли денегъ жителю костантиновскому, полку лубенского, Павлу Афанасіеву Голюнцѣ, и на оные взятъ у него облѣгъ. За пошитье кезикина 50 к., Грицку на чоботи 22 к., за полсукенко на обшлоги 10 к., за круживо и прочее 16 к.

5. Рано были съ поздравленіемъ у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, а другихъ не застали. Обѣдни и молебствія слушали въ Чудовомъ монастырѣ. Обѣдали у графини Гендриковой ради тезоименитства дочери еи Елисавети Ивановны, которой подаренъ отъ мене платокъ шолковый. При обѣдѣ тамъ-же были кавалеръ св. Анны Аркадій Ивановичъ Бутурлинъ и сестра его вдова, да дѣти Николая Наумовича Чоглокова, Наумъ и Симонъ, съ своимъ учителемъ французомъ. Вечеромъ были мы у оберъ-секретаря сенатского Павла Василіевича Севергина. Въ воскресенскомъ монастырѣ пожаловала государыня камеръ-юнгеромъ Івана Ивановича Шувалова, числа вчорашного.

6. Ездилъ въ сенатъ и въ штатсъ-кантору одинъ Гудовичъ, а между тѣмъ былъ у насъ Якубовичъ съ зятемъ и швагромъ своимъ и поехалъ зъ нашей квартери до графа Гендрикова въ Прусы.

7. Привезены изъ рентереи денги за мѣсяцъ августъ 100 р., изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отданы на харчевый росходъ. Выданы указы изъ сената о ярмарку кролевец-

комъ—быть оному зъ 15-го октября—въ войсковую генералную канцелярію, да въ каморъ и комерцъ коллегіи. Вечеромъ были у Гамаліи, которому и челобитная поправлена о уволненіи отъ полской коммиссіи.

8. Были рано у графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ въ дворецъ ездили, а вечеромъ ездили купно съ Гамаліею къ Лукину. Сотникъ кролевецкій съ нами простилъся, которому даны отъ мене ad interim за алябастру 25 пудъ купленного по 7 к. и за отвозъ оного 4 р., да ему-жъ вручены и писма и доношеніе въ войсковую генералную канцелярію, писанные подъ 8 и 4 числами сего мѣсяця, и особое писмо до полковника нѣжинского Кочубея съ копіею руки Якубовича. Государиня изволила прибыть въ Москву и тутъ ужинать въ домѣ конюшенной канцеляріи ассесора Сергія Василъевича Поздѣева, потомъ въ дворецъ пріехать позно.

9. Послѣ обѣдень были въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, а графа Розумовского не видали. Іванъ Гамалія перейшолъ на другую квартеру въ дворъ деревяный маіора гвардіи преображенского полку, князя Александра Александровича Меншикова. Силный былъ дожчь.

10. Обѣдали у насъ полковникъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Яковъ Алексіевичъ Шубскій, да Іванъ Гамалія. Послѣ полдня изволила государиня перейти изъ Головинскихъ въ новопостроенные покои. Въ вечеру были на новой квартерѣ у Івана Гамаліи.

11. Рано были въ дворцѣ въ новыхъ покояхъ и тутъ кланялись графу Розумовскому, где видѣлись съ княземъ Ѳеодоромъ Івановичемъ Голицинымъ, которій представлялъ графу Розумовскому сина своего малолѣтного, новопожалованного въ конную гвардію капраломъ. Тамъ-же видѣли Ѳедора Мировича, бывшого въ Енисейску воеводою. Вечеромъ былъ я перво у Гамаліи и тамъ засталъ свойственицъ жены его, потомъ у графа Гендрикова, где засталъ Якубовича съ женою, зятемъ и дочкою, которые тамъ-же и вечеряли.

12. Передъ обѣдомъ ездили въ дворецъ, токмо не застали графа Розумовского,—ездилъ за государинею за 12 верстъ, а по полдни ездили мы оба и съ нами Гамалія до князя Н. Юр. Трубецкого, съ которымъ изъ окказіи сторони саранчи говорили, чтобъ

поудержано винокуреніе еще чрезъ годъ и устроени-бъ магайзены для наполненія хлѣбомъ ради скудного народа. Тако-жъ говорили о кролевецкомъ ярмарку и о дѣлѣ поченціовъ, а возвратясь сидѣли нѣсколько часовъ у Гамаліи.

13. Сей ночи прибыли въ Москву и въ дворцѣ графскомъ стали сестра графская Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ, да дядя его Денисъ Демешко, сватъ канцлеровъ и Василь Лизогубъ. Мы перво были у канцлера и допущены были-жъ къ нему; потомъ заездили въ дворецъ, а оттуду были въ Перовѣ и тамъ у Жоравки обѣдали, где жена его подарила дѣтямъ моимъ 3 цвѣтки китайскихъ. А оттоль заездили въ домъ графскій бархатный и тутъ съ пріежжими видѣлись; мимоездомъ-же были у Івана Андріяновича Возжинского. Сего-жъ числа писалъ до жены и до сина Василя чрезъ людей графа Мойсѣя въ Стародубъ отправленныхъ.

14. Были въ дворцѣ на обѣднѣ въ малой церквѣ государыня и іхъ императорскіе высочества. Мы видѣлись съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Коченевскимъ, которій говорилъ намъ о поданномъ въ генералную канцеллярію доношеніи на полковника чернѣговского Божича о произвожденной пушечной палбѣ во время священія церкви въ монастырѣ рихловскомъ отъ урядниковъ генералной артилеріи.

15. Писано отъ насъ до генералной старшины, въ канцелляріи генералной присутствующей, сторони оного на Божича доношенія, по требованію Ѳедора Ивановича Коченевского. Мились въ банѣ на квартерѣ Івана Гамаліи и у него-жъ сидѣли до позна, где пріездилъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ.

16. Заплачено за синелѣ разныхъ цвѣтовъ 3 руб. 25 коп., за чайникъ мѣдный 1 р. 30 к. Въ дворецъ ездилъ одинъ Гудовичъ и тамъ обѣдалъ у Ѳ. І. Коченевского, а по службѣ Божой государыня изволила отъехать въ Тайницкое. Вечеромъ сидѣли мы у Гамаліи, которому подаренъ отъ мене камушокъ одинъ на печатку, а другій ему-жъ данъ для вирѣзанья моего гербу. У Якубовича кушалъ графъ К. Г. Розумовскій.

17. Рано ездили до адмірала князя Михайла Михайловича Голицина сенатора, потомъ до именинници Вѣры Григоріевны, у которой и обѣдали купно съ Жоравкомъ и его женою, да зъ судею ахтирскимъ и его женою, зъ племѣнниками графскими и съ прот-

чими нашими. А передъ обѣдомъ виправили обратно въ Малую Россію Дениса Демешка, пріездившого сюда, которому государиня пожаловала 3,000 р., и чрезъ него отпущено наше писмо до старшины генералной, подъ 15-мъ числомъ писанное. Графъ Гендриковъ съ графинею былъ на вечеринцѣ у Якубовича, а мы были у Гамаліи, где Горчакова и нѣкоторого подполковника Пушкина застали.

18. По утру былъ у насъ архимандритъ костинскій Карновичъ, которій у насъ-же и обѣдалъ. А по полдни были мы у графа Гендрикова и тамъ-же вечеряли.

19. Обѣдалъ у насъ и доволно просидѣлъ Василій Лизогубъ, а по полдни были у Лукина и до вечера просидѣли съ Горчаковымъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ рано до великого князя въ Раево съ охотою псовою.

20. Ужинали у графа Гендрикова.

21. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ обѣдали у графа Гендрикова, а послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ я зъ графомъ Гендриковымъ въ село его Прусы и туда прибыли въ 8-мъ часу.

22. Графиня съ тіоткою своею Анною Івановною и съ протчими отъехали изъ Прусъ въ 12-мъ часу до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ вечеромъ пріездилъ въ Прусы до графа сосѣдственный помѣщикъ Ѳедоръ Ивановичъ Карамишевъ, съ двома своими синами, Николаемъ и Василіемъ, и тамъ-же ужинали. Сины г. Скоропадского изъ чужыхъ краевъ прибыли въ Глуховъ.

23. Попъ изъ села того-жъ Карамишева служилъ обѣдню въ церквѣ въ Прусахъ и тамъ-же обѣдали у графа оный-же Карамишевъ съ синами и невѣсткою своею, умершого Івана Петровича Толстого дочерью. Отъехали мы на охоту и, затровивъ 2-хъ зайцовъ, ночовали въ деревнѣ монастыря Троецкого Сергіевского Протасовѣ.

24. Въ 8-мъ часу по полуночи поехавъ мы на охоту, ездили до 4-го часу по полдни и затровили 3-хъ зайцовъ; потомъ обѣдали, а по обѣдѣ забавлялись стрелбою голубовъ и въ той-же деревнѣ ночовали.

25. Рано пріѣхалъ туда-жъ нѣкоторій старикъ помѣщикъ Михайло Григорьевичъ Собакинъ съ своею псовою охотою, изъ которымъ поехавъ графъ и мы, цѣлій день тровили въ мѣстахъ раз-

ныхъ зайцовъ, въ томъ числѣ и около села Марфиной, где преславный дворъ покойного графа Семена Андревича Солтикова съ многими изрядними строеніами видѣли, а вечеромъ прибыли въ Прусы, и тутъ ночевалъ я въ кибѣтки.

26. Писалъ я къ Гудовичу съ посилкою зайця одного и 6 голубовъ застреленыхъ, а до Грицка о присилки нѣкоихъ потребностей. Графъ рано отправилъ часть своей охоты зъ охотниками въ Раево до его высочества государя великого князя. Потомъ обѣдали мы и въ бани мились у Карамишева.

27. Графъ отъехалъ рано на охоту до Собакина и уже вечеромъ оттоля прибылъ, а я, за бывшимъ тогда великимъ морозомъ, не ездилъ. Того-жъ числа и крупа снѣжная випала была. Ночью сонъ трижды одинъ видѣлься.

28. По полдни въ 3-мъ часу поехалъ я изъ Прусъ и какъ пріежжалъ къ селу Тайницкому, где дворецъ изрядный государевъ и церковь огромная каменная, для бытія тамъ государини випалено изъ 51 пушки. Прибылъ-же я въ Москву 6-го часа.

29. Ездили въ дворецъ и были тамъ у Ѳедора Ивановича Коченевского, потомъ писали писма въ Глуховъ до Скоропадского и Валкевича о полской комміссіи, да до полковника нѣжинского Кочубея чрезъ служителя его, туда отъежжаючого. Въ 4-мъ часу по полдни прибыла государиня въ дворецъ къ Москвѣ, а ночью переведена туда-жъ Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ.

30. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Вѣры Григоріевны и мужа еи на новосѣльѣ въ тихъ дворцовыхъ покояхъ, где прежде живалъ графъ Алексей Григоріевичъ Розумовскій. Потомъ отъехали на свою квартеру и тутъ у насъ обѣдали Иванъ Гамалія съ женою. А надъ вечери пріехалъ графъ Гендриковъ изъ Прусъ, у которого мы были и ужинали.—Росплатка учинена по порахунку зъ Грицкомъ: за 6 аршинъ бѣло... на юпку 2 р. 40 к., за пошитье оной 30 к., за перешитье черкески 40 к. Остапу кравцю. На разные дробные росходы—1 р. 8¼ к.

Октоврій.

1. Рано были у сенатора и генерала аншефа Василія Ивановича Левашова. Потомъ отъехали въ дворецъ, где въ исходѣ 11-го

часа государыня изволила отъехать въ свое село Покровское и тамъ службы Божой слушать и обѣдать, а его імператорское высочество слушалъ обѣдни въ малой дворцовой церквѣ, послѣ-же и у ручки его были. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, куда по обѣдѣ пріездилъ и Якубовичъ съ Василемъ Лизогубомъ; потомъ въ вечеру были мы съ Гамаліею-жъ и Лизогубомъ у графа Гендрикова.

2. По утру были въ дворцѣ, где представлялъ графу Розумовскому атамана донского Данила Ефремова генералъ Апраксинъ, которій атаманъ подарилъ графу яничарку и сосудъ турецкій и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. Я обѣдалъ у Івана Гамаліи и тамъ же до вечера просидѣлъ. За вирѣзанье печатки съ моимъ гербомъ на каменѣ серделіку заплатилъ 3 р.

3. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звали къ себѣ Евфимъ Ѳедоровичъ Дараганъ и Вѣра Григоріевна, у которыхъ мы и обѣдали, где по обѣдѣ къ нимъ-же приходилъ и подполковникъ Ликевичъ; а между обѣдомъ говорилъ мнѣ тотъ-же Дараганъ, что вчорашнего числа, какъ онъ былъ съ женою своею у стола государини, то ея величество между протчими и мою жену милостиво поминать изволила.

4. По утру въ началѣ 10-го часа предъ полуднемъ были мы у графа Розумовского и зъ онимъ довольно о гетманствѣ разговоровали, потомъ, у него-жъ будучи, и духовникъ о томъ-же ему говорилъ, а зъ дворца заездили на бархатный дворъ и тутъ у Жоравки и у Лясевіцкого, судіи ахтирского, были. Было погребеніе въ Чудовомъ монастирѣ въ Кремлѣ сенатору, оберъ шталмейстеру и кавалеру, князю Александру Борисовичу Куракину, которій, долговременно хоровавши, преставилъся сего октоврія 2-го числа рано. Писаны отъ мене писма: 1-е до полковника чернѣговского Божича, другое до асаула енералного Валкевича въ отвѣтъ противъ ихъ до мене писемъ, и оные въ пакетъ къ Скоропадскому, при писмѣ отъ насъ обоихъ, стороны 8 коней и бочки вина красного волоского писанномъ, включены.

5. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Ѳедору Данилевскому съ товарищы, которые отпущены изъ сената въ Глуховъ съ переписанными книгами генералного слѣдствія о маетностяхъ и съ копіями сенатскихъ указовъ разныхъ годовъ, кои во время прошлогодского пожару въ Глуховѣ погорѣли подлинные, и

оные-жъ канцеляристи съ нами простились. Я одинъ обѣдалъ у Івана Гамаліи, а потомъ оба были у графа Мойсѣя Владиславича и у Александра Тихоновича Лукина. За полтрети аршина красного свистуна до попелятого кунтуша на лиштвы заплачено 2 р. 75 к.

6. Привезлъ Гудовичъ изъ рентереи денегъ 100 р. кормовыхъ за септеврій мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отдаватимутся Кохановскому на повседневный росходъ. Салдатъ Калугинъ явилъся у насъ, прибывшій изъ Глухова до дворця съ дрохвами. Во время обѣда костка вьязла была въ горлѣ. Послѣ полдня ездили въ дворецъ, а оттоль были на комедіи въ оперномъ домѣ.

7. Пришла вѣдомость до генералши Катерины Івановны Шиповой, что сожитель еи, генералъ-лейтнантъ и кавалеръ, Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ прошлого сентября 29-го преставилъся на линіи, у которой генералши мы были, и что оная нечаянно заболѣла, для того кровь ей пущана. Рано были у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у графа К. Г. Розумовского, потомъ обѣдали въ домѣ, а вечеромъ у Івана Гамаліи сидѣли.

8. По утру были у графа Гендрикова и у графа Петра Івановича Шувалова, которому и писмо къ намъ съ Глухова о имѣючихся прислати 8 коняхъ показовали. По обѣднѣ, слушанной въ дворцѣ, были съ протчими у ручки государини, потомъ у графа Розумовского, где при бытности нашей данъ портретъ на синіой лентѣ атаману донскому Данилу Ефремову. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны съ протчими. По полдни въ 5-ть часовъ былъ сездъ на свадбу въ домъ покойного Александра Львовича Наришкина, которого синъ Александръ камеръ-геръ женилъся на дочерѣ-генерала-маіора Никиты Івановича Румянцова, Аннѣ, где государиня со всѣмъ дворомъ своимъ присутствовать изволила и уже въ 3-мъ часу по полуночи розехалися. Графъ Іванъ Григорьевичъ Чернишовъ пожалованъ камеръ-юнгеромъ и съ нимъ обручена фрейлина Евфимовская. Въ вечеру были у насъ: подполковникъ Ликевичъ и Іванъ Гамалія, потомъ пришолъ Стефанъ Лукомскій пяный и много болталъ де чого и на силу збули его, отшедшого пѣшкомъ съ нашимъ служителемъ. Да были-жъ у вдовы генералши Шиповой мимоездомъ изъ дворця. Сего-жъ числа женилъся князя Ѳедора Івановича Голицина синъ на племенницѣ Шуваловыхъ.

9. Даны Грицку 4 р. на сосуды мѣдные, для швагра Ѳедора Корецкого дѣланные. Рано были въ дворцѣ и просили Александра Петровича Сумарокова о докладѣ, чтобъ Івана Гамаліи зъ квартери не висилано. Я обѣдалъ у Гамаліи, а вечеромъ были у насъ Горчаковъ и Лукинъ съ Гамаліею.

10. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевни, а потомъ были у графа Гендрикова, которій обѣдалъ у тіотки своей графини Скавронской, а оттоль пріехавъ, удержалъ меня на ужинъ. Гудовичъ-же ездилъ въ дворецъ одинъ для взятія позволенія графу Гендрикову ехать на три недели въ суждалскіе его деревни. Гамалія перешолъ на другую квартеру.

11. Писаны писма одно къ бунчуковому товарищу Григорію Богдановичу съ включеннымъ въ оное указомъ по дѣлу его съ умершымъ подполковникомъ Роде, изъ военной коллегіи до генерала губернатора кіевского Леонтіева писаннымъ и съ копіею о томъ же приговора; другое до Василія Туманского, за старшого канцеллярыста въ генералной канцелляріи правящого, объ отсилки того моего къ Богдановичу съ указомъ писма. Обѣдали мы съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ у Вѣри Григоріевны, а при томъ были мужъ еи, до Жоравко и Лясавіцкій съ женою своею Дубіновною и весь день тамъ просидѣли. Въ вечеру-же былъ тамъ графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ и скоро отойшолъ. Потомъ-же и мы съ графомъ прибыли въ свою квартеру, где доволный имѣли розговоръ съ Тризною о депутатствѣ, въ которое и прежде не былъ онъ опредѣленъ.

12. Писано писмо до сотника глуховского Демяна Турянского объ отводѣ на шестъ лавокъ крамныхъ и за двѣ дворовые земли мѣстъ противъ посланного отъ мене въ войсковую генералную канцеллярію прошлого юня 24-го дня доношенія, изъ которого тамъ-же сообщена копія, и оное писмо, такъ-же и вчора писанные, вручены солдату глуховского гарнизонного полку Калугину, которому и на дорогу дано 10 к. По утру ездилъ одинъ Гудовичъ до дворця, а я въ квартирѣ былъ, вечеромъ-же оба были у Івана Гамаліи на новой его квартерѣ въ Бѣломъ городѣ. Куплено до шубы крашенины бѣлой 10 аршинъ за 40 к., до юпки полотна 5 аршинъ за 22¾ к., полфунта бавовны за 17¾ к., Івану Рудому на чоботы пришвы

20 к. Грицко издержалъ моихъ денегъ на виправу указу по дѣлу бунчукового товарища Григорія Богдановича изъ военной коллегіи 1 р. 80 к. Изъ сего числа противъ

13. Ночью родилъся синъ Алексій судіи полковому ахтирскому Константину Алексіевичу Лясавіцкому. Вчорашного числа генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шипова жена Ѳеодосія Ивановна преставилась послѣ рожденія того-жъ числа дочери. Едучимъ намъ изъ дворця обявилъ поруччикъ гвардіи ізмайловского полку Гаврило Ѳедоровичъ Вишневскій, что пожаловала его государыня полковникомъ. Послѣ полудня были у насъ полковникъ Василь Танскій и Іванъ Гамалія. Писано отъ насъ отвѣтное писмо до преосвященного Платона Петрункевича, епископа владимерского, сторони брата его, въ Сосницѣ жителствующого. Синъ есаула генералного Якубовича Александръ, пажъ, прибылъ изъ С.-П-бурха въ Москву. Подполковникъ Іванъ Мойсіевичъ Ликевичъ представлялъ жену свою невидящую государинѣ. Снѣгъ болшій випалъ и здѣлалъся зимный путь.

14. Умершая жена генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова Ѳеодосія Ивановна, зъ дому Сенявиныхъ, погребена въ монастырѣ Златоустовскомъ, на которомъ погребеніи и мы были. Службу Божію служилъ и погребалъ пресвященный Платонъ Маліновскій, московскій архіепископъ; присутствовали при томъ многіе изъ знатныхъ мужеска и женска полу, въ томъ числѣ генералъ лейтнантъ, бывшій генералъ провіантъ-мейстеръ Шереметевъ и Іванъ Якимовичъ Синявинъ. Въ вечеру были на бархатномъ дворѣ и поздравляли Лясавіцкого и жену его новорожденнымъ синомъ, где была-жъ Віра Григоріевна и полковникъ Коченевскій.

15. Рано были у графа Гендрикова, которій, по позволенію отъ двора данному, отъехалъ въ далные свои деревни до 1-го ноября. Мы обѣдни слушали въ дворцѣ и были у графа Розумовского, потомъ у зятя его, именинника, Евфима Ѳедоровича Дарагана обѣдали, а по обѣдѣ мимоездомъ были у генералши Шиповой вдовы. Въ вечеру-же поздно ездили до Лукина и тамъ съ княземъ Юсуповымъ, отставнымъ гвардіи капитаномъ, седѣли.

16. Въ 11-мъ часу передъ полуднемъ призивано насъ въ сенатъ и тутъ объявлено, что нѣкоторые бѣглые раскольщики подали челобитную, чтобъ имъ позволено селиться на той сторонѣ Днѣпра

у городка, такъ называемаго Крукова (около Кременчуга), при которомъ будто имѣются земли пустые. Но мы противъ того спорили, предлагая между протчимъ, что нашимъ людямъ и отъ тѣхъ расколщиковъ, кои поселены въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, многіе чинятся обиды. Потомъ изъ сената отъехали мы до секретаря Новоторжцова и тутъ у него имѣли о тѣхъ-же расколщикахъ и о почепцяхъ розговоръ. Послѣ полдня ездилъ я до генерала рекетмейстера Дивова зъ Гамаліею и просилъ его какъ о его, такъ и о своемъ дѣлѣ, потомъ заездилъ и до Гамаліи. Сигнетъ (печать) зъ моимъ гербомъ отдѣлалъ майстеръ молодый Бібо. Указъ именный подписанъ о отправленіе графа Гендрикова въ Малую Россію для избранія гетмана.

17. Сочиненное доношеніе въ сенатъ о неотводѣ малороссійскихъ земель подъ великороссійскихъ бѣглецовъ и ни подъ кого подано Гудовичемъ въ сенатѣ и принято къ дѣлу. Секретарь Новоторжцовъ обѣдалъ у насъ, а вечеромъ у насъ-же былъ Гамалія.

18. Рано были въ дворцѣ передъ графомъ Розумовскимъ, которій обявилъ намъ о скорой отправѣ въ Малую Россію графа Гендрикова для избранія гетмана, о чемъ сего-жъ числа посланы именные указы: одинъ въ сенатъ, другій въ коллегію іностранную, и о переносѣ изъ сената въ ту коллегію всѣхъ дѣлъ малороссійскихъ. По полднѣ были перво у князя Никиты Юрьевича Трубецкого, потомъ у секретаря Новоторжцова, и они тако-же о вышеписанныхъ указахъ намъ обявили. Лошади, вчора изъ Глухова приведенные чрезъ 4 компанѣйцовъ, вороные осмь отведены къ графу Петру Івановичу Шувалову.

19. По утру ездили до гряфа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, и оного просили о скоромъ отправленіи міністра для избранія гетмана въ силѣ именного указу и о протчемъ розговоръ имѣли. Потомъ были у духовника и о томъ-же указѣ обявляли. Обѣдали у насъ Антонъ Милорадовичъ, полковникъ Василь Танскій, да Зеленскій и другіе, а потомъ былъ у насъ-же Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Ликевичъ, а въ вечеру пріездила графиня Гендрикова Катерина Сергіевна съ сестрою своею Анною Сергіевною. Былъ тако-же у насъ и Александровичъ. Рано послана отъ мене Александра Тихоновича Лукина сину малому Петру малая табакерка срѣбрная и платокъ

шолковый за присланную именемъ его передъ симъ ко мнѣ чайницю срѣбрную, въ которой вѣсу 47¾ золотника.

20. Рано были у графа и благодарили за ходатайство и о протчихъ нуждахъ говорили. Потомъ заходили въ дежурную до г Шувалова и цену за 8 коней обявили. Обѣдали у Гамаліи, а отъ него поехали до графа Кирила Григорьевича Розумовского, оттуду-же заездили до преосвященного псковского Симона Тодорского въ петровскій монастырь.

21. По утру были у графа Кирила Григорьевича Розумовского и съ нимъ, а послѣ купно и съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ, доволный о нуждахъ нашихъ малороссійскихъ розговоръ имѣли. Писаны и отправлены писма чрезъ 3-хъ компанѣйцовъ въ Глуховъ до старшины генералной всей, съ сообщеніемъ копіи именного указа о избраніи гетмана и сенатского опредѣленія; другое— о присланныхъ 8 коняхъ для г. Шувалова, а отъ мене писано до Скоропадского объ отправленіи писма до жены моей, где включено писмо и отъ Гудовича до его жены. Государиня ужинала у Романа Ларіоновича Воронцова. Вечеромъ были у Лукина, потомъ у габінетского сокретаря Якова Ісаевича Бахирева. За одну дюжину ножовъ неоправныхъ дано 2 р. 50 к.

22. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ по обѣдни у ручки іхъ высочествъ. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, по обѣдѣ заехали до подполковника Ликевича, у которого до 8-го часа проседѣли.

23. По утру были у сина великого канцлера графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина, которого застали болного, потомъ заездили до канцлера и во дворецъ; послѣ отъехали къ преосвященному псковскому Симону Тодорскому и у него обѣдали. Вечеромъ были у насъ подполковникъ Ликевичъ, Гамалія и Горчаковъ. Привели назадъ конѣ рано отъ графа Шувалова.

24. По прибытіи нашемъ въ дворецъ рано откланялъся государинѣ асаулъ генералный Якубовичъ съ женою своею и зятемъ. Потомъ были мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а обѣдали у графини Гендриковой съ графинею Маріею Ивановною Скавронскою, архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ и бывшимъ економомъ невского монастыря. Вечеромъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ и Дерюжкинъ. Писано отъ насъ писмо до графа Івана

Симоновича Гендрикова съ объявленіемъ состоявшогося именного указу, присланного въ сенатъ сего октоврія 18-го, объ отправѣ его въ Малую Россію для избранія гетмана и чтобъ изволилъ пріездить въ Москву безотлагательно.

25. Оное писмо отослано къ графинѣ Катеринѣ Сергіевнѣ Гендриковой для отсилки къ графу туда, гдѣ онъ нинѣ обрѣтается. Въ 10-мъ часу передъ полуднемъ были у ассесора академіи Григорія Николаевича Теплова и ему-жъ вручены отъ насъ 2 копіи грамотъ гетману Хмелницкому на права и волности, другой—шляхтѣ малороссійской, да 2 Петра Великого на избраніе гетмана Скоропадского и на урядъ ему данныхъ; тако-жъ копія прошенія нашего о бытіи въ Батуринѣ резиденціи по прежнему, государинѣ въ С.П. Бурхѣ поданного, и меморіалу здесь, въ Москвѣ, о дѣлахъ малороссійскихъ графу Розумовскому сообщенного; такожъ списокъ пактъ гадяцкихъ. Тотъ-же Тепловъ сказывалъ намъ, что въ недавныхъ числахъ въ С.-П.-Бурхѣ сгорѣлъ совсѣмъ оперный домъ.

26. Рано были перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева и поздравляли его тезоименитствомъ, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина и въ дворцѣ обѣдни слушали. Послѣ обѣдни ездили на квартиру къ Якубовичу и тамъ съ женою его и съ протчими простились. Сего числа даны отъ воѣнной коллегіи двомъ яицкихъ козаковъ старшинамъ золотые о коронаціи государыни медаллы не малые для ношенья на шеи на красной лентѣ.

27. Были въ дворцѣ у духовника, потомъ на бархатномъ дворѣ у Василя Лизогуба обѣдали, а Жоравко съ женою и Вѣра Григоріевна обѣдали у переславского архіерея Арсенія Могилеанскаго. Пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ Михайло Новоторжцовъ.

28. Рано были у Теплова, а вечеромъ у Михайла Ів. Новоторжцова, которій вчора пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ въ иностранную коллегію, и у него-жъ при насъ были Петръ Курбатовъ и Урилъ Ларіоновичъ Ивановъ, секретари той же коллегіи, да Урилъ у насъ и обѣдалъ. Вечеромъ до поздна у насъ-же сидѣлъ Гамалія.

29. По обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у Вѣри Григоріевны съ многими нашими, а по обѣдѣ заездилъ къ намъ подполковникъ Ликевичъ и доволно у насъ проседѣвъ, отъехалъ въ дворецъ на куртакъ. Тамъ-же въ дворцѣ по обѣдни видѣли мы по-

мянутую старшину яицкую съ медаллами на шіи. Зговорена дочь графа Александра Івановича Шувалова за Головкина камергера.

30. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского, но оного не застали, токмо съ Тепловымъ видѣлись и ему сочиненіе о титулѣ вручено. Надъ вечери ездили до Івана Гамаліи, куда пріездилъ и Лукинъ. Ночью прибылъ графъ Гендриковъ въ домъ свой.

31. По утру были у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, у которого взялъ и денегъ 100 р.; а чтобъ оные отдалъ Скоропадскій, о томъ къ нему писалъ я чрезъ Ілью Навроцкого, отправляючогось въ Украину отъ Коченевского. Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ у ихъ высочествъ была и кушали у стола ихъ собственного. У насъ обѣдалъ подполковникъ Ликевичъ, потомъ мы отошли къ графу Гендрикову и у него сидѣли до позна и ужинали.

Ноеврій.

1. Писаны писма: 1-е въ Глуховъ до старшины генералной о обидахъ короповцямъ (жителямъ г. Коропа) и другимъ подданымъ артилерійскимъ, отъ урядниковъ генералной артилеріи чинячихъся; 2-е отъ себе до Романа Журбы, сотника волинского, чтобъ онъ сотнянъ своихъ не обижалъ, да изъ Стефаномъ Петрункевичемъ, канцеллярістомъ войсковымъ, помирился-бъ и жилъ спокойно, которій у насъ съ Ярошевичемъ и обѣдалъ.

2. Рано я былъ одинъ съ графомъ Гендриковымъ у віце-канцлера Воронцова, потомъ въ дворцѣ у Василія Івановича Чолкова, а обѣдали онъ, графъ и я у Вѣры Григоріевни съ мужемъ еи и съ женою ротмистра Чуфаровского и уже позно оттуду приехалъ въ квартеру, а Гудовичъ обѣдалъ и ужиналъ у графа Гендрикова съ графинею. Государыня изволила быть сей день у графа Кирила Григоріевича Разумовского.

3. Куплены завойковые 3 футри для Скоропадского за 82 р. 50 к., да двѣ чемровые за 22 р., а для сина моего Василя одно завойковое за 27 р. 50 к. Для него-жъ три пари башмаковъ за 1 р. 50 к., сапоги 1 р. 30 к., двѣ пари туфлей чорныхъ 50 к., шесть паръ черевиковъ дамскихъ матеріалныхъ (шелковыхъ) по 40 к.—чинитъ 2 р. 40 к.; шесть паръ туфліовъ дамскихъ-же за

89 к., сапожки для сина Івана 35 к., для его туфли 17 к., башмаки 25 к., шнурка золотого за 22½ к., за футлярикъ на зубочистку 12 к., на розные дробязки розишлось 12 к. Сотнику полтавского полку Семену Кулику позичены 10 р. и взятъ у него облѣгъ. Писано отъ мене писмо до Скоропадского за канцеляристомъ Лисянскимъ, чтобъ его повѣтчикомъ стародубскимъ опредѣлено. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за октябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли оба по 20 р., а осталные 60 въ росходъ держатимутся.

4. Писано писмо до Скоропадского о покупленныхъ вчора футрахъ лисѣхъ, которые и оное писмо вручено Івану Обтовскому, имѣющему отъездить въ Украину. Рано были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а прежде у Теплова, где и маіора гвардіи Василія Александровича Нащокина о Михайлу и Григорію Шиповыхъ просили Вѣра Григеріевна съ мужемъ и Лизогубъ съ дочерю, да и мы съ ними; обѣдали у графа Гендрикова и вечеряли мы.

5. Рано были перво у графа Гендрикова, потомъ у віце-канцлера, которій намъ говорилъ о доношеніи отъ насъ въ сенатъ поданномъ, чтобъ расколниковъ не селить на нашыхъ земляхъ, послѣ у канцлера, где насъ поздравлялъ Апраксинъ переселеніемъ въ іностранную коллегію. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ и послѣ были у графа Розумовского, обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ были у Гамаліи и съ нимъ на балѣ и куртакѣ въ дворцѣ.

6. По утру въ 10-мъ часу были у графа Розумовского и съ нимъ говорили о Батуринѣ и другихъ на гетмана надлежащыхъ маетностяхъ, о конскихъ заводахъ и о протчемъ; потомъ просилъ я его и о своемъ дѣлѣ. Послѣ обѣда былъ у насъ Лукинъ, да камеръ-лакей Милорадовичъ съ братомъ своимъ и Іванъ Гамалія, а Гудовичъ у графа Гендрикова и тамъ-же вечерялъ.

7. Рано былъ у Гудовича Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ, потомъ Гудовичъ ездилъ одинъ перво въ коллегію иностранную, потомъ до графа Кирила Григоріевича Розумовского и у него въ домѣ съ графинею и съ Тепловымъ обѣдалъ, а я весь день въ квартерѣ пробылъ.

8. Написанное писмо до надворного совѣтника Михайла Ивановича Новоторжцова съ поздравленіемъ его тезоименитства нынѣш-

него отослано къ нему чрезъ Григорія и при томъ фляшечку срѣбрную, отъ Лукина мнѣ подаренную.

9. Званы нарочно отъ Новоторжцова, обѣдали у него съ дѣйствителнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Ивановичемъ Демидовымъ, женою его и зятемъ Ильею Михайловичемъ Радванскимъ, шляхтичемъ смоленскимъ и его-жъ женою, а дочерью Демидова, да съ президентомъ берг-коллегіи Антономъ Ѳедоровичемъ Томиловымъ и другими гостми и до позна у него проседѣли. Николай Тризна изъ нашей квартери переѣхалъ на другую въ дворъ бархатный.

10. Рано были у канцлера и просили его какъ стороны Батурина, такъ и объ отправѣ нашей, которій велѣлъ намъ дать себѣ копію прошенія нашего о Батуринѣ, въ С.-П.-Бурхѣ государынѣ поданного 1748 г. сентября 28-го дня. А оттоль заездили въ дворецъ и говорили Барановскому о припоминаніи графу Розумовскому о дѣлахъ осталныхъ и о нашей-же отправѣ. Потомъ были у Жоравка, а вечеромъ сидѣли у графа Гендрикова до позна. Въ вечеру позичены Івану Гамаліи 100 р. денегъ Скоропадского, взятыхъ за конѣ, которые приняла у мене жена его.

11. Были знову у канцлера и подали помянутого о Батуринѣ прошенія копію чрезъ секретаря Дмитрія Василіевича Волкова, которій отъ канцлера приказовалъ намъ о протчихъ дѣлахъ малороссійскихъ, изъ сената въ габинетъ докладами взнесенныхъ, написать доношеніе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Сего-жъ числа рано прибылъ изъ Глухова по почтѣ слуга Валкевичовъ съ писмами до насъ и съ нѣкоторыми доношеніями въ сенатъ, съ промеморіею въ провіантскую канцелярію и съ двома писмами до канцлера и віцеканцлера. Позичилъ я у Івана Жоравки и у жены его 300 р. денегъ и на оные далъ имъ отъ мене подъ 23-мъ числомъ облѣгъ сего мѣсяця. Обѣдали мы у подполковника Івана Мойсѣевича Лікевича и до вечера съ нимъ и съ женою его просидѣли.

12. Обѣдни слушали въ дворцѣ и съ протчими были допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, гдѣ обѣдали-же и юстицъ-коллегіи (*пробылъ*) Количовъ, которому были отъ насъ выговоры за нѣкоторые говоренные имъ на малороссіянъ поносные рѣчи. Потомъ заездили къ графу Гендрикову, у которого были нѣкоторые кавалери придворные, въ томъ числѣ графъ Андрей Ми-

хайловичъ Евфимовскій и Николай Наумовичъ Чоглоковъ при травленіи медвѣдіовъ.

13. Весь день были въ квартерѣ, а вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Ивановичъ Владиславичъ и полковникъ Василь Танскій. Покуплены сего-жъ числа золотые и срѣбрные часы и сѣтки, а именно: на сукнѣ гасу золотого 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 30 лотовъ и 4 золотника, цена лоту по 95 к., заплачено денегъ 29 р. 13 к.; срѣбрного гасу 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 32 лота и $2^3/_4$ золотника, лотъ по 85 к., дано 27 р. 97 к.; гасу золотого и срѣбрного по 4 аршина, и того 8 аршинъ, вѣсу въ обоихъ 16 лотовъ, золотниковъ $2^3/_4$, цена лоту по 1 р. 15 к., дано 19 р. 35 к.; сѣтки золотой на двѣ портищи по 18 аршинъ, да гасу серебряного узкого на 1 портище 18 аршинъ, вѣсу во всѣхъ 47 лотовъ, 1 золотникъ, лотъ по 75 к., дано 36 р. 50 к.; гасу на шляпу сину Василю, вѣсомъ 5 лотовъ и $^3/_4$ золотника, лотъ по 1 р. 15 к., дано 6 р. 40 к.; за две притупеи 1 р., за кошеліокъ 80 к., за ленту 18 к., за двѣ пари чолковъ шолковыхъ, бѣлые и черные, за плюмажъ до шляпи и одну пару манжетовъ 10 р.; за 110 цвѣтковъ на паньенскіе уборы 20 р., да еще за сѣмъ цвѣтковъ дано 3 р.—Отправовались сватбы въ дворцѣ камеръ-юнкера графа Івана Григорьевича Чарнишова съ фрелиною Евфимовскою и Петра Петровича Наришкина съ княжною умершого въ Цесаріи князя Василія Никитича Репнина дочерью.

14. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, а обѣдали у себе съ Іваномъ Гамаліею и его женою. Послѣ обѣда ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, а я седѣлъ у графа Гендрикова, ужинали у Гамаліи съ брегадирами Аксаковымъ и Горчаковымъ.

15. Весь день пролежалъ и великій имѣлъ поносъ.

16. Ездили рано до канцлера и подали доношеніе съ прошеніемъ доложить ея императорскому величеству объ отпускѣ и отправленіи нашемъ и о дѣлахъ 4-хъ, о коихъ изъ сената поданы доклады, да о Батуринѣ, чтобъ оному быть резиденціею. Вечеромъ были у совѣтника канцеляріи Михайла Григоріевича Собакина, опредѣленного въ експедицію дѣлъ нашихъ малороссійскихъ; потомъ до поздна седѣли у графа Гендрикова. Дочь Екатерина Якову Тимофіеву родилась.

17. По утру были въ дворцѣ и застали графа Розумовского отъежаючого на саняхъ, бо вчора випалъ хотя не болшой снѣгъ. Потомъ заездили въ Кремль въ коллегію иностранную и тутъ видѣлись съ Собакинымъ, съ Новоторжцовымъ и съ секретаремъ Пуговишниковымъ; послѣ были у графа Кирила Григоріевича Розумовского и тугъ увидѣлись съ Тепловымъ. Обѣдалъ у насъ полковникъ Танскій, а надъ вечери были у графа Мойсея и у полковника Гаврила Ѳедоровича Вишневского. Обосланъ Яковъ Тимофіевъ, ради родинъ дочери его, хлѣбомъ, водкою и вышневкою.

18. Рано были у віце-канцлера и подали ему меморіалъ о 5-ти дѣлахъ, въ габінетѣ имѣючихъся.

19. Нарочно званные преосвященнымъ Платономъ Маліновскимъ, архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ, ради вчорашныхъ именинъ его, обѣдали у него съ графомъ Гендриковымъ; тамъ-же были Вѣра Григоріевна, Жоравка и Лесевіцкій съ женами и протчіе, тако-жъ преосвященный Сумонъ Тодорскій, архіепископъ псковскій. Потомъ изъ тихъ-же гостей и у насъ были Евфимъ Дараганъ и Лесевіцкій съ женами, а отъ насъ были и у графа Гендрикова.

20. Ездили рано до графа Кирила Григоріевича Розумовского и презентовали ему 3 книги: двѣ Статута литовского по руску и по полску печатные, третую—Статуты коронные, да трактатъ зъ Полщею 1686 году учиненный, которимъ уступлена полякамъ тогобочная Украина. Вечеромъ были у графа Гендрикова.

21. По утру были перве у вице-канцлера, потомъ у канцлера и поздравляли праздникомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, послѣ которой были у ручки государыни гвардіи семеновского полку офицери. Обѣдали мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а вечеромъ былъ у насъ и долго сидѣлъ подполковникъ Ликевичъ.

22. Передъ обѣдомъ отвезли и вручили Теплову выписку гадяцкой комміссіи. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, надъ вечери были перво у вдовы генералши Шиповой, потомъ у Жоравка, где застали и Ѳедора Івановича Коченевского и Якова Алексіевича Шубского. Тамъ-же и Лясавицкого болного посѣщали.

23. Рано были въ дворцѣ, где къ графу Розумовскому канцлеръ одинъ приходилъ. Григорію Дмитріеву 8 р., а Качановскому за издержанные на коней Скоропадского 13 р. изъ денегъ за тіе-жъ

кони взятыхъ дано. Надъ вечери были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, где и віце-канцлерову графиню Анну Карловну застали. Ужинали у графа Гендрикова.

24. Рано поздравляли графиню Катерину Сергіевну Гендрикову и генералшу Шипову Катерину Яковлевну тезоименитствомъ. Потомъ въ дворцѣ кланялись ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ и у ручки были въ ихъ апартаментахъ, ради тезоименитства ея высочества. Послѣ обѣдни заходили къ графу Розумовскому. Обѣдали у именинници графини Гендриковой. Въ вечеру знову были въ дворцѣ, где на балѣ и государыня присутствовать изволила. Сего числа кавалеріею пожалованъ генералъ-маіоръ Орловъ.

25. Ради воспоминанія вступленія государыни на престолъ ездили съ поздравленіемъ до офіцеровъ лейбъ-компаніи, а именно: до подпоруччика графа Гендрикова, до поруччика графа Александра Ивановича Шувалова и у канцлера были, потомъ въ дворцѣ капитанъ поруччика Алексія Григоріевича Розумовского поздравляли. На обѣдни государыня была въ коронѣ и превеликій былъ сездъ ко двору духовныхъ и мырскихъ, тако-жъ и дамъ, а по обѣдни поздравляли пушечною палбою и музиками и барабанами отъ полковъ государиню. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ знову были въ дворцѣ, где лейбъ-компанія перво въ строй становилась (которой было всѣхъ чиновъ 303), потомъ къ ручки государыни допущены, таже за столами всѣ отъ рядовыхъ и даже до застроевыхъ кушали ужину съ государынею и со всѣми своими офіцерами, при играніи вокалной и инструменталной італіанской музики и при пушечной палбѣ, да притомъ-же была въ дворцѣ преизрядная иллюмінація, такожъ и по всей Москвѣ въ окошкахъ свѣчи свѣтили до полуночи.

26. Прежестокая изъ ранку и до полудня была метель и стужа; однако-жъ мы ездили рано въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. Потомъ отъехали обѣдать до подпоруччика Аполлона Васильевича Лодижинского, который, купивъ дворецъ на Петровки, звалъ между протчими и насъ на новосѣлья. По обѣдѣ ездили съ графомъ Гендриковымъ и генераломъ маіоромъ Володимеромъ Василіевичемъ Ізмайловымъ до князя Алексія Яковлевича Львова, на Петровкѣ-жъ дворъ свой имѣючого.

27. По утру ездили къ совѣтнику Собакину и до дворця, где съ генераломъ Тараканомъ розговори имѣли о откупщикахъ и о протчемъ. Тамъ-же въ дворцѣ у брата былъ графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій, а Тепловъ съ нами разговоровалъ и Василій Евдокимовичъ Ададуровъ. Отъ Новоторжцова присланъ къ намъ запросъ, где нынѣ гетманскіе клейноты содержатся. Писано отъ мене писмо до подполковника и воеводы въ Орелъ о покупки въ домъ мой для услуженія двохъ или трехъ дѣвочокъ не великолѣпныхъ крестьянскихъ.

28. Рано были въ дворцѣ и поздравляли духовника государыни, который прошлого числа 26-го сего мѣсяца поставленъ протопопомъ Благовѣщенского собора, что въ Кремлѣ. По обѣдѣ ездили къ графу Кирилу Григоріевичу, но оного не застали, толко съ Тепловымъ видѣлись; потомъ были у Новоторжцова и тамъ у него застали гусарского полку віце-полковника Стоянова Михайла Іванова сина.

29. По утру были въ дворцѣ и обѣдали у Евфима Ѳедоровича Дарагана и тамъ-же посѣщали жену его болную на зубы. Въ вечеру были у графа Розумовского и его-жъ какъ о порядочной отправѣ нашей и о протчемъ просили, такъ я и о своемъ дѣлѣ напоминалъ, которій и обѣщалъся доложить государыни. Сотникъ Семенъ Куликъ при отъездѣ своемъ изъ Москвы взялъ у мене меморіалъ о покупкѣ для мене въ Полтавѣ двохъ ленчиковъ кримскихъ, трохъ паръ потебеніокъ, трохъ сафяновъ жолтыхъ и трохъ сафяновъ красныхъ.

30. Рано были съ поздравленіемъ кавалерского праздника перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина. Послѣ въ дворцѣ на обѣдни, где кавалери ордена святого Андрея Первозванного, въ томъ числѣ и его імператорское высочество великій князь, шествовали въ своемъ церемоніалномъ платьѣ, а по обѣдни изъ церкви сама уже и государыня съ тими-жъ кавалерами въ покои шествовать публично изволила, потомъ-же за однимъ столомъ съ государинею и кушали оные кавалери при пушечной палбѣ. Въ вечеру въ дворцѣ былъ балъ и везде по дворамъ въ окошкахъ и въ фонаряхъ была обыкновенная иллюмінація. Сего-жъ числа посланный отъ графа Гендрикова въ Глуховъ поруччикъ Іванъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ съ войтомъ села